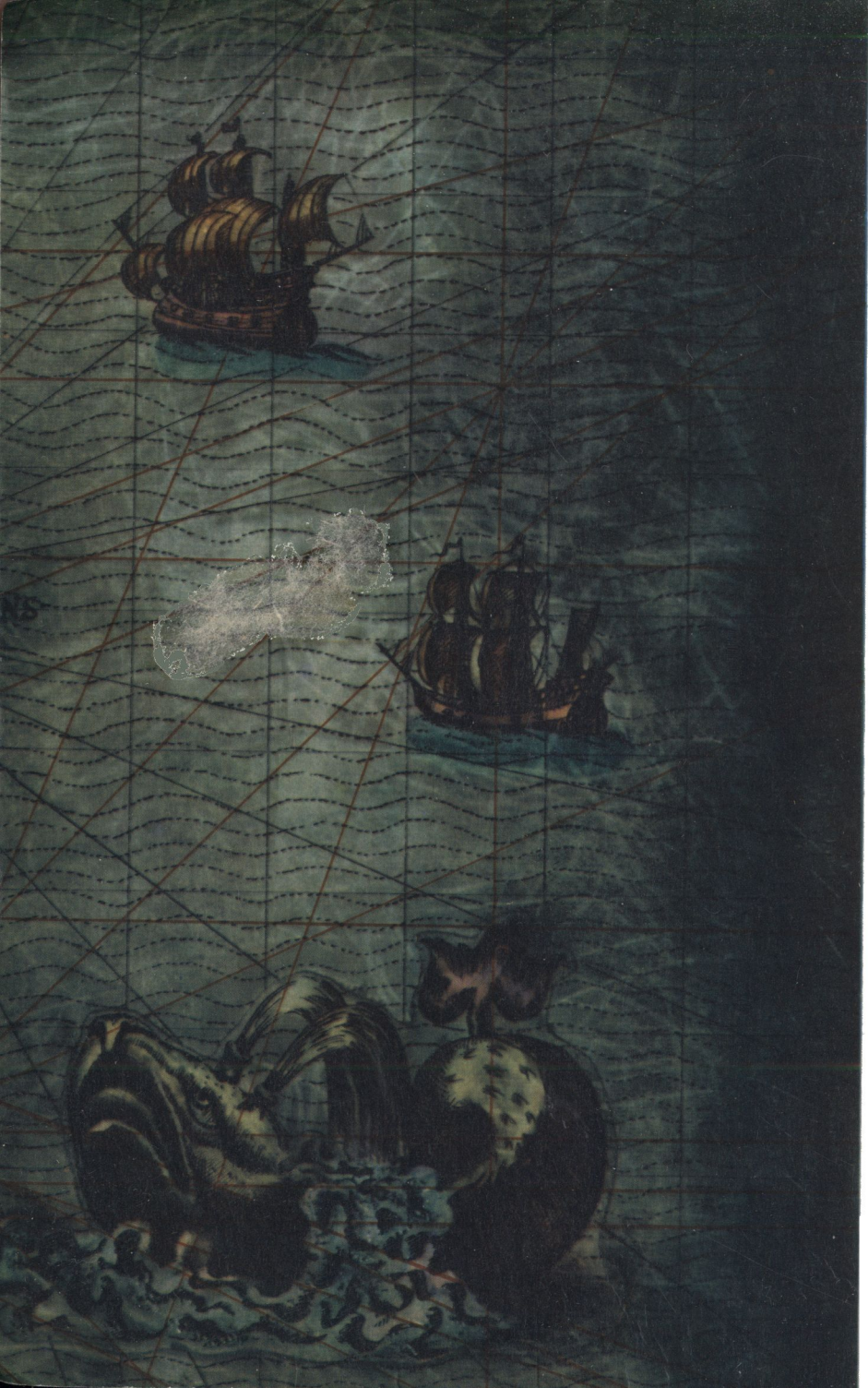

С. УЗИН
Капитан
„Золотой
лани“

OCCIDENTS

MERIDIES

Издательство «Мысль»
Москва 1973

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Scan AAW

Художник С. В. Юкин

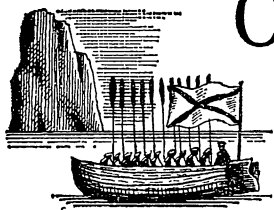
Узип С.
У-34 Капитан «Золотой лани». М., «Мысль»,
1973.
176 с.

Почему пролив между Южной Америкой и Антарктидой назван именем английского пирата Френсиса Дрейка, а бухта в советском Приморье получила интригующее название «Находка»? В чем заслуга итальянца Америго Веспуччи, побудившая географов и историков назвать его именем целый материк? При каких обстоятельствах были открыты многие проливы и заливы, острова и архипелаги, горные хребты и реки и кому принадлежит честь этих открытий? Обо всех этих увлекательных, а порой и драматических событиях повествуется в историко-географических этюдах, объединенных названием «Капитан «Золотой лани»».

У $\frac{0281-237}{004(01)-73}$ БЗ-55-6-73

91 (09)

Драгоценная находка

Осенью 1966 года мне довелось побывать на Дальнем Востоке, как принято говорить, по делам службы. Поездка оказалась во всех отношениях интересной: пришлось полетать на самолете по разным маршрутам, поехать на автомобиле по дорогам Хабаровского и Приморского краев, увидеть и услышать много любопытного. За несколько дней до окончания моей

командировки я приехал во Владивосток, чтобы посетить одно научное учреждение и побеседовать с его сотрудниками по интересующему меня вопросу.

Так случилось, что в основном мне пришлось иметь дело со старшим научным сотрудником этого учреждения Василием Игнатьевичем Песцовым, старинным жителем Владивостока, большим патриотом родного края и милейшим человеком. Василий Игнатьевич хранил в своей памяти колоссальное количество фактов и цифр о милом его сердцу Приморье, и, для того чтобы ответить на мои вопросы (а я их задавал немало), ему редко приходилось прибегать к помощи книг или записей.

Я с полным на то основанием считал, что мне очень повезло, и как-то в разговоре с Василием Игнатьевичем дал ему понять, что о более интересном и приятном спутнике и собеседнике я и мечтать не мог.

Василий Игнатьевич ничем не показал, что мои слова польстили ему, и как бы между прочим спросил меня:

— На какое число у вас заказан билет?

— Я улетаю через три дня, в субботу.

— В таком случае, если вам удастся выкроить свободный день, — оживился он, — рекомендую потратить его на поездку в Находку. Посмотрите сам город и порт...

— Отличная мысль, Василий Игнатьевич, я непременно выкрою время для поездки, но только при одном условии, надеюсь, вы понимаете?

— Догадываюсь, кажется, — добродушно усмехнулся мой собеседник, — и даю свое согласие, если, разумеется, начальство не будет возражать.

— Ну, это я постараюсь уладить,— заверил я его.— Так на какой день назначим вояж?

— В любое время к вашим услугам,— пожал плечами Василий Игнатьевич,— все зависит от вас и от машины.

— Ах да, надо ведь еще раздобыть автомобиль,— задумчиво пробормотал я.

— Непременно,— подтвердил Василий Игнатьевич.— Поездом ехать не имеет смысла.

— Разумеется, если ехать, так на автомобиле,— согласился я.— Знаете что, я сейчас созвонюсь с дорожным управлением и попрошу на завтра «Волгу». Не далее как вчера главный инженер предлагал воспользоваться в случае надобности его машиной. Буду ловить его на слове, а? — И я тотчас же схватился за телефонную трубку.

С машиной уладилось как нельзя лучше, и через день ранним утром мы выехали из Владивостока. Улицы были еще пустынные, город только просыпался. На рейде дымили корабли, изредка издавая хриплые гудки, то протяжные, то короткие. Пасмурное небо низко нависло над заливом. Моросил мелкий дождь, скорее похожий на туман.

— Типичная владивостокская погода,— заметил Василий Игнатьевич, поудобнее устраиваясь на заднем сиденье.

— Что верно, то верно,— подтвердил водитель, молодой парень лет двадцати шести.— Второй год, как сюда приехал, и все не могу привыкнуть. Неделями солнца не вижу.

— Не горюй,— шутливо сказал Василий Игнатьевич,— как привык с сопки на сопку машину гонять, так и к климату приспособишься. Это дело времени.

— Видать, что так,— согласился водитель, закуривая папиросу.

Наша «Волга» легко мчалась по шоссе, изредка обгоняя тяжело нагруженные грузовики. Вот за поворотом еще раз мелькнула морская гладь, и дорога запетляла между сопками.

— Теперь долго моря не увидим, почти до самой Находки,— заметил Василий Игнатьевич.

— А сколько времени уйдет на дорогу? — полюбопытствовал я.

— Часа три с лишним, по всей вероятности,— после минутного размышления ответил мой спутник.

— Пожалуй, поболее,— покачал головой водитель.— Дорога дальше будет похуже, не то что здесь.

— Ну что ж,— бодро заявил я,— спешить нам некуда, весь день в нашем распоряжении. Предлагаю, Василий Иг-

натьевич, использовать время в пути с толком и поговорить о Находке, чтобы я прибыл туда, что называется, теоретически подкованным.

— Извольте,— улыбнулся он.— О чем бы вам хотелось услышать?

— Да обо всем! — не задумываясь, ответил я.— Обо всем, что может представлять интерес. Ведь насколько мне помнится, Находка — очень молодой город, ему и двадцати лет нет от роду.

— В будущем году, виноват, через год, будет справлять свое совершеннолетие. Подумать только, в 1950 году получил статус города, а уже сегодня насчитывает более ста тысяч жителей.— В голосе Василия Игнатьевича явственно слышались горделивые нотки.— Могу смело утверждать, что город этот вырос буквально на моих глазах...

— Скажите, Василий Игнатьевич,— перебил я его,— местоположение Находки напоминает Владивосток?

— Отчасти, только отчасти,— ответил он.

— В каком смысле?

— Берег бухты Находка, видите ли, более горист, чем у нас,— пояснил мой спутник.— Наши сопки уступают тамошним и по высоте, и по крутизне. Впрочем, это обстоятельство не мешает строителям. Там, где требуется, скалы взрывают и выравнивают площадки для улиц, домов, предприятий, портовых сооружений.

— Главное там, разумеется порт,— полувопрошающе, полуютверждающе заметил я.

— Не подлежит никакому сомнению,— последовал ответ.— Его сооружения протянулись на многие километры вдоль извилистого берега.— Василий Игнатьевич воодушевился.— Да будет вам известно, что уже сейчас Находка — один из самых крупных рыбных портов в стране. Да, да! Через него проходит больше половины всей рыбы, вылавливаемой в Приморье. На его рейде всегда полно рыбачьих судов — траулеров, плавучих баз. А рядом с ними можно нередко увидеть и «иностранцев» — из Англии, Италии, Греции, Норвегии, Голландии, Корейской Народно-Демократической Республики, Японии, Канады, Демократической Республики Вьетнам, Бирмы, Либерии...

— Даже Либерии? — с удивлением переспросил я.

— А что в этом удивительного? — пожал плечами Василий Игнатьевич.— Корабли африканских стран все чаще появляются у наших берегов.

— Н-да,— задумчиво протянул я.— Чтобы принимать

такую армаду, действительно нужно иметь громадное портовое хозяйство.

— О, вы увидите сами, что уже сделано! — удовлетворенно воскликнул Василий Игнатьевич и стал перечислять: — морской вокзал, судоремонтный завод управления активно-го морского рыболовства, железнодорожная ветка, причалы. Дома растут один за другим. Смею утверждать, что через несколько лет там будет красавец город и первоклассный торговый порт. Рыба, лес, руда, всевозможная промышленная продукция — у нас есть чем торговать! — Мой собеседник умолк на мгновение и мечтательно продолжал: — Хотел бы я, ох как хотел бы, чтобы те люди, которые более ста лет назад волею случая обнаружили залив Америка и бухту Находка, посмотрели, что творится на том берегу, где они видели лишь заросли маньчжурского ореха да лес, увитый лианами.

— Да, — согласился я, — им и в голову тогда не могло прийти, что в открытой ими дикой, необитаемой бухте возникнет порт, да еще какой!

— Вот вы только что сказали «залив Америка», — неожиданно вмешался в наш разговор водитель. — Между прочим, не от вас первого слышу это название, а объяснить толком, откуда оно взялось, мне никто так и не смог. При чем здесь Америка? — Водитель недоуменно покачал головой. — Залив Америка, бухта Находка, — повторил он, — ведь неспроста так называли, я думаю. Может, вы что об этом знаете?

Я взглянул на Василия Игнатьевича и понял по выражению его лица, что он готов ответить на вопрос водителя, но, будучи осведомлен о моем увлечении происхождением географических наименований, не хотел показаться невежливым, первым заговорив на эту тему.

— Мне эта история известна лишь в самых общих чертах, — улыбнувшись, сказал я, — поэтому уступаю вам слово, Василий Игнатьевич. По глазам вижу, что у вас есть что рассказать.

— Не скрою, кое-что мне удалось раскопать в старых публикациях и архивах, — произнес Василий Игнатьевич, — и если вы...

— Рассказывайте, рассказывайте, — ободрил я его. — Уверяю вас, мне тоже будет очень интересно послушать вас.

— Коли так, извольте, — ответил мой провожатый. — Попытаюсь изобразить вам словесно события более чем столетней давности, как они мне представляются теперь, после

тщательного сопоставления всех разрозненных сведений, собранных мною повсюду, где только можно было.

— О! — воскликнул я, — так мы услышим не сухое изложение фактов, а целое повествование?!

Василий Игнатьевич некоторое время помолчал, собираясь с мыслями, затем тихо начал свой рассказ:

— Перенеситесь воображением в середину прошлого столетия и представьте себе бушующий океан в разгар жестокого шторма, какие нередко случаются в тихоокеанских водах. Одинокий корабль затерялся среди волн Японского моря. Это пароходо-фрегат «Америка», принадлежащий Сибирской флотилии. Уже не первый год суда флотилии изучают берега Приморья, и не без успеха. Морякам «Америки», в частности, посчастливилось открыть в 1857 году несколько бухт. Но сейчас ее командиру капитану Новицкому не до открытий. Вот уже несколько дней, как судно находится во власти шторма, который не только не утихает, но, кажется, все усиливается, хотя трудно вообразить, что буря может быть еще ужаснее.

Судорожно вцепившись руками в поручни мостика, капитан Новицкий воспаленными от бессонных ночей глазами наблюдает, насколько это позволяют обрушивающиеся с грохотом на корабль волны, за усилиями своего экипажа. Рядом с ним совсем еще юный мичман — вахтенный начальник. На нем, как и на капитане, дождевик, с которого ручьями стекает вода.

— Скверно! Очень скверно! — кричит Новицкий простуженным голосом, показывая рукой на стремительно несущиеся свинцовые тучи. — Никакой надежды на то, что этот ад скоро кончится!

Мичман в ответ только кивает головой. Он старается держаться так же спокойно и уверенно, как его командир, но ему это плохо удается. И не мудрено, ведь это его первое плавание, настоящее, а не учебное. Невольно в голову лезут мысли о безысходности их положения, но он крепится из всех сил, только бы капитан не прочел на его лице страха и малодушия.

— Как матросы? — охрипшим от крика голосом спрашивает Новицкий. — Все ли на местах?

— Работают на совесть, господин капитан, — отвечает мичман, — но... — последние его слова перекрываются грохотом обрушившегося на корабль очередного шквала. Видя, что капитан его не понял, мичман повторяет: — Работают на совесть, но из последних сил.

Новицкий делает знак, что он понял, и снова кричит, наклоняясь к уху своего юного подчиненного:

— Сходите, мичман, и распорядитесь, чтобы тех, кто выбился из сил, сменили отдохнувшие. Да подбодрите матросиков, пусть не падают духом. Скажите им: капитан, мол, надеется на них и уповает на то, что бог нас не оставит.

Мичман вытягивается, не отрывая рук от поручней, и делает шаг к лесенке, но капитан его останавливает.

— Вот еще что,— кричит он.— Заодно проверьте, в каком состоянии палубные надстройки и не образовалась ли где течь. Как только все выясните, возвращайтесь немедленно сюда с докладом.

— Может быть, поднять господина старшего офицера, чтобы он вас сменил? — спрашивает мичман.— Ведь вы уже вторые сутки без отдыха, господин капитан.

— Нет, нет, мичман,— ласково взглянув на юношу, отвечает Новицкий.— Отосплюсь, когда шторм утихнет. Идите, друг мой, и будьте осторожны. Ни на мгновение не отпускайте каната, иначе, не дай бог, волна смоет в море в одно мгновение.

Мичман исчезает среди брызг и пены, и капитан остается один. Он вполне отдает себе отчет в опасности положения, в котором оказалось судно; силы людей на исходе, и, если в ближайшее время не наступит перелом, гибель неизбежна. Но бороться надо, необходимо, до последней секунды. Новицкий, до боли напрягая зрение, всматривается в окружающую корабль мглу, словно пытаясь пронзить ее своим взглядом. Где-то совсем близко, по его расчетам, должен находиться берег материка. Если их выкинет на скалы, есть еще надежда на спасение людей. Но где, где этот берег?! На миг им овладевает чувство бесконечной усталости, и он закрывает глаза. Но только на миг, а в следующую минуту он с еще большим ожесточением продолжает всматриваться вдаль.

Так проходит полчаса, полные грохота волн, свиста ветра, скрипа снастей и треска ломающегося дерева. Сквозь эту какофонию звуков до капитана доносится покашливание.

— Это вы, мичман? — не оборачиваясь, спрашивает он.

— Никак нет, ваше высокоблагородие,— раздается голос его вестового.— Это я, Степан.

— Ты как здесь оказался? — с удивлением спрашивает Новицкий.— Зачем явился?

— Так ведь, ваше высокоблагородие, зазябли совсем да и проголодались небось, вот я и принес вам рому да галет.

Новицкий усмехается в усы.

— Ну, раз принес, давай.— И, оторвав руку от поручня, треплет вестового по плечу, а потом забирает у него флягу с ромом и пачку галет. Затем уже строго добавляет: — А теперь марш вниз работать.

Степан направляется к лесенке, ведущей на палубу, и чуть не сталкивается с поспешно поднимающимся по ней мичманом.

— Какие новости, мичман? — спрашивает Новицкий, делая глоток из фляжки.

— Плохие, господин капитан, ничего утешительного, — тщательно пытаюсь скрыть отчаяние, отвечает молодой человек прерывающимся голосом. — Все палубные надстройки почти разрушены или смыты, в трюме образовалась пробоина, люди обессилели, все идет прахом.

— Стыдитесь, мичман! — яростно кричит Новицкий. — Возьмите себя в руки, черт возьми! Вы русский моряк, милостивый государь, а ведете себя, как кисейная барышня, падающая в обморок при малейшей опасности! Потрудитесь вести себя достойно!

— Прошу прощения, господин капитан, за минутную слабость. Даю слово, что этого больше не повторится. Клянусь честью офице... — Мичман внезапно обрывает фразу и кричит, указывая пальцем на запад: — Взгляните, господин капитан, берег! Я вижу берег!

Новицкий резко поворачивается, и его наметанный глаз сразу же различает в туманной мгле смутные очертания гор.

— Право руля! — командует он. — Мичман, свистать всех наверх! Подготовить шлюпки!

Мичман повторяет команды капитана звонким от волнения голосом. И вот уже «Америка» несется к берегу, приближающемуся с угрожающей быстротой. Новицкий сосредоточенно смотрит вперед, с минуты на минуту ожидая услышать треск ломающегося корпуса корабля. Но судно движется, не встречая подводных скал, ход его постепенно замедляется, а шторм начинает стихать. Капитан с изумлением осматривается по сторонам и уже не только впереди, но и справа и слева видит силуэты сопков. Волны, словно укорощенные какой-то волшебной силой, начинают ласково плескаться о борта судна.

— Залив! — восторженно восклицает мичман. — Мы спасены!

— Да,— устало кивает головой Новицкий.— Залив, и притом с удобной для стоянки кораблей бухтой. Мы уже успели в нее проскочить. Здесь никакой шторм не страшен. Поистине для нас эта бухта — лучшая находка, какую только можно было в нашем положении пожелать. Так и назовем ее Находкой, ведь, если правду говорить, мы нашли здесь свою жизнь, а, мичман? — И он лукаво смотрит на покрасневшего юношу.— Что же касается залива,— продолжает капитан задумчиво, прикрыв уставшие глаза рукой,— то его, мне думается, следует назвать в честь нашего много-страдального корабля. Пусть впредь он именуется заливом Америка. Так и занесите, мичман, в вахтенный журнал, когда определите координаты. А теперь я иду к себе, надо поспать хотя бы несколько часов.

Василий Игнатьевич умолк. Мы тоже некоторое время молчали, погружившись мыслью в далекое прошлое.

Первым нарушил тишину наш водитель.

— Да-а-а,— с нескрываемым восхищением протянул он,— отважный и хладнокровный человек был этот капитан Новицкий.

— Несомненно,— согласился Василий Игнатьевич.— Настоящий русский моряк, каких мы знаем немало из истории отечественного флота.

— И чего он назвал залив Америкой,— с неодобрением продолжал водитель.— Будь моя воля, я скорее бы дал этому заливу имя капитана.

— Так заслуги его особенной в том не было,— улыбнулся Василий Игнатьевич.

— Не скажите,— настаивал водитель.— Если бы не его мастерство, хладнокровие и выдержка, не видать им этого залива, да и вообще белого света.

— А пожалуй, в этом рассуждении есть смысл,— вступил я в разговор.— Мало ли мы знаем фактов, когда открытия совершались случайно. Впрочем, спор наш ни к чему не приведет. Залив Америка сохранит свое название, что бы мы здесь ни говорили.

Время пролетело незаметно, и для меня было полной неожиданностью, когда из-за очередного поворота, счет которым я уже давно потерял, открылась отливающая голубизной ровная поверхность моря.

— Подъезжаем к Находке,— с некоторой даже торжественностью объявил водитель.

А Василий Игнатьевич добавил:

— Сейчас мы выедем на берег и проследуем по главной улице, окаймляющей бухту.

Вскоре показались первые дома. Это были в большинстве своем современные сооружения. Они располагались по правой стороне улицы, взбираясь на прибрежные склоны. Среди них тянули к небу свои шеи строительные краны. А слева вдоль берега раскинулись портовые сооружения: причалы, складские помещения, порталы краны. За ними виднелись мачты и трубы океанских кораблей.

— Даже на первый взгляд порт и город впечатляют, — сказал я, разглядывая открывшуюся панораму бухты. — Находка моряков «Америки» оказалась в хороших руках, а?

— Что верно, то верно, — удовлетворенно улыбнулся Василий Игнатьевич, как будто все, что открылось моему взору, было делом его рук. — Это была поистине счастливая находка и для них, и для нас. Достаточно посмотреть вокруг, чтобы удостовериться в этом.

— Посмотреть мало, — заметил я, — надо осмотреть, и притом самым обстоятельным образом.

— Разумеется, мы так и сделаем. А сейчас, мне кажется, самое время позавтракать.

Предложение Василия Игнатьевича не встретило с нашей стороны возражений, и через несколько минут водитель остановил «Волгу» у дома, на котором красовалась вывеска «Кафе».

Не стану пересказывать подробно всего, что я повидал в Находке, скажу лишь, что впечатлений было много, и притом самых разнообразных. И в их числе не последнее место занимала история, рассказанная Василием Игнатьевичем, об открытии Находки.

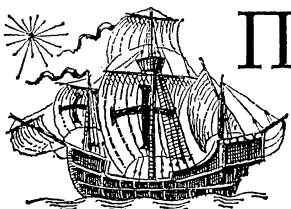
На обратном пути во Владивосток мы снова вернулись к этой теме, и я, воспользовавшись случаем, заручился разрешением моего провожатого воспроизвести его рассказ на страницах моей новой книги о происхождении географических наименований, над которой я в то время уже начал работать.

Вспомнились мне и рассуждения нашего водителя по поводу того, что следовало бы открытый залив назвать не по имени судна, а по фамилии его капитана — Новицкого, и я подумал, что, пожалуй, имеет смысл пересмотреть план книги и посвятить ее в отличие от предыдущих главным образом географическим названиям, увековечившим имена путешественников и исследователей. Мысль эта не покидала

меня и по возвращении в Москву и в конечном счете воплотилась в книгу, которая предлагается вниманию читателя.

Книга эта состоит из отдельных этюдов, посвященных выдающимся русским и зарубежным путешественникам и исследователям, точнее, наиболее ярким эпизодам их странствий на суше и на море, увенчавшимся открытиями неизвестных дотоле островов и земель, заливов и проливов, — словом, всего того, чему принято присваивать названия, которые затем можно увидеть на географической карте.

Адмирал моря-океана

Подгоняемые попутным ветром каравеллы быстро удалялись от Палоса, и очертания домов, густо усыпавших берега Рио-Тинто, и мачты стоящих на рейде судов становились все более смутными, расплывчатыми.

Десятки глаз жадно следили за исчезающим в легкой дымке городом, как будто старались запечатлеть в памяти милую сердцу картину. Во взорах моряков читались сожаление и тревога. Сожаление — о

всем том, что они оставляли на родине, быть может, навсегда, тревога — за будущее, страшившее своей неизвестностью.

Что будет с ними? Куда повлечет их судьба в лице этого чужестранца, сумевшего втереться в доверие к кастильским королям и стать во главе экспедиции?

Подготовка к ней была окружена такой таинственностью, что поневоле в голову приходили самые мрачные предположения, и многие мысленно навсегда прощались с родными берегами, не надеясь возвратиться домой целыми и невредимыми. Перспектива плавания по безбрежному океану вдали от земли пугала суеверных моряков, как пугает все неведомое.

Впереди шла «Санта Мария» — судно, снаряженное самим начальником экспедиции Христофором Колумбом. В отличие от всех своих подчиненных глава экспедиции не бросал тоскливых взоров на скрывающиеся вдали берега Испании. Напротив, глаза его радостно блестели и были

устремлены в ту сторону, куда держала путь его флотилия, — на запад. Казалось, будто он своим напряженным взглядом хочет ускорить бег кораблей, приблизить их к заветной цели.

Он был весь во власти дум.

Итак, ему удалось добиться своего. Но только одному ему ведомо, скольких трудов, упорства, настойчивости и унижений это стоило. Восемь лет беспрестанных усилий, перехода от надежды к разочарованию и от отчаяния к новой надежде. Восемь лет обивания порогов королевских приемных в Португалии, Испании, снова в Португалии и Испании, в Англии и Франции.

В Португалии его проект поисков на западе Индии и других азиатских стран отверг «Совет математиков», в Испании — специально созданная для этого комиссия, а затем совет экспертов. Комиссия мотивировала свое решение тем, что такая экспедиция якобы бесплодна, ибо, по мнению блаженного Августина, на стороне земного шара, противоположной Европе, суши быть не может. Было высказано также опасение, что океан недоступен для плавания и что если кому-либо удастся добраться до антиподов, он уже не сможет вернуться обратно. Совет же экспертов попросту признал претензии Колумба о предоставлении ему прав и привилегий чрезмерно большими.

И, несмотря ни на что, он все-таки победил. Он сумел заинтересовать своим проектом влиятельных представителей торговых кругов Испании, которые согласились после долгих колебаний финансировать экспедицию. Теперь все мытарства позади. В шкатулке, хранящейся в его каюте, лежат документы, подписанные королем Фердинандом и королевой Изабеллой и дарующие ему в случае успеха предприятия все то, о чем он мечтал. О, он отлично помнит их содержание:

«Поскольку вы, Христофор Колумб, отправляетесь по нашему повелению для открытия и приобретения некоторых островов и материка в море-океане на наших кораблях и с нашими людьми и поскольку мы надеемся, что с помощью божьей лично вами и благодаря вашей предприимчивости будут открыты и приобретены некоторые из этих островов и материк в упомянутом море-океане, мы считаем справедливым и разумным вознаградить вас за труды, которые вы несете на нашей службе. И желая оказать вам надлежащие почести и милость за все вышеупомянутое, изъявляем мы свою волю и милость следующим образом.

После того как вы, упомянутый Христофор Колумб, откроете и обретете указанные острова и материк в море-океане или любую иную землю из их числа, да будете вы нашим адмиралом островов и материка, которые будут открыты и приобретены вами. И да будете вы нашим адмиралом и вице-королем и правителем в этих землях, которые вы таким образом откроете и приобретете. И отныне и впредь можете вы именовать и титуловать себя дон Христофор Колумб, а ваши сыновья и потомки, исполняя эти должности и службу, могут также носить имя, титул и звание дона и адмирала и вице-короля и правителя этих земель.

И этим письмом или копией его, скрепленной подписью нотариуса, повелеваем мы... считать и полагать вас отныне и далее в течение всей вашей жизни, а после вас в течение жизни вашего сына и наследника, и так от наследника к наследнику навсегда и навечно, нашим адмиралом упомянутого моря-океана и вице-королем и правителем упомянутых островов и материка...»

Впрочем, радоваться еще рано. Самое трудное впереди. Предстоит долгий путь на плохо приспособленных к дальним плаваниям судах, с недружелюбно, а подчас и просто враждебно настроенными спутниками, путь в неизведанные воды Западного океана, где до него, вероятно, не был ни один мореплаватель. Все знание мореходного искусства, все умение и опыт понадобятся ему для успешного завершения задуманного предприятия... Он хорошо сознавал, что ему придется выдержать борьбу не только со стихией, но и с людьми, его сопровождающими. Мало вести корабли твердой рукой по намеченному курсу, необходимо поднять дух людей, завоевать их доверие, победить их страх перед неизвестным... Хватит ли у него на это сил, он не знал, но был полон решимости не отступать от задуманного, чего бы это ему ни стоило.

Колумб очнулся от обуревавших его мыслей, когда небольшая его флотилия находилась уже в открытом море. Берега Испании скрылись вдали. Впереди простиралась бесконечная водная пустыня Атлантического океана.

С первых же дней плавания начались неприятности. Из-за поломки руля на одной из каравелл и обнаружившейся в ее корпусе течи пришлось почти месяц провести на Канарских островах. Когда же наконец самый западный из островов Канарского архипелага — Ферро скрылся за горизонтом и корабли очутились среди безбрежных вод океана, все снова приуныли и пали духом. Колумб уловил перемену в

настроении экипажа, угадал то состояние подавленности, в каком пребывало большинство его спутников, и живо представил себе гибельные для экспедиции последствия этого. В своем дневнике он записал: «... принял решение отсчитывать доли пути меньше, чем проходил в действительности, в том случае, если плавание оказалось бы длительным, чтобы людьми не овладели бы страх и растерянность».

Дни сменялись днями. Пустынный океан казался мореплавателям неприветливым, хотя погода благоприятствовала плаванию. Нервы у всех были напряжены постоянно. Любое событие, даже самое, казалось бы, ничтожное, воспринималось большинством или как признак приближающейся земли, или же как грозное предупреждение о надвигающейся опасности. Больше всего суеверные моряки опасались, что на обратном пути не будет попутного ветра, корабли не смогут вернуться в Испанию и они никогда не увидят родных мест и своих близких.

На десятый день после отплытия с Канарских островов в океане появились пучки плавающей зеленой травы, и с каждым последующим днем ее становилось все больше и больше. Вдали иногда резвились дельфины, над кораблем изредка пролетали птицы, в выловленных водорослях моряки обнаружили живого рака. Эти, казалось бы, неоспоримые свидетельства близости земли крайне возбуждали мореплавателей. Одни изливали свои чувства в шутках, смехе, песнях, другие — наиболее богомольные — шептали благодарственные молитвы. Взоры всех были устремлены туда, где каждое мгновение могла показаться столь желанная земля.

Но проходили сутки, за ними другие, а океан оставался безбрежным. Только поверхность его, как и прежде, была покрыта скоплениями водорослей, вселивших напрасные надежды в сердца мореплавателей. На смену радостному возбуждению вновь пришел страх. Он еще более усилился, когда внезапно упал ветер. Моряки восприняли это как злоещее предзнаменование грядущих несчастий и начали роптать.

Недовольные собирались группами и возбужденно обсуждали способы возвращения в Испанию. Во всех постигших их несчастьях они винили, конечно, завлекшего их сюда Колумба.

Колумб бесшумно находился на верхней палубе, неотрывно следя за горизонтом, и ощущал на себе откровенно враждебные взгляды. Мысли его были безрадостны. Настро-

ение команды не оставалось для него секретом. Как-то вечером он случайно подслушал разговор, который раскрыл всю глубину грозившей ему и всему предприятию опасности. Проходя через кормовую часть судна (был уже поздний час), Колумб слышал возбужденные голоса. Несколько уловленных слов заставили его остановиться. Он замер, стараясь не пропустить ни звука.

— Чего мы ждем?! Почему терпим власть проклятого чужестранца, который готов нас всех погубить в угоду своим безумным затеям? — говорил один из невидимых участников сходки срывающимся, визгливым голосом. — Мы все умрем и никогда не увидим родных берегов, если будем молчать и бездействовать! Разве вы не видите, что делается в океане? Как мы вернемся в Испанию, если заплывем дальше, когда уже и сейчас ветра нет? Надо поворачивать обратно, пока не поздно!

Слова оратора были встречены гулом одобрения, который показал Колумбу, что в разговоре принимает участие много людей.

— Правильно говорит Алонсо, — раздался чей-то хриплый бас, — надо с этим выскочкой расправиться и возвращаться домой. Разве кому-нибудь из нас надоела жизнь?

— Понятно, нет, — вступил в разговор третий собеседник. — А коли так, лучше уж пусть умрет тот, кто нас сюда завлек. Туда ему и дорога, никто о нем горевать не станет...

Его прервал четвертый:

— Сбросить его в море, и все тут. Нет ничего проще. Когда он будет производить свои чертовы наблюдения за звездами, столкнуть его за борт — и конец делу! А вернемся домой, скажем, что начальник случайно упал за борт и спасти его не удалось...

Все заговорили разом, обсуждая внесенные предложения, но дослушать заговорщиков Колумбу не удалось, так как за его спиной слышались приближающиеся шаги и он поспешно удалился, чтобы не быть застигнутым врасплох.

Возвращаясь в свою каюту, он тщетно ломал голову над тем, что предпринять, чтобы избежать открытого бунта. К счастью, на следующий день в океане поднялось сильное волнение, задул ветер, и корабли вновь устремились на запад. Уговорами и посулами ему удалось предотвратить готовое вспыхнуть возмущение, но Колумб отлично понимал, что это ненадолго. Беспокойство его все возрастало. По его расчетам, корабли должны были уже достигнуть земли, —

пройденное расстояние намного превысило предполагаемое. А между тем миновал двадцатый день непрерывного плавания. Если в ближайшие дни не покажется земля, он не будет знать, что сказать команде, не сможет справиться с взбунтовавшимися людьми, и все пойдет прахом.

Почему же все-таки нет до сих пор земли? А что, если он ошибся? Что если... Но нет, этого не может быть, все расчеты были так точны, убедительны. Колумб потрянул головой, как бы отгоняя от себя появившиеся сомнения, и, поднявшись на верхнюю палубу, стал напряженно всматриваться вдаль. Не обнаружив ничего заслуживающего внимания на линии горизонта, взгляд его скользнул по идущей впереди «Пинте» и остановился. На самом быстроходном корабле его флотилии что-то случилось: люди бежали по палубе, висели на снастях, размахивали руками и что-то кричали. Вскоре недоумение Колумба рассеялось: ему сообщили, что с «Пинты» заметили землю.

Услышав долгожданную весть, все точно обезумели. Колумб упал на колени и возблагодарил бога за дарованную радость. Матросы, облепившие снасти, пристально всматривались в горизонт и кричали, что они тоже видят землю в юго-западном направлении.

Когда все немного успокоились, Колумб приказал изменить курс, и в течение нескольких дней флотилия двигалась на юго-запад. Однако земля не показывалась. В который раз уже мелькнувший на горизонте далекий берег бесследно исчезал при приближении, словно неуловимый таинственный призрак.

Люди снова помрачнели, их не радовала мягкая, тихая погода. Ими снова овладели беспокойство за свою судьбу и страх перед необъятными просторами океана, в которых затерялись их корабли.

Спустя еще десять дней другой корабль флотилии — «Нинья» поднятием на мачте флага и выстрелом из пушки дал знать, что впереди видна земля. И опять моряков ждало разочарование, ни завтра, ни в последующие дни она не показывалась. Атмосфера на кораблях вновь накалилась до крайности. Под угрозой бунта Колумб вынужден был изменить курс и повернуть еще юго-западнее. Уговорами, угрозами, обещаниями наград ему еще раз удалось оттянуть гибельную развязку.

В четверг, 11 октября 1492 года, уже с утра в океане стали попадаться предметы совершенно «земного» происхождения: обтесанная палочка, дощечка, сук какого-то дерева,

ветка, усеянная ягодами шиповника. И эти вещественные доказательства яснее, чем обманчивые миражи, говорили измученным людям, что суша близка.

В десять часов вечера Колумбу, находившемуся в это время на корме, почудилось мерцание света в западной стороне.

— Сеньор Гутьерес,— обратился он, не доверяя себе, к сопровождавшему его в экспедиции королевскому постельничьему,— взгляните в этом направлении. Не находите ли вы, что там виден движущийся огонь?

Покуда тот пристально всматривался в ночную даль, Колумб с трудом сдерживал охватившее его волнение.

— Мне кажется, что там действительно что-то светится,— наконец неторопливо ответил Гутьерес, тщательно исследовав горизонт.

— Дон Родриго, дон Родриго! — взволнованно обратился тогда Колумб к стоявшему поодаль королевскому контролеру Родриго Санчесу де Сеговия.— Соболаговолите подойти сюда и взглянуть повнимательнее в том направлении, какое я вам укажу.

Королевский контролер поспешно подошел к Колумбу и, проследив взглядом за его рукой, стал пристально всматриваться в ночной горизонт. Немного погодя он уверенно сказал:

— Это свет, и он мне очень напоминает колеблющееся пламя свечи.

Услышав второе подтверждение того, что впереди виден огонь, Колумб с облегчением вздохнул. Теперь он не сомневался, что они приближаются к земле.

Когда наступил час вечерней молитвы и все оказались в сборе, он предупредил, что земля близка, так близка, что может показаться в любую минуту.

— Поэтому приложите все старания,— продолжал он,— и бдительно несите вахту. Помните, что милостивые наши государи, король Фердинанд и королева Изабелла, обещали в награду тому, кто первый увидит землю, пенсию в размере десять тысяч мараведи* в год. Со своей стороны обещаю наградить счастливца шелковым камзолом. Идите, и да поможет вам бог!

В два часа пополуночи всех переполюшил грохот выстрела. Подавала сигнал «Нинья»: матрос Родриго де Триана

* Мараведи — старинная золотая и серебряная монета, бывшая в обращении в Испании до 1848 года.

увидел землю. Она показалась примерно в десяти километрах от кораблей.

Остаток ночи никто не спал. Всех взбудоражило долгожданное известие. Невзгоды, сомнения, недовольство — все мгновенно было забыто. Колумба поздравляли с достижением Индии и с вступлением в права адмирала моря-океана, вице-короля и гранда * Испании.

Он благосклонно принимал сыпавшиеся со всех сторон поздравления, стараясь не выказать охватившей его радости. Внутренне он ликовал. Ему не хотелось вспоминать, каких нечеловеческих усилий стоило довести до конца задуманное им дело, преодолеть страх и недоверие спутников, преодолеть собственные сомнения. Он сознавал в этот миг одно — великая цель достигнута.

Да, долгожданная земля наконец явилась его взору, пока еще неведомая, таинственная, но в то же время вполне реальная и почти осязаемая.

В это первое свое плавание Колумб открыл несколько островов Багамской группы, Кубу, остров Гаити, которому дал название Эспаньола.

Обнадеживающие результаты первой заокеанской экспедиции побудили Фердинанда и Изабеллу снарядить вторую, более многочисленную и лучше оснащенную. 25 сентября 1493 года, утвержденный в своих правах адмирала моря-океана и вице-короля Индии (тогда еще полагали, что Колумб достиг Индии), он с флотилией в семнадцать кораблей вышел во второе плавание.

На этот раз были открыты острова Гваделупа, Доминика, Виргинские, Пуэрто-Рико, Ямайка, но баснословных богатств Индии, Китая, Японии мореплаватели не обнаружили. Испанские короли сочли экспедицию неудачной, и доверие их к Колумбу сильно поколебалось. Поэтому снарядить третью экспедицию ему стоило больших трудов.

Открытые им земли в третье плавание были не чем иным, как Южноамериканским материком, а пресные воды в проливе между островом Тринидад и материком принадлежали одной из самых многоводных рек Южной Америки — Ориноко.

Весной 1502 года Колумб в четвертый раз отправился на поиски Индии. В это последнее плавание корабли его впервые побывали у берегов Центральной Америки — Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики, Панамы. Но обещанных не-

* Гранд — представитель высшей знати в Испании.

сметных богатств, которых так ждали король и королева, опять не было.

Лишенный всех привилегий, дарованных ему и его потомкам навечно испанской короной, снедаемый тяжелым недугом, Колумб после тщетных попыток добиться восстановления своих прав скончался в неизвестности 20 мая 1506 года.

Так умер великий мореплаватель, открывший европейцам Большие и Малые Антильские острова, Южную и Центральную Америку, иными словами, Новый Свет, хотя и не подозревал, что вместо Индии он достиг нового, дотоле неизвестного материка. Заслуги его не подлежат сомнению, как не подлежат сомнению его выдающиеся способности. И по праву вновь открытый материк следовало бы назвать именем знаменитого генуэзца. Но история рассудила иначе.

В чем же причина? Почему Америка, а не Колумбия? Почему чести дать имя Новому Свету удостоен флорентиец Америго Веспуччи, а не генуэзец Христофор Колумб?

Разгадку тайны появления названия «Америка» на географических картах следует искать не в честолюбивых замыслах самого Америго Веспуччи, как это пытались делать многие исследователи, и не в стремлении его друзей, земляков или хозяев возвеличить и увековечить его имя.

В конце XV и начале XVI столетия открытия португальских и испанских мореходов беспредельно расширили представления европейцев о Земле. Плаванья португальцев вдоль побережья Африки вплоть до ее южной оконечности; подвиг Христофора Колумба, совершившего прыжок в неизвестное; достижение португальцем Васко да Гамой сказочно богатой Индии вокруг Африки — все эти события, ломавшие привычные рамки обитаемого мира, сложившиеся на протяжении веков, произвели в сознании европейцев полный переворот.

Бурный поток великих географических открытий внес хаос в стройную систему устройства Земли, разработанную непрерываемым авторитетом средневековья — Птолемеем. Рядом с такими издавна известными частями света, как Европа, Африка и Азия, возникли очертания, впрочем пока еще совсем смутные, нового материка.

Правда, Христофор Колумб в своих письмах и других документах с упорством утверждал, что открытые им на западе земли не что иное, как Сипангу (Япония) и Китай, то есть часть Азии, но уже появляются первые высказывания об открытии новой части света, *терра нуова* (новой земли). И первое слово об этом произносит безвестный итальянец,

некий Америго Веспуччи, в письмах, адресованных банкиру Медичи и губернатору Флоренции Содерини.

Возникает насущная задача — исправить и дополнить знаменитый труд Птолемея «Космографию». Этот дерзкий замысел рождается не в стенах университетов Сорбонны и Страсбурга, Болоньи и Саламанки. Нет, впервые эта смелая мысль четко формулируется в небольшом городке на востоке Франции, наименование которого тщетно было бы искать на современной карте Европы.

Перенесемся мысленно в начало XVI столетия.

В то время как в Испании в забвении умирает Христофор Колумб, в глубине гор Вогезов на востоке Франции, в небольшом городке Сен-Дье — резиденции великого герцога Лотарингского — в одной из отдаленных комнат герцогского дворца у весело потрескивающего камина расположилось несколько мужчин. Они сосредоточенно внимают словам пожилого человека, облаченного в строгую одежду священника.

— Господа, — говорит капеллан Готье Люд. — Я предлагаю использовать мой печатный станок для переиздания Птолемеевой «Космографии», а ваши глубокие и разносторонние познания и способности — для исправления и дополнения этого великого труда. Вы, почтеннейший мэтр Базен, с вашим знанием древних и новых языков будете совершенно нам необходимы. Ваши выдающиеся способности к рисованию и черчению и незаурядные познания в области географии, любезный Вальдземюллер, послужат нам неоценимым подспорьем, равно как и поэтическое дарование Матиса Рингманна, нашего неизменного собеседника и верного друга.

В таком содружестве нам не будут страшны никакие трудности. Оно послужит залогом успеха нашего благородного начинания. Я более чем уверен, что созданный нашими совместными усилиями труд послужит не только прославлению великого герцога, нашего покровителя, но и, будем надеяться, принесет пользу человечеству. — Капеллан умолк.

Оживленная беседа затянулась далеко за полночь. Все высказывали свои соображения, горячо обсуждали будущий совместный труд. А спустя несколько дней на столе у Вальдземюллера уже лежала стопка листов, исписанных аккуратным почерком Базена. На первой странице было четко выведено: «Новый мир и новые страны, открытые Америго Веспуччи из Флоренции». Это был перевод самого последне-

го издания, вышедшего в городе Виченца. Издатель, зная по опыту, какой интерес проявляет широкая публика к подобного рода продукции, включил в изданный сборник описания путешествий Христофора Колумба, Васко да Гамы, Кадамосто, Кабрала и Америго Веспуччи.

Внимательно и неторопливо перелистывал Вальдземюллер перевод, и перед его мысленным взором со страниц вставали полные ярких красок и необычайных событий картины, образы отважных людей, упорных, настойчивых, целеустремленных. И особенно сильное впечатление на его пылкое воображение производила колоритная фигура флорентийца Америго Веспуччи. Описания его путешествий были сочны и полны интересных подробностей. А самое главное, это был человек, открывший Новый Свет, как явствовало из заглавия сборника. От одного этого фигура Америго Веспуччи в глазах Вальдземюллера приобретала гигантские размеры, заслонив собой всех остальных.

Чем больше углублялся Вальдземюллер в изучение материалов, тем сильнее захватывала его работа. Он просиживал дни и ночи напролет, не один раз переписывая отдельные страницы введения в «Космографию» и скрупулезно вычерчивая географические карты.

И вот наконец наступил знаменательный день 25 апреля 1507 года. В той же комнате собрались все члены кружка, за исключением Готье Люда, который должен был принести первый отпечатанный экземпляр созданного их совместным трудом произведения. Особенно волновался Вальдземюллер, ведь он так много души вложил в эту работу.

Когда распахнулась дверь и появился Люд с пачкой свежотпечатанных листков, все окружили печатника, — каждому не терпелось увидеть воочию плоды своего труда.

— Господа, ради бога успокойтесь, — обратился к ним капеллан. — Я понимаю, что каждый из вас жаждет взять в руки наше общее произведение, но отпечатан пока только один экземпляр. Не лучше ли сейчас зачитать вслух наш труд в его окончательном виде и таким образом удовлетворить любопытство всех?

Все изъявили согласие с предложением капеллана, и Готье Люд, усевшись в кресло, открыл титульный лист и начал читать:

«Введение в космографию с необходимыми для оной основами геометрии и астрономии. К сему четыре путешествия Америго Веспуччи и, кроме того, описание (карта) вселенной как в плоской, так и в глобусной форме тех частей

света, о которых не знал Птолемей и которые открыты в новейшее время».

Далее следовало написанное в стихотворной форме посвящение, адресованное императору Максимилиану, и предисловие, после которого начинался текст «Космографии» и приложенное к нему описание плаваний Америго Веспуччи. Имя флорентийца неоднократно упоминалось в книге. На первых страницах при описании мира, как представлялся он Птолемею, говорилось, что благодаря Америго Веспуччи человечество узнало о том, как расширились границы обитаемого мира. Впоследствии до сведения читателя доводилось, что Веспуччи не только поведал человечеству о новых землях, Новом Свете, но что он сам первый и открыл их, о чем впервые упомянул в своих письмах. И как вполне естественное следствие авторы, точнее, Вальдземюллер, восхищенный талантами первооткрывателя четвертой части света, предлагает увековечить имя Америго Веспуччи. «Поскольку эту четвертую часть света нашел Америкус, ее следовало бы с этого дня называть землей Америкуса, или Америкой... Сегодня эти части света (Европа, Африка и Азия) уже полностью исследованы, а четвертая часть света открыта Америго Веспуччи. И так как Европа и Азия названы женскими именами, то я не вижу препятствий к тому, чтобы назвать эту новую область Америго, страной Америго, или Америкой, по имени мудрого человека, открывшего ее».

Через некоторое время печатное издание Готье Люда появляется в книжных лавках. Оно попадает в руки картографов, которые внимательно изучают его и на основании содержащихся в нем сведений запечатлевают имя Америго Веспуччи на картах и в атласах. Правда, первоначально название «Америка» относится ими только к той земле, которую открыл португалец Кабрал, в экспедиции которого принимал участие Америго Веспуччи, известной под именем Нового Света, Земли Святого Креста или Земли Попугаев. Все же, что открыл Колумб, отделяется от этой земли и считается принадлежащим к Азии, а между ними обозначается широкое море. Но вскоре границы Америки раздвигаются далеко на юг и на север. В 1515 году известный нюрнбергский географ Шенер называет Америку четвертой частью света, а спустя три десятка лет после опубликования «Введения в космографию» картограф Герхард Меркатор составляет свою знаменитую карту мира, где изображает новый материк, северную и южную часть которого неразделимо соединяет узким перешейком. Наименование материка, напи-

санное изящными буквами, легко читается и звучно произносится: Америка. Теперь, после того как это название появилось на карте знаменитого Меркатора, оно узаконено окончательно, и все последующие картографы, не задумываясь, уверенно воспроизводят его в своих картах и атласах.

Такова история возникновения наименования Американского материка.

Кто же повинен в появлении этого названия на географических картах и в забвении заслуг Колумба в открытии Нового Света? Меркатор, распространивший наименование «Америка» на весь новый материк, или же молодой Мартин Вальдземюллер, впервые введший его в употребление? Ни тот ни другой.

Истинным виновником следует считать того самого издателя из Виченцы, который выпустил в свет сборник, попавший в руки Вальдземюллера и содержавший описание путешествий Христофора Колумба, Васко да Гамы, Кадамосто и письма Америго Веспуччи о его плаваниях к берегам Южной Америки.

Из всего собранного материала издателю представились наиболее интересными письма флорентийца, которые были написаны увлекательно и содержали множество любопытных сведений. Более того, автор писем утверждал, что описываемые им страны не принадлежат ни к одному из известных европейцам материков, что их с полным правом можно считать новым миром, ибо южнее экватора он «обнаружил материк, где некоторые равнины гораздо гуще населены людьми и животными, нежели в нашей Европе, Азии и Африке, к тому же этот континент обладает более приятным и мягким климатом, чем другие знакомые нам части света».

Вот эти слова флорентийца, сказанные им с такой уверенностью, и побудили издателя из Виченцы озаглавить свой сборник «Новый мир и новые страны, открытые Америго Веспуччи из Флоренции» и тем самым заложить фундамент бессмертия этого человека. Ошибка издателя из Виченцы повлекла за собой ошибки всех других причастных к этому людей, и Христофор Колумб, посвятивший большую часть своей жизни достижению великой цели — открытию и освоению западного пути в страны Азии, вынужден довольствоваться малым — его именем названа одна из республик в Южной Америке, материка, к берегам которого впервые подошли корабли его флотилии,

Остров Исцеления

Э то произошло в самые первые годы XVI столетия.

Небольшая испанская каравелла после длительного плавания по пустынным водам Атлантического океана неожиданно оказалась ввиду неизвестного мореплавателям острова. Подгоняемая попутным ветром, она быстро приближалась к нему, и вскоре испанцы могли уже различить не

только очертания берега, но и бегущие к морю речушки, быстрые заросли растительности, жилища островитян, виднеющиеся сквозь деревья и кустарник.

На острове появление корабля не прошло незамеченным. На берег высыпало множество людей, которые размахивали руками, стараясь привлечь внимание мореплавателей, что-то кричали, перебегали с места на место — словом, были чрезвычайно возбуждены.

Капитан каравеллы, стоявший рядом с кормчим и внимательно наблюдавший эту картину, пожал плечами и усмехнулся, поглаживая эфес шпаги.

— Не кажется ли вам, сеньор Санчес, — обратился он к кормчему, — что наше появление сильно встревожило обитателей этого островка? Не следует ли нам воздержаться от высадки на берег? Диких слишком много, взгляните, а сколько еще прячется в зарослях, нам неизвестно...

— Не думаю, дон Педро, — с сомнением покачал головой его собеседник. — Обратите внимание, у них в руках нет оружия, сейчас это совершенно отчетливо видно. По-моему, причин для опасений нет. Можно смело отправляться на берег, приняв на всякий случай обычные меры предосторожности. Как говорится, береженого бог бережет!

— Пожалуй, — после некоторого раздумья согласился капитан, внимательно наблюдая за происходящим на берегу. — Вы, сеньор Санчес, останетесь на борту, а я с десятью солдатами отправлюсь на шлюпке к острову. В случае опасности нам удастся, я думаю, отбиться, да и вы нам поможете.

Санчес в знак повиновения наклонил голову, а капитан подал знак стоящему поодаль моряку приблизиться.

— Передай сеньору Родригесу, — повелительно произнес он, — что я приказываю спустить на воду шлюпку и отрядить десять солдат с мушкетами. Они меня будут сопровождать. Ступай.

Моряк бросился исполнять распоряжение капитана.

— А вы, сеньор Санчес, — продолжал дон Педро, — подведите судно как можно ближе к берегу и поставьте его на якорь. Быть может, мы здесь задержимся на какое-то время, если все будет благополучно.

Не прошло и десяти минут, как шлюпка была спущена, и небольшой испанский отряд, возглавляемый капитаном, отплыл к острову, берег которого был буквально усыпан индейцами.

Кормчий, по мере того как шлюпка приближалась к острову, испытывал все усиливающееся беспокойство. Не опрометчиво ли он поступил, успокаивая капитана? Не попадет ли тот в ловушку? Особые подозрения у него вызывали пять человек, стоявшие у самой кромки воды в стороне от толпы и о чем-то совещающиеся, точно заговорщики. Кто знает, быть может, они задумали напасть на мореплавателей, и тогда еще не известно, сумеют ли отбиться испанцы даже с помощью огнестрельного оружия от такой массы людей.

Тревожное чувство не оставляло Санчеса до того момента, пока шлюпка не врезалась в прибрежный песок и испанцы не выпрыгнули из нее. Он с изумлением наблюдал, как внушавшие ему особенное опасение пять человек подбежали к солдатам и принялись пожимать им руки, обнимать, целовать, а все остальные индейцы, оставаясь на почтительном расстоянии, приветственно размахивали руками, кричали и пританцовывали от радости.

Кормчий протер глаза, чтобы убедиться, что это ему не снится, и продолжал следить в полном недоумении за происходящим на берегу, теряясь в догадках и стора от любопытства.

Между тем те пятеро что-то говорили капитану, бурно жестикулируя и перебивая друг друга; солдаты, столпившись вокруг них, внимательно слушали, а индейцы продолжали плясать, выражая удовольствие и радость. Санчес не мог себе представить, на каком языке так бойко изъяснялись эти островитяне, если капитан и его спутники, по всей видимости, хорошо их понимали. Он с нетерпением ожидал возвращения дона Педро, его чувства разделяла и вся команда каравеллы, теснившаяся у борта и наблюдавшая за происходящим на берегу со все возрастающим удивлением.

Но вот капитан что-то сказал в ответ своим собеседникам и сделал знак солдатам. Те бросились к шлюпке, капитан помахал на прощание рукой, сел за руль, и лодка понеслась к судну.

— Что у вас там произошло, капитан? — воскликнул Санчес, как только дон Педро поднялся на борт каравеллы. — Я умираю от любопытства. Кто эти люди, с которыми вы разговаривали так, будто они понимают кастильскую речь?

— Они не только понимают наш язык, но говорят на нем не хуже нас с вами, дорогой Санчес, — расхохотался капитан, направляясь к мостику и предлагая кормчему следовать за ним.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Санчес и развел руками. — Вы шутите, капитан, оставляя меня в полном неведении относительно ваших намерений.

— Напротив, любезный Санчес, я говорю совершенно серьезно, — усмехнулся дон Педро. — И в подтверждение тому, что я совсем не расположен сейчас шутить, я пошлю к острову шлюпку, которая должна будет забрать тех людей, с которыми я беседовал там. — Он повернулся к стоящему рядом Родригесу:

— Вы слышали, лейтенант, что я сказал сеньору Санчесу? Отправляйтесь на остров и привезите пятерых, с которыми я говорил, на корабль.

— Но как я их найду? — спросил Родригес.

— О, это будет нетрудно. Они сами объявятся, лишь только вы сойдете на берег. Я их предупредил, и они ждут с нетерпением.

— Но... может быть... вы мне все-таки объясните, дон Педро, — растерянно произнес кормчий, глядя то на капитана, то на берег, где в веселой пляске кружились островитяне, — что все это значит?

— Я не смог их сразу забрать, — пояснил капитан, — потому что шлюпка не вместила бы шестнадцать человек. Посудите сами, мог ли я рисковать и стоило ли это делать ради выигрыша нескольких часов.

— Да, но что это за люди? И почему их надо везти сюда, на каравеллу? — снова спросил Санчес, тщетно пытаясь сохранить достоинство.

— Это чистокровные испанцы, милый Санчес! Понимаете, испанцы! И наш с вами долг выручить из беды соотечественников. Святой долг! — торжественно произнес капитан,

с важностью поглаживая усы, довольный произведенным эффектом.

— Испанцы?! — изумленно повторил кормчий, ошарашенный этим совершенно невероятным сообщением. — Но как они попали на этот остров? Когда? Нет, это невозможно, дон Педро! Скажите, что вы пошутили, и все станет на свои места. Это не может быть правдой.

— Истинная правда, Санчес, истинная, уверяю вас, — отвечивал капитан, — хотя история и может показаться невероятной. Я охотно вам расскажу ее, если хотите.

— Еще бы, дон Педро. Я готов вас слушать немедленно, как бы длинна ни оказалась эта история.

— Она короче, чем вы предполагаете, — улыбнулся капитан. — Несколько лет назад, а точнее, в мае 1499 года из Кадиса к берегам открытых Колумбом земель отправилась флотилия из двух кораблей. Возглавлял ее Алонсо Охеда, участник второй экспедиции Христофора Колумба, возвратившийся из этого плавания не обремененный богатствами, равно как и все остальные его участники. Поскольку он не располагал деньгами, новую экспедицию, о которой идет речь, финансировали банкиры из Флоренции. Помимо денег на снаряжение кораблей они определили в спутники Охеде своего приказчика флорентийца Америго Веспуччи.

Охеда взял курс на юго-запад и примерно через месяц с лишним плавания достиг побережья по другую сторону Атлантического океана. Затем он повернул на северо-запад и поплыл вдоль берега, собирая жемчуг, которого, кстати сказать, оказалось, к его огорчению, ничтожно мало.

Плавание длилось долго. Ясные дни сменялись ненастьем. Нередко налетали ураганы, и тогда Охеда, если поблизости оказывалась бухта, укрывал в ней свои корабли, дожидаясь благоприятной погоды. Недостаток провианта сказался на здоровье людей. Несколько человек захворали какой-то странной болезнью. С каждым днем состояние их становилось все хуже и хуже, тогда как природы недуга никто разгадать не мог.

Охеда изолировал больных (их было пять человек), опасаясь, что болезнь, поразившая их, заразна и может распространиться на остальных членов экипажа. Мера эта была не лишней и оправдала себя, так как больше никто не заболел.

Однажды, когда каравеллы отделились от материка настолько, что его берег скрылся из виду, впереди показался какой-то неизвестный остров. Суда вскоре подошли к нему,

и часть мореплавателей отправилась на берег, чтобы осмотреть остров и пополнить запасы пресной воды и продовольствия. На берегу их встретили дружелюбно настроенные островитяне, которые показали, где можно набрать пресной воды, и, не требуя ничего взамен, снабдили их мясом, фруктами и еще кое-чем из провианта. Испанские мореплаватели, весьма довольные оказанным им приемом, пробыли на острове несколько дней, отдыхая после долгого, чреватого опасностями и невзгодами плавания. Они осмотрели весь остров, но не обнаружили на нем ни золота, ни жемчуга и, отдохнув, стали готовиться в дорогу.

Накануне отплытия Охеда, видя, что состояние больных нисколько не улучшилось, решил оставить их на острове, полагая, что смерть их неминуема и что бессмысленно оставлять этих обреченных на корабле. Утром, в день отправления флотилии, больных со всеми возможными предосторожностями погрузили на шлюпку и доставили на берег, где островитяне перенесли их в хижину.

Дон Педро, увидев, что шлюпка подплывает к каравелле, прервал свое повествование и подошел к борту, поманив кормчего:

— Взгляните, сеньор Санчес, на ваших соотечественников. Кого они вам напоминают?

Кормчий посмотрел вниз и увидел в шлюпке пятерых темнокожих людей. Кроме набедренных повязок, на них ничего не было.

— Какие же это испанцы? — растерянно произнес он, пристально всматриваясь в сидящих в шлюпке индейцев. — Самые обыкновенные туземцы! Право, дон Педро, ваша шутка слишком затянулась, в этом я теперь убедился воочию.

— Не торопитесь с выводами, сеньор Санчес, не торопитесь, — похлопав кормчего по плечу, улыбнулся капитан. — Это они только издали кажутся островитянами. Я тоже в первый момент ошибся, как и вы. Но вот они сейчас предстанут перед нами, и тогда вы удостоверитесь, что все, рассказанное мною, — чистая правда.

— Но вы еще не закончили свой рассказ, дон Педро, — заметил Санчес, недоверчиво глядя на своего начальника.

— Да, вы правы, — согласился капитан. — Но я это сделаю несколько позже, когда вы познакомитесь поближе с этими людьми. А впрочем, я успею досказать эту чудесную историю еще до того, как они появятся на палубе. Итак, корабли Охеды вскоре скрылись за горизонтом, и пятеро больных моряков остались на попечении островитян. Да, чуть

было не забыть одного обстоятельства: когда Охеда решил оставить больных на острове, он предварительно посоветовался с Веспуччи, сопровождавшим его флорентийским приказчиком. Тот поддержал Охеду в этом решении, и они перешли к обсуждению предстоящего плавания. Во время разговора Веспуччи заметил, что было бы ошибкой покинуть остров, не дав ему никакого наименования и не сообщив об этом покидаемым больным морякам. Кто знает, сказал он, быть может, несчастные еще поправятся и сумеют добраться до родины, где расскажут об открытом острове, описав в подробностях его природу и жителей. Охеда согласился с этой мыслью, подумав, что еще не известно, как закончится их плавание и удастся ли им вернуться в Испанию.

— Вы обратили внимание,— сказал он,— что жители этого острова — и мужчины, и женщины — очень высокого роста? Эту особенность мне и хотелось отразить в названии. Назовем же этот клочок земли островом Гигантов.— Веспуччи не стал возражать, и предложение Охеды было принято.

Между тем после того, как флотилия Охеды оставила остров, больным день ото дня становилось все лучше. А спустя месяц они были уже совершенно здоровы. С тех самых пор они живут на этом острове вместе с выходявшими их индейцами. Отношения у них с хозяевами острова наилучшие, трое успели обзавестись семьями. Словом, они свыклись со своей участью, но в глубине души каждый из них не терял надежды на возвращение в Испанию. Как это произойдет, они не представляли, но ждали и надеялись. И как видите, не ошиблись в своих упованиях. Милосердный бог их не оставил... А вот наконец и они...

На палубе показалась длинная процессия. Впереди шли пятеро спасенных испанцев, за ними следовали все свободные от работы члены экипажа. Всем хотелось не только посмотреть на этих людей, столь чудесным образом возвращенных в дружеские объятия своих соотечественников, но и послушать их рассказы, разделить их радость.

Не доходя нескольких шагов до капитана и кормчего, «островитяне поневоле» остановились, отвесили низкий поклон, и один из них, испросив разрешение, сказал:

— Сеньор капитан, сеньоры! Нет слов, чтобы выразить те чувства, которые владеют каждым из нас сейчас. Слезы радости сдавливают горло при виде милых сердцу испанских лиц, сияющих радушием и доброжелательностью. Ведь благодаря вам мы снова увидим нашу дорогую родину, вернемся к своим семьям в отчий дом. Не зря мы возносили

молитвы всевышнему, прося его послать нам спасение. Он услышал наши мольбы, направив к этому острову ваш корабль. Низко кланяемся вам, сеньоры, и заверяем вас, что более верных и преданных слуг, чем мы, вы не найдете во всей Испании!

— Ну, что скажете, Санчес? Как вам нравится испанский язык этого «туземца»? — расхохотался довольный произведенным эффектом капитан.

— Я потрясен, дон Педро, и приношу свои извинения за то, что позволил себе усомниться в ваших словах, — ответил с поклоном кормчий. — Эта история, эти люди, оказавшиеся в таком положении, все это столь невероятно, столь чудесно...

— Да, да, вы правы, Санчес, — задумчиво произнес капитан. — Однако пора позаботиться, мне кажется, о более приличных костюмах для наших новых знакомцев. Родригес, распорядитесь, чтобы их одели, накормили и пристроили куда-нибудь на время плавания. Идите, друзья, — обратился он к спасенным, — вам надобно прийти в себя, осмотреться и привыкнуть к мысли, что вы снова среди своих соотечественников.

— Простите, сеньор капитан, может быть, я покажусь вам назойливым, — вновь заговорил спасенный испанец, только что державший речь перед соотечественниками, — но меня просили мои товарищи обратиться к вам с покорнейшей просьбой.

— Говорите, мой друг, — поощрил его дон Педро.

— Не считите это нескромным с нашей стороны, но мы хотели бы, чтобы острову в память нашего чудесного выздоровления и не менее чудесного спасения было бы дано название, которое мы предложим.

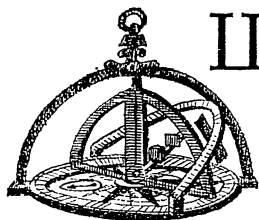
— Вот как, — снисходительно улыбнулся капитан и обменялся понимающим взглядом с кормчим. — Что же это за название?

— Пусть он будет отныне именоваться островом Исцеления в знак того, что целительный воздух этого благословенного острова принес выздоровление пяти несчастным испанским морякам.

— Хорошо, я подумаю, — кивнул дон Педро. — А теперь ступайте, о вас позаботятся.

С тех пор этот остров, лежащий неподалеку от берегов Венесуэлы, именуется Кюрасао, что в переводе с испанского означает «исцеление».

К островам Пряностей

III

ел сто девяносто четвертый день плавания.

Миновало уже более шести месяцев с того часа, как пять каравелл флотилии капитан-генерала Фернандо Магеллана, португальца, состоявшего на испанской службе, покинули порт Севилью и направились к берегам Нового Света, чтобы отыскать пролив, соединяющий Атлантический океан

с Южным морем*, а следовательно, и путь к островам Пряностей. В том, что такой пролив существует, Магеллан был настолько уверен, что сумел убедить в этом, правда не без труда, лиц, от которых зависело снаряжение экспедиции.

Пять кораблей — «Тринидад», флагманское судно, «Сан-Антонио», «Консепсьон», «Виктория» и «Сантьяго» — благополучно достигли берегов Бразилии и двинулись вдоль побережья Южноамериканского континента на юг, тщательно исследуя все извилины и углубления береговой линии. Ведь любая из них могла оказаться проливом, ведущим в Южное море.

Остались позади покрытые зарослями тропической растительности и озаренные сияющим солнцем бразильские берега, громадное устье реки Ла-Платы, которое мореплаватель Солис не так давно ошибочно принял за пролив, но, поднявшись вверх по течению, убедился, что это река. Задули холодные южные ветры, возвещая приближение зимы. Голое, пустынное побережье являло собой унылое зрелище. Холодный дождь перемежался с мокрым снегом, застилая горизонт сплошной пеленой. Солнечные лучи тщетно пытались пробиться сквозь низко нависшие серые тучи.

Магеллан с тревогой поглядывал на эту безрадостную картину и, понимая, что дальше к югу будет еще холоднее, обдумывал решение о длительной остановке флотилии. Он охотно бы приказал немедленно остановиться, найди он бухту, надежно защищенную от ветров и достаточно обширную, чтобы в ней свободно могли разместиться пять кораблей. Капитан-генерал каждый день простаивал по нескольку часов на палубе, с надеждой вглядываясь в контуры по-

* Так во времена Магеллана называли Тихий океан.

бережья и зорким глазом оценивая проплывавшие мимо заливы, но не мог отдать предпочтения ни одному из них.

И вот сегодня, 31 марта 1520 года, флотилия наконец оказалась перед бухтой, которая, по всей видимости, отвечала его требованиям. Она была обширна и закрыта от моря высокими скалами. Сан-Хулиан называли бухту мореплаватели, отметив в судовых журналах, что она расположена на сорок девятом градусе, тридцати минутах южной широты.

После того как корабли вошли в бухту и бросили якоря, Магеллан приказал пригласить на борт «Тринидада» капитанов и других должностных лиц, облеченных властью. Когда все собрались, он обратился к ним с короткой речью:

— Сеньоры! Трезво поразмыслив над нашим теперешним положением, я пришел к выводу, что лучше всего, дабы не расходовать силы попусту и не подвергать людей ненужным тяготам и лишениям, переждать в этой бухте зимние месяцы, а с наступлением весны снова тронуться в путь.— Магеллан сделал паузу и суровым взглядом окинул слушателей.— Примите надлежащие меры и сделайте необходимые приготовления к длительной стоянке и не забудьте распорядиться о сокращении рациона. Нам надобно быть экономными в расходовании провизии, которую здесь негде пополнить.

— Не вижу никакого смысла оставаться здесь зимовать,— резко бросил Гаспар де Кесада, командир «Консепсьона».— Самое лучшее, что мы можем сделать,— это пуститься в обратный путь к берегам Испании, ибо не осталось никакой надежды на то, что мы отыщем край этой земли или какой-нибудь пролив. Уменьшение рационов вызовет недовольство людей, вынужденных жить длительное время впроголодь.

— Кесада прав! Надо оставить эту безумную затею! Повернем назад, пока не поздно! — раздалось сразу несколько голосов, среди которых особенно выделялся голос смотрителя флота Хуана де Картахены.

Магеллан невозмутимо ожидал, пока все замолчат. Когда воцарилась тишина, он продолжал:

— Вы напрасно горячитесь, сеньор Кесада, и вы, дон Хуан, и все прочие. Я выполняю повеление короля нашего и скорее умру, нежели нарушу данную мною присягу. Заявляю вам, что мы будем плыть на юг до тех пор, пока не отыщем пролива, в существовании которого я нисколько не сомневаюсь. Честь этого открытия будет принадлежать всем нам, и король щедро наградит всех участников доблестного

плавания. Что же до провианта, то его нам хватит надолго, если потреблять этот провиант мы будем разумно, тем более что в бухте вдоволь рыбы, а на берегу — дичи, которая вполне съедобна. — Он гордо выпрямился, глаза его грозно сверкнули. — Я пригласил вас, сеньоры, не для обсуждения, а для того, чтобы сообщить вам свое решение. Отправляйтесь на свои корабли и исполняйте приказ. И горе тому, кто осмелится ослушаться!

Все молча разошлись, но Магеллан заметил, что на лицах некоторых офицеров было написано явное недовольство.

На следующий день капитан-генерал предложил всем сойти на берег, чтобы отслужить мессу по случаю вербного воскресенья. Большинство приглашенных явилось, не было только командира «Виктории» Луиса де Мендосы, командира «Консепсьона» Кесада и смотрителя флота Картахены. Отсутствие этих лиц было всеми замечено и вызвало у Магеллана беспокойство. Он сразу понял, что это неспроста, и вскоре убедился в том, что не ошибся в своих предположениях.

Когда наступила ночь, Кесада и Картахена с тридцатью вооруженными людьми, взятыми с судна, которым командовал Кесада, тайком подплыли на шлюпках к «Сан-Антонио», поднялись на палубу и ворвались в каюту капитана Альваро де Мескиты, сохранявшего верность Магеллану.

— Эй, Мескита, — небрежно обратился Кесада к лежащему на койке капитану и с недоумением смотревшему на непрошенных гостей. — Не советую сопротивляться, это бесполезно. Самое разумное — покориться нам, в противном случае... — он многозначительно указал на вооруженных людей, стоявших за его спиной.

— Именем господа бога и короля нашего дона Карлоса умоляю вас, сеньоры, вернуться на свой корабль. Теперь не время ходить по кораблям в сопровождении вооруженных людей, — с достоинством ответил Мескита, вставая и делая шаг навстречу Кесаде и Картахене.

— Неужели мы откажемся от исполнения задуманного по милости этого сумасшедшего! — вскричал в сильном раздражении Кесада и, неожиданно выхватив кинжал, четырежды ударил им Мескиту в руку, приказав затем своим людям схватить капитана, связать и стеречь в каюте. — «Сан-Антонио» в наших руках! — торжествующе воскликнул он, обращаясь к Картахене. — Я останусь здесь и приму команду над судном, а вы, дон Хуан, возвращайтесь на «Консепсьон» и будьте настороже!

Картахена согласно кивнул головой, довольно усмехаясь и потирая руки.

— Дело сделано, как задумано. Три корабля из пяти — наши. Теперь мы можем продиктовать условия этому выскочке, сумевшему втереться в доверие к нашему государю. — Он сделал прощальный знак рукой и добавил:

— Я возвращаюсь на «Консепсьон», тотчас же извещаю Магеллана о происшедшем и требую выполнения наших желаний.

Магеллан спал эту ночь тревожно, полный мрачных предчувствий. И когда ему доложили, что к борту «Тринидада» причалила шлюпка с посланным от смотрителя флота, он сразу понял, что стряслась беда. Письмо Картахены не оставляло в этом никаких сомнений. В нем говорилось о захвате «Сан-Антонио», пленении капитана Мескиты и перечислялись требования, которые капитан-генерал должен был безоговорочно принять.

Капитан-генерал читал письмо с непроницаемым лицом, хотя внутренне он кипел от возмущения. Он лихорадочно обдумывал сложившееся положение и искал из него достойного выхода.

— Передайте пославшим вас сеньорам, — наконец произнес он с небрежным видом, — что я готов обсудить с ними все вопросы, о которых сказано в письме, у себя на корабле, как и подобает моему положению и сану. Скажите, что я жду их здесь и с надлежащим уважением отнесусь к их особам.

— Сеньоры Картахена и Кесада предвидели, что ваша милость пригласит их к себе на корабль, — с поклоном ответил посланец, — и просили передать, что они предпочитают видеть вашу милость у себя на «Сан-Антонио», потому что опасаются враждебных действий с вашей стороны.

Взбешенный неповиновением, но внешне сохранивший хладнокровие и спокойствие, Магеллан, поняв что ему не удастся заманить заговорщиков на флагманский корабль и что промедление не приведет ни к чему хорошему, решил действовать силой и хитростью одновременно. Распорядившись захватить прибывшую шлюпку, а вместе с ней и всех людей, находящихся в ней, он вызвал альгвасила* Эспиносу и приказал ему, не теряя времени, взять с собой шесть солдат, незаметно подплыть к «Виктории» и под видом пе-

* Альгвасил — полицейский комиссар.

редачи письма капитану каравеллы Луису де Мендосе пленить его, а коли тот окажет сопротивление, убить и захватить корабль. Одновременно к «Виктории» был направлен отряд из пятнадцати вооруженных людей во главе с шурином капитан-генерала Дуарти Барбоза, который должен был поддержать в случае необходимости действия алыгвасила и его людей.

Мендоса с иронической улыбкой принял врученное ему письмо Магеллана, всем видом своим показывая, что ни на какие соглашения он не пойдет, и углубился в чтение. Эспиноса, воспользовавшись моментом, вонзил ему в горло кинжал. Тем временем подоспели люди Барбозы. Не встретив сопротивления экипажа, они подняли паруса и направили судно к «Тринидаду», который стоял у выхода из бухты.

Наступило утро 3 апреля. Картахена и Кесада, каким-то образом узнавшие о происшедших на «Виктории» событиях, попытались выйти в открытое море. Но когда они вплотную приблизились к кораблям Магеллана, мимо которых должны были пройти, с «Тринидада» раздался залп из пушек и мушкетов, а затем послышался громкий и решительный голос капитан-генерала:

— Эй вы на «Сан-Антонио», вы за кого?!

— За короля, нашего владыку, и за вашу милость! — последовал ответ нестройного хора голосов.

Услышав этот ответ, Магеллан приказал своим людям взять «Сан-Антонио» под свое управление, арестовав находившихся на нем Кесаду, счетовода экспедиции Антонио де Коку и других мятежников. Вслед за этим были схвачены на «Консепсьоне» и Картахена с сообщниками. Мятеж был подавлен.

А спустя сутки на берегу в присутствии большинства мореплавателей Магеллан объявил приговор:

— Предатели, поднявшие бунт и поставившие под угрозу успешное завершение экспедиции, должны быть строго наказаны. Именем короля нашего, облекшего меня всеми атрибутами власти, повелеваю тело бывшего капитана каравеллы «Виктория» Луиса де Мендосы — четвертовать! Бывшему капитану каравеллы «Консепсьон», изменнику и мятежнику Гаспару де Кесаде — отрубить голову! Да послужит эта кара грозным предупреждением тем, кто помышляет о неповиновении и сеет зерна измены!

— Что же касается зрителя флота Хуана де Картахены и его преподобия Педро Санчеса де ла Рейна, которые

злоумышляли против особы короля и меня, выразителя его воли здесь, и стояли во главе заговора, то я не собираюсь лишать их жизни подобно Кесаде. Но, дабы пресечь в дальнейшем их попытки посеять сомнения в ваших сердцах и внести смуту в наши ряды, они должны быть изолированы. Эти люди будут содержаться под надежной охраной все то время, пока мы будем оставаться здесь. Но как только мы соберемся в дальнейший путь, они будут свезены на землю и останутся на берегах этой бухты до тех пор, пока это будет угодно господу нашему и пресвятой деве Марии! — Магеллан обвел взглядом всех собравшихся, наблюдая за произведенным впечатлением, и закончил:

— Всех же остальных, кто по неразумию позволил себя увлечь и оказался в числе заговорщиков, я милую, но с условием, что в будущем они своим поведением не дадут повода применить к ним суровые меры!

Последние слова Магеллана были встречены всеобщим ликованием. Раздались возгласы: «Да здравствует капитан-генерал! Хвала милостивому капитан-генералу!»

— А теперь наступил час возмездия,— торжественно-сурово произнес Магеллан, дождавшись, когда крики утихнут, и сделал знак приступить к казни.

Прошло около пяти месяцев. Ненастные зимние дни сменились весенними: небо очистилось от туч, проглянуло солнце, посылая на землю свои живительные лучи. 24 августа корабли покинули бухту Сан-Хулиан, свидетельницу мятежа и кровавых казней. На ее пустынных берегах оставались два осужденных заговорщика.

Флотилия недосчитывалась одной каравеллы — «Сантьяго», которая разбилась во время разведывательного плавания (правда, люди были спасены и размещены на других судах).

Потянулись дни и недели, томительные своим однообразием. Каравеллы упорно продолжали продвигаться на юг, направляемые волей капитан-генерала. Следуя вдоль берега континента, мореплаватели время от времени останавливались в какой-нибудь бухточке или в устье небольшой речки и высаживались на землю, чтобы запастись дровами, пресной водой и наловить рыбы, которая была очень хороша на вкус.

21 октября, достигнув пятьдесят второго градуса южной широты, Магеллан и его спутники увидели впереди мыс, заметно выступающий в море. За мысом этим открылся глубокий залив,

Насколько обширен этот залив? А может быть пролив? Пролит, который они ищут столько времени?

Магеллан срочно вызвал к себе командиров «Сан-Антонио» и «Консепсьона» Альваро де Мескиту и Жуана Серрана.

— Сеньор Мескита! Сеньор Серран! — произнес он, теребя свою черную как смоль бороду. — Я намерен дать вам весьма важное поручение, от исполнения которого во многом будет зависеть успех наших поисков. Вам надлежит разведать, насколько далеко в глубь материка вдается этот залив. У меня есть основание подозревать, что мы близки к цели. Поспешите на свои корабли и не мешкая отправляйтесь в путь. Мы с нетерпением будем ожидать вашего возвращения. И да помогут вам дева Мария и все святые!

Капитаны молча откланялись и покинули флагманский корабль с большой поспешностью. А уже через некоторое время «Сан-Антонио» и «Консепсьон» на всех парусах направились в глубь залива и вскоре скрылись за голыми черными утесами.

Начались часы ожидания. Часы складывались в сутки. Миновали первые, вторые, третьи — кораблей все не было. Магеллан не находил себе места от беспокойства. Нервничали и все остальные, опасаясь, что посланные на рекогносцировку суда разбились о подводные камни.

На четвертые сутки, когда напряжение достигло своего предела и капитан-генерал начинал подумывать о том, чтобы послать на поиски пропавших каравелл еще одно судно, раздался крик дозорного:

— Плынут! Плынут!

Действительно, из-за утесов показались «Сан-Антонио» и «Консепсьон». Они шли под всеми парусами с развевающимися по ветру флагами. Приблизившись к ожидавшим их «Тринидаду» и «Виктории», корабли дали залп из пушек в знак приветствия.

Магеллан расценил это как доброе предзнаменование и не ошибся. Прибывшие капитаны сообщили, что из залива есть проход на запад. Устремившись в этот проход, они вскоре обнаружили расширение в виде бухты, из которого вел проход дальше на запад, и так они двигались вперед, пока не удостоверились, что проходам и расширениям нет конца. Тогда они повернули назад, чтобы сообщить радостную весть капитан-генералу.

Поблагодарив Мескиту и Серрана, Магеллан немедленно стал готовиться к отплытию. 1 ноября флотилия покинула

стоянку и направилась на запад через проход, обнаруженный во время разведки.

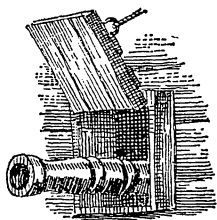
Вскоре впереди обнаружилось два прохода, один из которых вел на юго-запад, другой — на северо-запад. Послав в северо-западном направлении Мескиту и Серрана, Магеллан на «Тринидаде» и «Виктории» повернул на юго-запад и плыл, пока не достиг устья небольшой речки, изобиловавшей рыбой. Здесь бросили якорь и стали дожидаться остальных двух кораблей. Чтобы не терять времени, Магеллан снарядил шлюпку и послал ее исследовать выход в Южное море, если таковой имеется.

Спустя три дня посланные на шлюпке возвратились с известием, что они видели мыс и открытое море. Магеллан прослезился от радости и щедро наградил плававших на шлюпке моряков. Затем, не дождавшись прихода «Сан-Антонио» и «Консепсьона», он двинулся им навстречу, но нашел только «Консепсьон». Как стало известно впоследствии, кормчий «Сан-Антонио» Иштебан Гомиш возмутил людей на каравелле, заковал в цепи капитана Мескиту и возвратился в Испанию, где оклеветал Магеллана.

Оставшиеся три корабля флотилии снова повернули на запад и на двадцать восьмой день плавания вышли на просторы Южного моря. Итак, пролив из Атлантического океана в Южное море был найден. Впереди предстоял далекий путь к островам Пряностей.

Найденный пролив получил имя Фернандо Магеллана, преодолевшего тысячи трудностей и невзгод, но осуществившего заветную мечту.

Капитан «Золотой лани»

В один из первых декабрьских дней 1577 года в таверне «Золотой лев», разместившейся на одной из припортовых улочек Плимута, было, как всегда,людно и шумно. Подвыпившие моряки горланили песни, спорили, кричали, бахвалились своими похождениями.

Хозяин таверны важно восседал за стойкой и зорко поглядывал по сто-ронам, готовый в любой момент вмешаться, если возникнет драка. Время от времени он с явным любопытством посмат-

ривал в угол зала, где у створчатого окна за столом сидели двое посетителей; одежда одного из них заметно отличалась от пестрых нарядов многочисленных искателей приключений, заполнявших в этот час таверну. Платье, а особенно манеры этого человека обличали в нем прирожденного аристократа, а безразличность, с которой он брал кружку с вином и смотрел на своих шумных, бесцеремонных соседей, еще более подтверждала догадку владельца заведения.

Что же касается его собеседника, то хозяину он был превосходно известен. Кто не знал Френсиса Дрейка в Плимуте? Кому здесь не был известен этот отчаянно смелый пират, прославившийся успешными операциями против испанцев? Это он десять лет назад участвовал в набеге флотилии Джона Хокинса на испанские города в Центральной Америке и счастливо избежал участи многих сложивших там свои буйные головы и привел свой корабль — единственный из шести — в Англию. А кто не помнит его дерзкого набега на караван судов у Панамского перешейка спустя два года? Все золото и серебро, которое испанцы везли из Перу, попало тогда в руки этого смельчака, да и сами корабли пополнили английский флот. О, эта операция заставила говорить о нем всю Англию! Видимо, опять что-то затевается, думал хозяин, наблюдая за Дрейком и его собеседником. Ведь не случайно Дрейк набирает команды для своих четырех судов.

Между тем за столом, служившим предметом пристального внимания владельца таверны, происходил разговор, за содержание которого испанский посол при дворе английской королевы Елизаветы заплатил бы немалую сумму.

— Мистер Дрейк, — говорил аристократического вида человек, — известное вам высокопоставленное лицо, заинтересованное в успешном исходе вашего предприятия, желает, чтобы вы ускорили свои приготовления к отплытию. Кроме того, от себя лично я считаю нужным добавить, вернее, повторить, что в случае неблагоприятного стечения... гм... гм... для вас... обстоятельств... вы понимаете?.. даже намек на упоминание имен ваших покровителей недопустимо...

— Тысяча дьяволов, милорд! — возвысил голос Дрейк, бешеный характер которого был хорошо знаком всем, кто имел с ним когда-нибудь дело. — Сколько раз можно повторять одно и то же! — Он иронически усмехнулся, отпил из кружки вина и небрежно бросил: — Вы можете спать спокойно, милорд, в деле участвуют только ваши деньги! Только деньги!

— Я пекусь о добром имени известного вам лица,— надменно вздернув подбородок, сказал собеседник Дрейка.— Это мой долг. Имейте в виду, Дрейк, что испанцы, с которыми мы не воюем, в случае неудачи церемониться с вами не будут.— Он сделал характерный жест пальцами вокруг шеи.

Дрейк беззаботно расхохотался:

— Вы совершенно напрасно, милорд, испытываете мою храбрость и решительность таким образом. Поверьте, мне моя шкура не менее дорога, чем вам ваша. Оставьте эту тему для лондонских щеголей, там она будет вполне уместна.

— Хорошо, Дрейк,— согласился тот, кого моряк именовал милордом,— не будем больше говорить об этом. Я уверен, что на вас можно положиться. Но перед тем как уехать в Лондон, мне бы хотелось еще раз уточнить ваши планы и намерения.

— Вы имеете на это, милорд, полное право,— с чуть уловимой усмешкой ответил Дрейк.— Извольте, вот мой примерный маршрут. Я пущусь в плавание в самом скором времени и возьму курс на юг, к Магелланову проливу. Пройдя через него, поднимусь вдоль побережья Нового Света к Перу. Там в зависимости от обстоятельств я атакую испанские корабли с грузом золота и постараюсь это сделать наивыгоднейшим образом для себя, для вас и,— он привстал и поклонился,— для известного нам высокопоставленного лица, перед которым я благоговею и преклоняюсь. Возвращаться придется либо тем же путем, либо северо-западным проходом, сейчас предвидеть трудно. Вы удовлетворены, милорд? Или требуются еще какие-нибудь разъяснения? Говорите, я к вашим услугам.

— Нет, нет, Дрейк,— произнес его собеседник, поправляя манжеты и покровительственно улыбаясь.— Вы изложили все достаточно четко и лаконично. Желаю вам удачи, счастливого плавания и благополучного возвращения к нашему всеобщему удовольствию.— Он многозначительно посмотрел на моряка и после непродолжительного колебания добавил:

— Мне поручено вам передать, что вы можете рассчитывать на многое в случае успешного завершения предприятия, и в частности на титул.

Глаза у Дрейка радостно сверкнули:

— Считайте, милорд, что дело сделано. Будь я проклят, если упущу такой случай! — Он поднял кружку и, залпом

опорожнив ее, с грохотом опустил на стол, чем привлек к себе внимание моряков, кутивших за соседними столами.

— К чему этот шум, Дрейк,— брезгливо поморщился милорд.— Ваша несдержанность может меня скомпрометировать, а это совершенно не входит в мои расчеты. Прощайте, я ухожу.— Он встал и, небрежно швырнув подбежавшему с поклоном хозяину золотую монету, пошел по проходу между столами, надвинув на лоб широкополую шляпу.

В апреле следующего 1578 года флотилия Дрейка подошла к берегам Патагонии, а в начале июля в составе трех судов (четвертое пришло в негодность и было уничтожено) вошла в Магелланов пролив. Плавание по проливу продолжалось две с половиной недели. Все это время мореплаватели сильно страдали от холода (стояла зима) и мечтали поскорее выбраться на просторы Тихого океана, чтобы добраться до более теплых широт. Но стихия препятствовала этому.

«Не успели мы выйти в это море (иными называемое Тихим, а для нас оказавшееся Бешеным),— вспоминал спутник Дрейка, составивший описание плавания,— как началась такая неистовая буря, какой мы еще не испытывали... Днем мы не видели солнечного света, а ночью ни луны, ни звезд; были видны по временам горы, и они вызывали ужас, потому что ветер гнал нас к ним на верную гибель; потом они скрывались из глаз».

Корабль «Золотая лань», на которой плыл Дрейк, остался один в океане, остальные два судна исчезли. Видимо, они не выдержали схватки со стихией и погибли в волнах бушующего моря.

Измученные люди нуждались в отдыхе. Но Дрейк торопился: необходимо было как можно быстрее устранить все неисправности. Он сыпал проклятиями, подгоняя своих подчиненных. Убедившись в том, что все заняты делом, Дрейк удалился в каюту, пригласив с собой шкипера.

— Где мы находимся, Том? — спросил Дрейк.— Вы можете ответить на этот вопрос?

— Да, сэр,— последовал ответ.— По моим расчетам, нас отнесло на пять градусов к югу от Магелланова пролива, точнее, от западного входа в него.

— Ого, черт возьми! — удивленно воскликнул Дрейк.— На пять градусов к югу,— машинально повторил он, потом, пораженный внезапной мыслью, переспросил: — Вы уверены, что не ошиблись, Том? Это действительно так?

— Полагаю, что не ошибся, сэр,— уверенно ответил шкипер.— Я очень тщательно произвел все измерения, сэр.

— Это очень любопытно,— пробормотал Дрейк,— это весьма любопытно, черт возьми! И ничего вокруг, кроме мелких островков, не так ли, Том? И никакой большой земли на юге?

— Совершенно верно, сэр,— подтвердил шкипер, недоумевая, зачем понадобилось капитану уточнять столь очевидные факты.— Горизонт на юге чист.

— Так, так,— приходя в хорошее расположение духа, пробормотал Дрейк.— Скажите, Том, приходилось ли вам слышать о Южной Земле?

— Как же, сэр,— улыбнулся шкипер,— среди моряков много болтали о том, что испанцы считают, будто открытая Магелланом Земля Огней есть не что иное, как часть Южного материка, простирающегося к югу без конца и края.

— Вот-вот,— кивнул головой Дрейк,— об этом-то я и вспомнил сейчас, когда услышал, что нас отнесло на целых пять градусов к югу. Где же, черт возьми, их хваленый Южный материк? А? — Дрейк расхохотался и хлопнул шкипера по плечу.— Нет никакого материка и в помине. Каково? Нас изрядно потрепало, да и страху мы натерпелись, Том, но, как говорится, нет худа без добра. Вы меня понимаете?

Шкипер в сомнении пожал плечами.

— Тысяча дьяволов! — раздраженно вскричал Дрейк.— Неужели вы не понимаете, что эта буря помогла нам устранить заблуждение насчет Южного материка? Мы же с вами отлично видим, что здесь нет никакого материка. Надеюсь, у вас возражений нет?

— Это совершенно очевидно, сэр,— спокойно ответил шкипер.

— В таком случае, Том, возьмите судовой журнал и запишите то, что я вам продиктую,— приказал Дрейк, опускаясь в кресло.— Вы готовы?

Получив утвердительный ответ, он начал:

— В седьмой день сентября сильный шторм помешал нам войти в Тихий океан из Магелланова пролива. Из залива, названного нами заливом Разлуки друзей, потому что после бури мы потеряли два корабля, нас отогнало на юг от пролива до... — Дрейк вопросительно посмотрел на шкипера.

— Пятьдесят седьмой с третью параллели,— тотчас назвал тот координаты.

— Прекрасно,— продолжал Дрейк,— до пятьдесят седьмой с третьей параллели, на какой широте мы и стали на якорь среди островов. Написали? А теперь возьмите карту, нанесите на нее окружающие нас острова и назовите их: «Терра аустралис бене когнита». Готово? Кстати, Том, вы знакомы с латынью?

Шкипер отрицательно покачал головой.

— Нет? — удивленно переспросил Дрейк. — Это выражение переводится так: «хорошо известная южная земля». Не неведомая Южная Земля, как ее привыкли называть испанцы и разные там писаки, а хорошо известная. Во всяком случае нам с вами, пока мы не вернулись в Англию. Какой же, скажите на милость, это Южный материк, когда перед нами несчастная горстка островов! — последние слова Дрейк произнес с нескрываемой иронией, адресованной, несомненно, его заклятым врагам испанцам. — Разрази меня гром, если мы не сделали важного открытия, Том! — Дрейк благосклонно взглянул на шкипера, достал из поставца бутылку и две кружки и разлил вино. — За наши дальнейшие успехи, Том,— провозгласил он и залпом осушил кружку. Шкипер последовал его примеру.

— А теперь, Том, к делу. Нам надо спешить. Погода наладилась, ветер попутный. В путь, Том, в путь! Богатства испанцев нас заждались!

— Сэр, я полагаю, к вечеру можно будет сниматься с якоря,— сказал шкипер и направился к выходу.

Когда «Золотая лань» подошла к главному порту Перу Калья, испанцы и не помышляли о том, что английский корабль проник в воды Тихого океана, их заповедные воды. Дрейк, у которого храбрость сочеталась с расчетливостью и недюжинным талантом военачальника, делал ставку именно на внезапность. Дождавшись ночи, он бесшумно провел свою «Золотую лань» на рейд Калья, где стояло тридцать испанских судов и среди них несколько хорошо вооруженных. Всю ночь он, владея свободно испанским языком, прислушивался к разговорам испанцев на кораблях. А те, не подозревая, что их подслушивают, делились последними новостями. Он узнал, что недавно из Калья вышла каравелла, груженная золотом, предназначенным для доставки в Испанию.

Не дожидаясь рассвета, Дрейк приказал сняться с якоря, и бросился вдогонку за этой каравеллой. Во второй половине дня на горизонте появились паруса преследуемого ко-

рабля, а через несколько часов англичане подошли к нему вплотную и, не встречая сопротивления, взяли его на abordаж.

«На следующее утро,— вспоминал впоследствии один из спутников Дрейка,— начался осмотр и подсчет, длившийся шесть дней. Мы нашли здесь драгоценные камни, тринадцать ящиков серебряной монеты, восемьдесят фунтов золота, двадцать шесть бочек нечekanеного серебра... В исходе шестого дня мы простились и расстались с хозяином судна; он, несколько облегченный, поспешил в Панаму, а мы — в открытое море».

Предприятие, о котором шел разговор в таверне и ради которого Френсис Дрейк пустился в далекое и опасное плавание, успешно завершилось. Теперь предстояло благополучно доставить захваченные сокровища в Англию. Но каким путем? Капитан «Золотой лани» решил не плыть через Магелланов пролив, опасаясь встречи с превосходящими силами испанцев и перспективы потерять не только трофеи, но и собственную жизнь. Он выбрал другой путь, хотя и неизвестный, но более безопасный: на север вдоль берегов Нового Света и далее через северо-западный проход в Атлантический океан. Существование такого прохода предполагалось, но еще никому не удалось обнаружить этот проход и пройти им.

Двигаясь на север, Дрейк достиг берегов Калифорнии, где в присутствии местных жителей — индейцев провозгласил окрестные земли владением английской королевы и назвал их Новым Альбионом. По приказанию Дрейка английские моряки установили столб, к которому была прикреплена медная пластинка с вырезанным на ней именем королевы Англии, датой прибытия мореплавателей в страну. Кроме того, Дрейк прикрепил к столбу серебряную монету с изображением королевы Елизаветы, а ниже вырезал свое имя.

«Золотая лань» покинула берега Калифорнии и взяла курс на Молуккские острова: Дрейк переменял свое намерение и решил плыть в Англию по пути Магеллана. В течение почти семидесяти дней моряки не видели ничего, кроме океана и неба, и только в ноябре 1579 года достигли островов Зондского архипелага*. Еще спустя полгода они обогнули мыс Доброй Надежды, и в конце сентября 1580 года «Золотая лань», изрядно потрепанная, но победоносная, бросила якорь на рейде Плимута.

* Ныне Индонезия.

Кругосветное плавание, второе по счету после Магеллана, успешно завершилось.

Френсис Дрейк имел все основания быть довольным результатами своего путешествия. Не менее удовлетворенной осталась и королева Елизавета. Ведь помимо того что Дрейк открыл для английских мореплавателей пути, известные до того лишь португальцам и испанцам, он привез с собой богатую добычу, которой поспешил поделиться со своей августейшей компаньонкой.

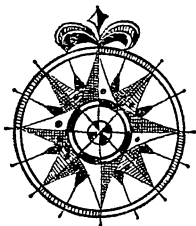
Высокопоставленным лицом, о котором неоднократно упоминалось в разговоре Дрейка с его таинственным собеседником в таверне, была королева Елизавета.

Королева не только не удовлетворила требования испанского посла примерно наказать дерзкого пирата за морской разбой, но и осыпала удачливого авантюриста милостями, даровала ему титул баронета * и оказала ему неслыханную честь, посетив его судно, где он устроил пир по случаю возведения его в рыцарское достоинство.

На протяжении всей истории географических открытий и исследований, начиная с эпохи великих географических открытий и кончая XIX столетием, среди мореплавателей можно встретить имена людей, которые совершали свои открытия не ради прогресса науки, не ради пополнения человеческих знаний о Земле, а прежде всего во имя обогащения, во имя власти. Эти алчные, беспринципные, жестокие, но в то же время смелые и отчаянные люди отправлялись в рискованные путешествия, обуянные жадной наживы и честолюбивыми стремлениями. Иные из них погибали, не достигнув желанной цели, другие совершали важные географические открытия, тем самым увековечивая свои имена в истории.

К категории таких людей принадлежал Френсис Дрейк, имя которого появилось на географических картах после того, как русская экспедиция под командованием Беллинсгаузена и Лазарева в 1820 году открыла последний из материков Земли — Антарктиду. Именем Френсиса Дрейка назван пролив между Южной Америкой и вновь открытым материком. Ведь это он во время своего кругосветного плавания непреложно установил, что к югу от островов Огненная Земля открытое море и нет никаких признаков Южного материка, о котором толковали его предшественники.

* Баронет — дворянское звание в Англии.

Через иллюминаторы в каюту лился неверный свет занимающегося дня. В глубоком кресле, разбросав руки и откинув голову на спинку, спал человек средних лет. Несмотря на неудобство позы, сон его был крепок и безмятежен.

Дверь скрипнула, и на пороге появился вахтенный офицер. Он осторожно подошел к спящему и положи

жил ему руку на плечо.

— Сеньор капитан! Сеньор капитан! — дважды повторил он встревоженным голосом. — Проснитесь, сеньор капитан! Есть неприятные вести!

— А-а-а, — не раскрывая глаз, пробормотал капитан и, повернувшись на бок и заняв более удобное положение, как младенец, зачмокал губами.

— Вставайте, сеньор Торрес! — возвысил голос офицер, более энергично расталкивая спящего. — Если бы не чрезвычайные обстоятельства, я бы не стал вас беспокоить!

— Что случилось? — Торрес задал вопрос голосом человека, не совсем еще стряхнувшего с себя сон. Он сладко зевнул, потянулся и встал из кресла. — Говорите, Родригес, я слушаю вас. Кстати, который час?

— Уже светает, сеньор капитан.

— Так в чем же дело? — раздраженно спросил Торрес. — Почему вы разбудили меня так рано? Ведь я просил не беспокоить меня до восьми часов! Надо же мне когда-нибудь выспаться!

— Приношу свои извинения, сеньор Торрес, но непредвиденное происшествие побудило меня нарушить ваше распоряжение.

— Вот как? — насторожился капитан. — Что же это за происшествие?

— Исчез корабль начальника экспедиции...

— То есть как это исчез? — в недоумении воскликнул Торрес, окончательно освобождаясь от дремоты. — Вы хотите сказать, что Кирос покинул гавань? — В голосе его звучало явное недоверие.

— Корабля сеньора Кироса нет на рейде. Можете сами в этом убедиться, — ответил, пожимая плечами, Родригес.

— Странно, весьма странно,— тоном, в котором сквозило беспокойство, сказал Торрес.— Пойдемте на палубу, Родригес. Ваше сообщение нуждается в проверке.

— Извольте, капитан,— обиженным тоном ответил офицер.— До сих пор я не жаловался на плохое зрение. Но если вам угодно...

Они вышли на палубу. Было уже совсем светло. Лучи восходящего солнца золотили вершины гор, легкая дымка стелилась над зарослями тропической растительности, окаймлявшими прибрежные склоны. Океан спокойно и ласково катил свои волны.

Торрес, охватив одним взглядом эту мирную картину, увидел, что третьего корабля нет. Он задумался. «Куда он мог деваться? Ведь накануне вечером, перед тем как пойти спать, он видел его собственными глазами. Может быть, Кирос решил обследовать берега открытой ими земли и отправился в разведку, чтобы к вечеру или на следующий день вернуться? Но почему в таком случае он сделал это втайне от него, Торреса, и капитана другого корабля? Странно!»

— Вы правы, Родригес,— сказал он спокойно, решив до поры не выказывать своих сомнений.— По-видимому, Кирос снялся с якоря ночью. Подождем его возвращения. Долго отсутствовать он не может, произведет рекогносцировку и сразу же вернется.

— Непокойно у меня на душе, капитан,— покачал головой Родригес.— Поскорее бы нам убраться из этих гиблых мест. Лихорадка так и косит людей, что ни день — смерть.— Он с ожесточением топнул ногой.— А тут еще корабль сеньора Кироса пропал...

— Я разделяю ваши чувства, Родригес,— ответил Торрес, озабоченно поглядывая вокруг.— Подождем сутки, вторые и, если Кирос не объявится, направим свой путь на запад.

По истечении назначенного времени, так и не дождавшись возвращения корабля Кироса, Торрес принял на себя командование флотилией и приказал поднять якоря. В середине 1607 года его суда достигли Филиппинских островов, принадлежавших Испании. Став на рейде Манилы, главного города колонии на острове Лусон, Торрес отправился с отчетом о своем плавании к губернатору.

Губернатор архипелага приветливо принял его в своей резиденции. Он приказал слугам подать вина и фруктов и, удобно расположившись в кресле, приготовился слушать повествование прибывшего,

— Можете не сомневаться, сеньор Торрес, что я самым внимательным образом ознакомлюсь с вашим письменным отчетом, но согласитесь сами, что услышать о его содержании из уст очевидца куда более интересно и увлекательно,— сказал он, любезно улыбаясь.

— Охотно поделюсь с вами своими впечатлениями, сеньор губернатор, если вам это доставит удовольствие,— с достоинством поклонился Торрес.— Рассказ мой будет краток, хотя плавание наше продолжалось довольно долго. Оставив берега, которые Кирос принимал за часть Терра аустралис инкогнита, прежде чем взять курс на запад, я счел необходимым проверить, как далеко на юг простирается эта земля. Несколько дней пришлось потратить на разведку, но зато вскоре мы смогли утвердиться во мнении, что она невелика по размерам и состоит из группы сравнительно небольших островов. Мы обогнули эти острова с юга, а затем, когда сомнений больше не оставалось, направились на север с уклоном к западу, рассчитывая таким путем возможно быстрее достигнуть берегов Новой Гвинеи...

— Которая, как многие полагают и даже утверждают, также составляет часть Терра инкогнита,— живо подхватил губернатор, беря со стола ломтик сочного ананаса.

— Должен заметить, сеньор губернатор, что теперь я могу смело утверждать об ошибочности этого взгляда,— спокойно возразил Торрес, следуя примеру хозяина.

— Вот как?! — удивился высокопоставленный чиновник.— Какие же у вас есть тому доказательства?

— Они вытекают из дальнейшего моего повествования. Судите сами. Когда мы достигли одиннадцати градусов тридцати минут южной широты, в северной стороне показались очертания земли. По всем признакам это была Новая Гвинея. Памятуя о том, что все авторитеты считали Новую Гвинею северным выступом Южного материка, я повернул на запад и продолжал плыть в этом направлении триста лиг*, оставив по правую руку обнаруженный берег, чтобы удостоверить в правильности такого утверждения.

Вскоре мы потеряли берег из виду, так как вынуждены были из-за многочисленных мелей и сильного течения отойти от него и повернуть на юго-запад. Зато в южном и юго-западном направлениях виднелись большие острова, во множестве усеивающие морское пространство...

* Лига — мера длины, примерно равная 4—5 километрам.

— И вы подходили к ним и высаживались на землю? — нетерпеливо перебил его губернатор, прислушивавшийся к рассказу все с большим интересом.

— Нет,— покачал головой Торрес,— я не рискнул этого сделать, опасаясь, что корабли сядут на мель или наскочат на подводные рифы. Мне хотелось как можно быстрее миновать это опасное место и достигнуть Молуккских островов. Пройдя еще сто восемьдесят лиг, мы снова приблизились к Новой Гвинее и увидели ее берега. Правда, незадолго до этого мы вновь повернули на север, пользуясь тем, что рифов и мелей стало несколько меньше...

— Что же вы предприняли дальше? — наклонившись, поинтересовался губернатор.

— Выбрали удобное место и, сделав кратковременную остановку, высадились на берег. Встреченные туземцы нам сообщили, что земля эта в нескольких днях пути на запад кончается. Я видел у них железо, китайские колокола и другие предметы, утвердившие меня в уверенности, что мы находимся вблизи Молуккских островов.

— И это дает вам основание утверждать, что Новая Гвинея не часть Терра аустралис инкогнита? — воскликнул губернатор.

— Я готов поклясться в этом, ваша милость, так как прошел вдоль ее южного берега с востока на запад...

— И на юге видели другие земли?

— Мы видели их так же четко, как я вижу сейчас вас, сеньор губернатор, можете мне поверить! — подтвердил горделиво Торрес.

— Любезный капитан,— откинувшись в кресле, с удовлетворением произнес губернатор.— Результаты вашего плаванья, не скрою, представляют чрезвычайный интерес...— Он сделал паузу и многозначительно поднял палец.— Но прошу вас до времени не разглашать того, о чем мне только что рассказали. И проинструктируйте в этом же духе ваших людей. Гм... Как бы вам это объяснить? Словом, высшие политические соображения... диктуют нам необходимость воздерживаться от опубликования каких-либо сведений о наших успехах в открытии новых земель и морских путей. Слишком много соперников появилось у нас нынче. Надеюсь, вы понимаете, сеньор Торрес, кого я имею в виду?

— Разумеется, ваша милость,— понимающе ответил тот.— Можете вполне на меня положиться. Я отдам соответствующее распоряжение моим людям.

— Благодарю вас, капитан,— губернатор наполнил бо-

калы вином.— Вы меня очень развлекли сегодня своим рассказом, я почерпнул из него много полезного и важного. С удовольствием пью за ваше здоровье и ваши успехи. Ступайте. Вам надобно отдохнуть после всех треволнений. Я вас больше не задерживаю.

Торрес откланялся и покинул кабинет губернатора.

Так закончилась эта аудиенция, в ходе которой Торрес поведал о своих открытиях — последних значительных географических открытиях, совершенных испанскими мореплавателями.

Но что это за Терра аустралис инкогнита, о которой не раз упоминалось в разговоре? В переводе с латинского это название означает: Неведомая Южная Земля.

Поисками Неведомой Южной Земли, о существовании которой говорилось во многих древних письменных источниках, люди занялись, как только вышли на просторы океанов. На древних картах таинственная земля обозначалась где-то у Южного полюса, и притом огромных размеров. Исходили они, правда, из чисто умозрительных заключений, согласно которым равновесие земного шара возможно лишь при условии существования в южном полушарии таких же крупных масс суши, как и в северном. Среди ученых, придерживавшихся подобного мнения, был Птолемей, авторитет которого не подлежал сомнению. И поскольку этот материк изображался на географических картах в совершенно определенном месте, постольку были все основания его искать.

И его искали. Начали эти поиски испанцы, первые из европейцев добравшиеся до высоких южных широт. После плавания Магеллана и открытия им пролива в Тихий океан долгое время считалось, что земля, лежащая к югу от пролива,— северный выступ Неведомой Южной Земли, так как никто не знал, как далеко простирается к югу эта земля.

Впоследствии испанские мореплаватели, направлявшиеся в Тихий океан по следам Магеллана, открывали все новые и новые острова. И каждый из этих островов они принимали за берег таинственного Южного материка. Так, в середине XVI столетия капитан Ортис де Ретес, плывя от Филиппинских островов к Мексике, оказался вблизи какой-то обширной земли, которую посчитал за северную оконечность Терра аустралис инкогнита и назвал ее Новой Гвинеей. В конце 1557 года вице-король Перу снарядил два корабля во главе с Альваро Менданья для поисков Южного материка. Спу-

стя три месяца Менданья обнаружил землю, которую принял за легендарную страну Офир, откуда, по библейскому преданию, царь Соломон получал золото, драгоценности и слоновую кость. Менданья полагал, что страна Офир находится на Южном материке. Но открытая им земля оказалась островом. Рядом располагались другие такие же небольшие острова, а золота там не было и в помине.

Спустя четверть века Менданья вторично отправился на поиски. Неожиданная смерть помешала ему снова посетить Соломоновы острова. Командование кораблями перешло к Педро Фернандо де Киросу, который хотел продолжить плавание, но из-за вспыхнувших среди команды болезней вынужден был вернуться в Перу. Однако он не оставил мысли о поисках Южного материка, и в начале XVII века из порта Кальяо вышла флотилия в составе трех кораблей. Капитаном одного из судов был Луис Ваэс Торрес.

Чем на этот раз кончились поиски Неведомой Южной Земли, мы уже знаем. Кирос, убедившись в том, что открытая им земля не располагает теми богатствами, которыми он ее наделял в мечтах, бежал на своем корабле в Мексику, а Торрес, удостоверившись в том, что это не материк, а группа островов (ныне Новые Гебриды), прошел вдоль южного побережья Новой Гвинеи, доказав тем самым, что это остров, а не часть Неведомой Южной Земли.

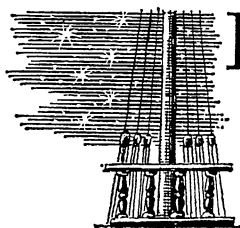
Но об открытиях испанцев в Тихом океане миру стало известно более чем сто пятьдесят лет спустя, потому что испанцы хранили в глубокой тайне результаты своих плаваний.

Во время Семилетней войны (1756—1763 годы) англичане, высадившись на Филиппинских островах, захватили в Маниле секретные правительственные архивы испанцев, где среди прочих документов обнаружили отчеты мореплавателей о совершенных ими открытиях.

Ставший впоследствии знаменитым английский мореплаватель Джеймс Кук спустя пять лет после окончания Семилетней войны приступил по заданию английского Адмиралтейства к исследованию Океании. Ему удалось побывать у берегов тех земель, которые в свое время были открыты испанцами, и пройти путем Торреса между Новой Гвинеей и Австралией.

После того как были опубликованы секретные испанские документы, стало бесспорным, что честь открытия пролива между Новой Гвинеей и Австралией принадлежит Луису Торресу, и этот пролив был назван его именем.

По пути Гольфстрима

Поиcки морского пути в Индию, Китай, к Островам Пряностей!

Стремление отыскать этот путь в течение многих сотен лет служило побудительной причиной для организации бесчисленных экспедиций, которые отплывали на восток и на запад, вдоль берегов Африки и в неизведанные воды Атлантического океана.

Но вот наконец португальцы достигли берегов Индии и Островов Пряностей, обогнув Африку и преодолев пространства Индийского океана, а испанцы спустя двадцать лет сделали то же самое, двигаясь на запад от берегов Европы, и открыли при этом новый материк — Америку.

Казалось бы, проблема решена и искать больше нечего. Однако англичане и голландцы, весьма заинтересованные в развитии своей торговли с восточными странами, думали иначе. Ведь открытые морские пути в Индию, Китай и Японию находились под контролем португальцев и испанцев, и судам других государств по существу невозможно было ими пользоваться. Поэтому помыслы голландцев и англичан были устремлены на поиски путей на Восток через Северный Ледовитый океан, которые могли бы оказаться короче уже открытых.

Уже во второй половине XVI века первые смельчаки отправлялись в плаванья, надеясь пробиться на восток через льды Полярного морского бассейна. К их числу принадлежал и голландский мореплаватель, гражданин города Амстердама, Виллем Баренц.

Положение экспедиции было поистине отчаянным. Прошло более года, как мореплаватели покинули Амстердам и направились к берегам Новой Земли, чтобы в третий раз попытаться пройти из Мурманского моря в Карское и следовать далее на восток желанным Северным морским путем. Но, как и в предыдущие годы, дорога в Карское море была закрыта тяжелыми льдами, которые сжимали корабль в своих холодных объятиях. Сначала сломался руль, затем мачта, — каждое новое сжатие льдов приводило к новой по-

ломке. Очередной натиск льдов выдавил судно и повалил набок. Оставаться на нем было рискованно, и путешественники съехали на берег и поселились в избе, которую в расчете на долгую зимовку построили члены экипажа.

Впереди предстояла длинная полярная ночь. Сильные морозы, непрекращающиеся вьюги и метели наводили уныние и тоску на голландцев, не привыкших к таким холодам. С провизией тоже дело обстояло худо. Запасы дров вскоре истощились, и приходилось топить печку углем. Но и его было немного.

От холода и недоедания люди теряли силы, болели, падали духом. Появилась неперенная спутница северных экспедиций — цинга. В числе других ее жертвой стал и штурман Виллем Баренц. Но, несмотря на болезнь, которая надломила его крепкий организм, этот мужественный человек старался, как мог, скрыть недомогание и своим примером поддерживал веру в благополучный исход плавания и скорое возвращение на родину.

Будучи уже тяжело больным, он продолжал вести метеорологические наблюдения и работать над картой полярных областей, нанося на нее береговую линию островов Новая Земля.

Вот и сейчас при свете тусклого солнца, с трудом пробивающегося через небольшое окно, он, полулежа на постели, делает какие-то пометки на карте, разостланной на полу. В избе кроме Баренца еще четверо больных, остальные возятся на берегу с лодками, на которых им предстоит плыть к матерiku в надежде встретить на пути суда поморов.

Баренц увлеченно работает, время от времени заглядывая в свои записи. Потом усталость берет верх, и он откидывается на спину, подложив руки под голову. Легкий стон срывается с его губ, для него мучительно каждое движение. Но мозг по-прежнему работает четко и ясно. И больше, чем болезнь, его гнетет мысль о том, что цель, достижению которой он отдал всю свою жизнь, осталась такой же далекой, как и в тот первый день, когда три года назад он отправлялся в первое плавание на поиски Северного морского пути в Китай и Индию.

Перед его мысленным взором одна за другой возникают картины недавнего прошлого.

Вот он видит себя на борту «Меркурия» в амстердамском порту. Это было 29 мая 1594 года. Толпы людей провожают флотилию, состоящую из четырех судов, в далекие северные моря. Сколько надежд связывал он тогда с этой экспеди-

цией! Как верил, что им удастся открыть путь в Китай через Северный Ледовитый океан! Да и как было не верить, не надеяться, когда он собственными глазами читал в «Книге о посольстве Василия к Клименту VII», опубликованной итальянским ученым Паоло Джовио в 1525 году: «...русские с давних времен бывают в краю юкагиров и вогулов, платящих дань московскому царю. На восток от них есть другие отдаленные племена людей, неизвестные москвитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до океана; о них знают только по слухам да еще из баснословных по большей части рассказов купцов. Однако достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какая-нибудь земля».

Все это было записано итальянским ученым со слов русского посла в Риме Дмитрия Герасимова, который в подтверждение своих слов показывал также карту полярных стран.

Да, в тот первый раз они без особых трудностей обогнули северо-западную оконечность Европы и подошли к Новой Земле. Баренц направился на север вдоль ее побережья, а остальные три судна — к Югорскому Шару, проливу между островом Вайгач и материком, ведущему в Карское море. Больной тяжело вздохнул. Печальные воспоминания морщинами легли на его изможденное недугом лицо. Слов нет, он достиг северной оконечности Новой Земли и мог сделать попытку проникнуть в Карское море, через которое лежит путь на Восток, но вынужден был отказаться от этого намерения, так как команда настояла на том, чтобы повернуть на юг и соединиться с другими кораблями флотилии.

Когда встреча эта состоялась, Баренц тотчас же повидал капитанов, пытавшихся пройти в Карское море через Югорский Шар. Те сообщили, что им удалось это сделать с помощью русских, указавших правильный путь, что в проливе продвижению кораблей мешали льды, а в море их присутствие мало ощущалось и что они достигли устья большой реки, которую русские именуют Обью, и, следовательно, путь на восток найден.

Дрожащей от слабости рукой Баренц берет стоящую у изголовья кружку с питьем и отхлебывает из нее, с трудом

приподнявшись. В это время, скрипнув дверь, в избу входит штурман Геррит де-Фер.

— Как самочувствие, Виллем? — бодрым голосом спрашивает он больного.

Баренц делает над собой усилие и изображает на лице улыбку:

— Мне, кажется, лучше, мой друг, — отвечает он. — Во всяком случае я еще в состоянии передвигаться.

— Мужайтесь, Виллем, — продолжает де-Фер. — Скоро, совсем скоро мы покинем эти холодные, неприветливые края и с божьей помощью вернемся в родной Амстердам. Шлюпки уже оснащены для плавания, и еще сегодня мы сможем отправиться в путь. Осталось поработать самую малость. Я покидаю вас успокоенный. — Де-Фер приветственно машет ему рукой и выходит из избы. Баренц вновь погружается в воспоминания.

Да, результаты первого плавания были очень обнадеживающими. Вернувшись на родину, они представили доклад, в котором было без обиняков сказано, что путь в Китай через северные моря открыт. Купцы, его соотечественники, восторженно приветствовали это известие и тут же принялись хлопотать о снаряжении новой экспедиции.

В первых числах июля 1595 года флотилия покинула берега Голландии. На этот раз в ее состав входило семь кораблей. Командовал ею Корнелиус Най, а он, Баренц, был назначен главным штурманом флотилии и капитаном одного из судов.

Корабли плыли уже знакомым путем вдоль северо-западных берегов Европы и спустя полтора месяца достигли пролива Югорский Шар. Пролив оказался на этот раз забитым льдами, и пройти через него ни на кораблях, ни на шлюпках не было никакой возможности, хотя Баренц предпринимал не одну попытку.

А между тем встреченные голландцами русские поморы утверждали, что путь в Карское море и далее на восток доступен. Надо только дождаться западного или южного ветра, который разгонит скопившиеся льды. Баренц слышал эти разговоры не раз и был убежден, что начатое дело следует довести до конца.

И когда Корнелиус Най собрал у себя на корабле всех капитанов, чтобы обсудить дальнейшие планы экспедиции, он, Баренц, был единственным, кто посчитал необходимым дождаться улучшения ледовой обстановки в проливе и продолжить попытки пробиться в Карское море. Остальные мол-

чаливо соглашались с Корнелиусом Наем, который не хотел рисковать и предпочитал вернуться на родину, не добившись успеха.

Баренц отлично помнит каждое слово, произнесенное на этом совете. Командующий флотилией сказал прочувствованную речь, из которой явствовало, что он не намерен более продолжать бесплодные попытки продвинуться на восток и что он созвал всех капитанов, чтобы заручиться их поддержкой.

Все молчали после того, как Корнелиус Най кончил говорить. Командующий флотилией окинул присутствующих взглядом, в котором сквозили ожидание и некоторое беспокойство, и обратился к нему, Баренцу:

— Что думает по поводу только что сказанного наш главный штурман?

— Я полагаю,— не задумываясь, твердо ответил Баренц,— что нам следует испробовать все возможности продолжить плавание на восток еще и еще раз. Есть основания надеяться, что нам это может удалиться через некоторое время, судя по свидетельствам русских.

— Вздор! — резко оборвал его Корнелиус Най.— Мы уже стоим перед проливом долгое время и все без толку. Дальнейшее пребывание наше здесь совершенно бессмысленно. Я считаю, что мы сделали все возможное и вправе с чистой совестью вернуться в Голландию.— Он еще раз обвел участников совета надменным взглядом и, достав из-за отворота камзола бумагу, продолжал: — Я составил документ, под которым предлагаю всем командирам кораблей поставить свои подписи. Вот его содержание: «Мы, нижеподписавшиеся, объявляем перед богом и перед всем миром, что мы сделали все, что от нас зависело, чтобы проникнуть через Северное море в Китай и Японию, как нам приказано в наших инструкциях. Наконец, мы увидели, что богу не угодно, чтобы мы продолжали наш путь, и что надобно отказаться от предприятия. Посему мы решились как можно скорее возвратиться в Голландию».

Все капитаны с вниманием выслушали зачитанный Корнелиусом Наем текст и после недолгого размышления поставили под ним свои подписи. Исключение составил только он, Баренц. Он никак не мог понять, как можно отказываться от дальнейших поисков, когда еще не все возможности исчерпаны. Но увы, доводы его, изложенные горячо и убедительно, не оказали своего действия. Он остался в оди-

ночестве. Флотилия возвратилась в Голландию, так и не добившись успеха.

Но он не смирился с неудачей. Оказавшись вновь в Амстердаме, он убеждал всех, что ни в коем случае не следует оставлять поисков. С великим трудом ему удалось добиться организации новой экспедиции, руководство которой ему не доверили. Здесь, видимо, не обошлось без вмешательства Корнелиуса Ная, который не мог простить Баренцу его независимой позиции. Отрицательная характеристика, данная бывшим начальником, сделала свое дело, и Баренца назначили штурманом одного из двух кораблей, снаряженных на этот раз. Ему было обидно, но что поделаешь. Зато он все-таки снова попытается добиться успеха.

Баренц на мгновение оторвался от воспоминаний и тоскливым взором обвел голые стены избы. Вместо того чтобы плыть к сказочным странам Востока, он лежит больной и беспомощный в этом сколоченном на скорую руку домишке, прилепившемся к берегу Новой Земли, в самой северной ее части. Судно, искалеченное ледяными глыбами, уже непригодно для плавания, многие его товарищи, как и он, больны и немощны. Все способные работать снаряжают шлюпки, на которых они попытаются добраться до жилых мест.

Доберутся ли? И доживет ли он до того дня, когда снова сможет увидеть родной Амстердам? Увы, его третье плавание окончилось столь же неудачно, как и первые два. Видно, не судьба.

Баренц уронил голову на грудь и закрыл глаза, но тут же встрепенулся, так как услышал скрип двери.

На пороге появился Геррит де-Фер.

— Мужайтесь, Виллем! — воскликнул он. — Шлюпки готовы к отплытию, и мы ждем ваших распоряжений. Со мной пришли люди (они стоят за дверью), которые перенесут вас в шлюпку.

— Я готов, — бодрым голосом, который дался ему с большим трудом, ответил Баренц. — Пусть войдут. Я очень сожалею, что сам не в состоянии передвигаться, ведь люди очень устали.

— Не беда, — рассмеялся де-Фер, — они так счастливы наконец покинуть эти места, с которыми связано столько печального, что одно это во сто крат умножает их силы.

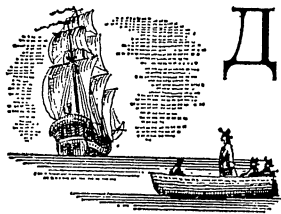
Экспедиция, преодолев немало трудностей, сумела добраться до берегов материка и вернуться на родину. Но воз-

вращалась она без Виллема Баренца. Он скончался вскоре после того, как шлюпки покинули место зимовки.

Так оборвалась жизнь замечательного голландского мореплавателя, одним из первых пустившегося на поиски северного морского пути на восток. Трижды он отправлялся в плавание к берегам Новой Земли. Трижды благополучно достигал этих островов, следуя путем теплого морского течения Гольфстрим. И трижды был не в силах преодолеть сопротивление льдов у входа в Карское море. Здесь Гольфстрим был бессилён оказать ему помощь.

Но, несмотря на постигшие его неудачи, Баренц остался в памяти людей как человек, многое сделавший для изучения Мурманского моря и островов Новая Земля. И благодарные потомки, оценив его труды, нарекли именем Баренца море, которое он не один раз бороздил на своем корабле.

Бунт на корабле

Долгая зимовка на берегу пустынной неприветливой земли кончилась. Залив очистился ото льда, и капитан Гудзон приказал спустить корабль на воду. Ни перенесенные за зиму лишения, ни недовольство команды не поколебали его решимости продолжить поиски пролива, соединяющего где-то здесь, в полярных широтах, Атлантический океан с Тихим. Он знал, что

люди встретят его решение враждебно, но не хотел придавать этому серьезного значения, рассчитывая обуздать их данной ему властью командира судна. В прошлом ему это удавалось сделать.

Корабль был спущен на воду и медленно двинулся на север вдоль берега. На злобные взгляды моряков и их приглушенные проклятия Гудзон не обращал внимания, вернее, делал вид, что не обращает. Он упорно вел свое небольшое судно на север в надежде обнаружить долгожданный пролив, ведущий на запад, — ведь в этом состояла задача, поставленная перед ним накануне отплытия из Англии.

К концу первой недели плавания все недовольные члены экипажа, а их было большинство, собрались на баке, чтобы обсудить создавшееся положение. Они были полны

решимости предпринять любые шаги, лишь бы прекратить эти бессмысленные, по их мнению, поиски северо-западного прохода, в существование которого они не верили, и вернуться целыми и невредимыми на родину.

Обсуждение было бурным. Все кричали, перебивая друг друга, высказывая накопившиеся обиды. Гудзона на судне не любили за жесткость и неуживчивый нрав.

— Мы долго терпели произвол этого человека, и пришла пора положить этому конец, — хриплым, простуженным басом сказал один из собравшихся, когда установилась относительная тишина. Это был мужчина богатырского сложения, высокого роста, с медно-красным от загара лицом, заросшим густой бородой. По всем его повадкам было видно, что он привык главенствовать. — Лишений, выпавших на нашу долю, более чем достаточно. Я сыт по горло всеми проливами, которые мы открыли и которые нам еще предстоит открыть. Хватит! Мне дорога моя жизнь, и я хочу еще вернуться в родные места, чтобы на старости лет мирно коротать свои дни дома!

— Правильно говорит Дженкинс! — подхватил его сосед, коротышка с круглой физиономией, на которой злым огоньком поблескивали маленькие заплывшие глазки. — Этот чертов капитан думает только о своей карьере и в угоду своим интересам не щадит нашего брата!..

— Да разве только нас! — закричал третий. — Он и собственного сына малолетнего не жалеет. Взял мальчонку в плавание, которое не каждый мужчина перенесет!

— До мальчугана мне дела нет, — сказал Дженкинс, обводя тяжелым взглядом сгрудившихся вокруг него матросов. — Им пусть занимается капитан. На то он и отец. Ты, Приккет, пустую болтовню не разводи...

— Да я что... я только хотел сказать, что не по-христиански поступает капитан, — смущенно пробормотал Приккет.

— По-христиански? — захохотал кто-то. — Да разве наш капитан христианин?! Дьявол он, прости меня господи!

— Верное слово твое, Том, — одобчительно сказал Дженкинс. — А с дьяволом один разговор: отправить его туда, где ему и место, — в преисподнюю!

Последние слова Дженкинса потонули в одобрительном гуле голосов.

— Нет! — воскликнул испуганно Приккет. — Это будет не по-христиански, если мы убьем его! Я никогда не соглашусь участвовать в убийстве!

— Вот как? Ты не согласен? — насмешливо переспросил Дженкинс. — А что же ты предлагаешь в таком случае? Продолжать терпеть и идти за ним на верную смерть? Так, что ли?

— Я этого не сказал, — растерянно ответил Приккет, ища сочувствия среди окружавших его матросов и не находя его. — Можно... — он запнулся на миг — ...можно просто отстранить его от командования и запереть в каюте до возвращения в Англию...

— Запереть, говоришь? — Дженкинс зло усмехнулся. — Чтобы в Англии нас всех повесили за мятеж?! Этого ты хочешь?! — голос его принял угрожающее выражение.

— Чего там говорить, — нетерпеливо вмешался матрос, которого Дженкинс назвал Томом, — мы все согласны с Дженкинсом. Надо кончать с капитаном...

— А заодно и с его приспешниками, — подхватил визгливым голосом матрос с испитым лицом. Он поднес пальцы к горлу и скверно выругался. — Всех их надо удавить. И штурмана, и помощника его, и других иуд, лижущих капитану зад!

— Дай тебе волю, так ты всех удавишь, Билл, — брезгливо поморщился Дженкинс. — Не будь глупцом и соображай, что мы не разбойники и не убийцы, а просто люди, доведенные до отчаяния.

— Поистине благочестивые слова сказал Дженкинс, — одобрительно закивал головой Приккет.

— Заткнись ты со своим благочестием! — зарычал Дженкинс. — Не до него сейчас. Мы должны подумать о своей шкуре. Пойми ты, Билл, пустая твоя башка, и вы все. Если мы перебьем всех офицеров, то не сможем найти дорогу из этой дыры в Англию! Кто из вас способен вычислить курс и вести корабль? Ты? Ты? Ты? Или, может быть, ты?! — Он поочередно тыкал пальцем в присмиревших матросов. — Молчите? То-то же! Все вы неучи и способны только болтать языком...

— Не сердись, Дженкинс, — примирительно произнес Том. — Мы просто об этом не подумали.

— Да, Дженкинс, нам это не пришло в голову, — перебивая друг друга, загалдели остальные.

— Ладно, — остывая, сказал Дженкинс, — видно, мне на роду написано думать за вас, тупоголовые образины. Слушайте меня внимательно. Тянуть нечего, завтра все должно решиться, я все продумал. Капитана и помощника штурмана, а также шестерых верных ему людей мы обезвредим...

— Отправим к праотцам наиболее коротким путем, — перебил его Билл, злорадно ухмыляясь.

— Заткни свою поганую глотку, Билл, я тебя уже предупреждал, что это не твоего куриного ума дело. — Дженкинс угрожающе сжал кулаки и бросил презрительный взгляд на Билла, который съежился и отступил в тень. — Так вот этих людей, которых я назвал, мы устраним, а штурмана Байлота оставим для управления кораблем. Он, насколько я мог заметить, никогда не был с капитаном на дружеской ноге, и поэтому мы на него можем рассчитывать. Понятно?

— Здорово придумано! — заорал Том в восторге. — С таким штурманом, как мистер Байлот, мы в два счета доберемся до Англии. Ура Дженкинсу! Ура капитану Дженкинсу!

Его возглас подхватили все остальные, воодушевленные мыслью о скором возвращении на родину.

Дженкинс самодовольно улыбнулся в свою густую бороду, принимая как должное эту грубую лесть своих сообщников. Дождавшись, когда восторженные крики матросов наконец утихли, он продолжал как ни в чем не бывало:

— Действовать будем быстро и внезапно. Капитана и помощника штурмана придется взять в их каютах на рассвете, когда сон особенно крепок. Капитана поручаю тебе, Том. Отбери себе на помощь еще двух человек. Гудзон хоть и в летах, но еще достаточно силен, и справиться с ним будет не так легко. А ты, Билл, возьми помощника штурмана. Но... — голос Дженкинса угрожающе понизился, — чтобы ни один волос не упал с его головы, пока я не решу, как со всеми ими поступить. Ты понял меня, Билл? Мальчишка не в счет. А тех шестерых придется брать остальным. Старшим назначаю тебя, Приккет. Да, вот еще что. Джиму и Робинсу поручаю следить за штурманом на всякий случай. Он в это время будет находиться на вахте. Если мистер Байлот попытается вмешаться в дело на стороне капитана, обезоружьте его и свяжите. А теперь по местам и помните, что от успеха задуманного зависит не только скорое возвращение в Англию, но и ваша жизнь.

Возбужденные заговорщики, споря и переругиваясь, разошлись. Наступила тишина, прерываемая только скрипом корпуса корабля, покачивающегося на небольшой волне.

К утру план, разработанный с таким тщанием Дженкинсом, был приведен в исполнение. Пленные капитан Гудзон, его малолетний сын, помощник штурмана и шестеро верных Гудзону людей были выведены на палубу.

Дженкинс, скрестив руки на могучей груди, недобрый взглядом смерил капитана и, обведя рукой столпившихся за ним своих сообщников, сказал:

— Вы долго злоупотребляли своей властью, мистер Гудзон, и чаша нашего терпения переполнилась. На все наши многочисленные просьбы о перемене курса вы отвечали решительным отказом. Что ж, пеняйте теперь на себя. Нам с вами отныне не по пути. Вы жаждете продолжить поиски пролива в Тихий океан, рискуя погубить всех нас, а мы предпочитаем вернуться в Англию...

— В Англию! В Англию! — поддерживали криками матросы своего предводителя.

— Вы слышите, мистер Гудзон, что кричат эти добрые люди? Они соскучились по родине. Разве можно к этому остаться равнодушным, если имеешь сердце?

— Это мятеж, Дженкинс, — спокойно ответил Гудзон. — И вы как его зачинщик будете болтаться на виселице.

— Пусть моя судьба вас не беспокоит, капитан, — насмешливо продолжал Дженкинс. — Рекомендую вам подумать в первую очередь о себе и своих компаньонах.

— Вы намерены нас убить, Дженкинс? — спросил Гудзон, по-прежнему сохраняя мрачное, но спокойное выражение лица. — В таком случае не тяните и скорее кончайте с нами.

— Мы христиане, Гудзон, и не обагрим руки кровью ближних своих, — лицемерно поднимая глаза к небу, произнес Дженкинс под одобрительные возгласы своих сообщников. — Свидетелем тому будет господь бог! Мы расстанемся по-иному. — Он повернулся к матросам и гаркнул во всю глотку:

— Эй! Джим, Том, Робинс! Или еще кто там! Спустить шлюпку на воду для мистера Гудзона и его друзей! Да поживей! — Затем, понизив голос, продолжал, обращаясь к Гудзону: — Мы отдаем в ваше полное распоряжение шлюпку, на которой вы сможете продолжить плавание на север или в любом другом направлении. А мы, — он сокрушенно развел руками, — мы поспешим покинуть этот негостеприимный край, чтобы поскорее вернуться в славную старую Англию.

Гудзон поник головой. Он понял, какая судьба уготовлена ему и его несчастным товарищам, и знал, что на снисхождение рассчитывать бесполезно, если он не подчинится бунтовщикам и сам не поведет корабль обратно. Он переглянулся со своими друзьями, прочитал в их глазах решимость сле-

довать за ним и нашел в себе силы гордо и с презрением окинуть взглядом толпу матросов.

В это время Дженкинсу доложили, что шлюпка спущена.

— Хорошо, — кивнул он головой. — Посадите этих людей в шлюпку, а дальше пусть они поступают как хотят. Да побыстрее действуйте, мы должны торопиться, пока дует попутный ветер.

Через несколько минут корабль уже удалялся от лодки, которая с каждым мгновением становилась все меньше, теряясь в пустынных водах залива.

Так завершилась последняя экспедиция английского мореплавателя Генри Гудзона, четырежды отправлявшегося на поиски северного пути в Индию из Атлантического океана в Тихий. Произошло это в 1611 году, спустя четыре года после первого путешествия.

В 1607 году, уже будучи пожилым человеком, Гудзон поступил на службу в английскую торговую «Московскую компанию» и сразу же получил задание добраться до Японии через Северный полюс. Через четыре с половиной месяца он возвратился в Лондон, сумев пройти вдоль восточных берегов Гренландии до семьдесят третьего градуса северной широты, затем повернуть на северо-восток, достигнуть Западного Шпицбергена, обогнуть его с севера, поднявшись до восьмидесяти градусов двадцати трех минут северной широты. Дальше путь преградили непроходимые льды. На обратном пути Гудзон обнаружил небольшой остров, который впоследствии стал называться Ян-Майен.

Хотя Японии северным путем достичь ему не удалось, он собрал ценные географические сведения, а также сообщил о богатых возможностях зверобойного промысла в Гренландском море.

Летом следующего года компания вновь направила его в плавание на поиски северо-восточного пути в Тихий океан. На этот раз ему удалось подойти к берегам Новой Земли, но все попытки обогнуть ее с севера или пробиться через Карские ворота не дали результата. Гудзон возвратился в Англию, не выполнив данного ему поручения.

Разочаровавшись в Гудзоне, лондонские негоцианты отказались от его услуг, и он в поисках работы предложил их недавно организованной голландской Ост-Индской компании. В 1609 году на предоставленном компанией судне Гудзон предпринял третью попытку пройти северным морским путем в Тихий океан. Он направил свой корабль в Баренце-

во море и достиг 72-й параллели, но, встретив сплошные льды, повернул обратно и, не возвращаясь в Голландию, пересек Атлантический океан и подошел к берегам Америки. Следуя вдоль берега, Гудзон тщетно искал пролива, ведущего в Тихий океан. Правда, однажды казалось, что счастье ему улыбнулось. Примерно у сорокового градуса северной широты судно вошло в залив, и Гудзон проплыл по нему около двухсот километров. Но после долгих дней плавания на запад мореплаватели к своему разочарованию обнаружили, что их судно движется не по проливу и не по заливу, а по большой реке.

Дальнейшие поиски Гудзон считал бесполезными и вернулся в Голландию. На этом его деловые отношения с Ост-Индской компанией прекратились. Он снова перешел на службу к своим соотечественникам.

В апреле 1610 года он отправился на судне «Дискавери» в плавание. Путь его лежал к Исландии, затем к восточным берегам Гренландии. После бесплодных усилий обнаружить проход он направил корабль на запад, к берегам Америки. И вот там наконец ему удалось обнаружить пролив, который вывел судно в обширное морское пространство. Но у капитана не было уверенности, что он достиг цели. А тем временем наступила зима, и плавание пришлось прервать. Следующим летом Гудзон намерен был продолжить поиски, перспектива которых представлялась ему весьма обнадеживающей.

Однако ему не довелось осуществить свои планы. Взбунтовавшаяся команда корабля расправилась с негодным ей капитаном, оставив его с малолетним сыном и небольшую горстку верных ему людей на произвол судьбы в тех диких местах.

Как стало известно впоследствии, обширное водное пространство, где был оставлен Гудзон матросами, учинившими бунт, оказалось огромным заливом, омывающим берега полуострова Лабрадор. Этот залив и ведущий в него пролив из Атлантического океана, по которому прошло судно Гудзона, называли именем погибшего капитана. Имя Гудзона присвоили также реке, которую он первоначально принял за пролив, ведущий в Тихий океан.

Гудзонов залив, Гудзонов пролив, река Гудзон — таков памятник этому английскому моряку, до последних своих дней продолжавшему поиски северного морского пути из Европы в Азию, из Атлантического океана в Тихий вдоль северного побережья Американского континента.

Блестящая неудача

Генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индии, небрежно развалился в кресле, отпивал маленькими глотками прохладительный напиток из высокого серебряного кубка и время от времени обмахивался веером. Хотя окна в комнате были раскрыты настежь, ни малейшее дуновение ветерка не колебало занавесей из легкой пестрой ткани. Душная полуденная жара обво-

локла Батавию, главный город острова Ява и всей Нидерландской Ост-Индии, проникая во все дома сквозь двери, окна, щели.

Стоявший перед генерал-губернатором в почтительной позе моряк лет сорока неловко переминался с ноги на ногу и то и дело большим платком вытирал со лба и шеи выступавшие капельки пота.

— Надеюсь, господин Тасман, вы понимаете, что дальнейший разговор на эту тему бесполезен, — нахмурив брови, говорил Ван-Димен — так звали генерал-губернатора. — Я удивляюсь, как вы вообще осмелились помыслить о том, что моя дочь, дочь генерал-губернатора Нидерландской Ост-Индии, согласится соединить свою жизнь с человеком без рода, без племени. Да она и знать не желает о вашем существовании...

— Но, господин генерал-губернатор, мои чувства... — в волнении пробормотал Тасман.

— Причем тут ваши чувства, — брезгливо поджав губы, перебил его Ван-Димен. — И кто дал вам право даже мечтать о такой возможности? Я мог бы расценить ваш и намерения, Тасман, как наглость, но предпочитаю считать их просто безрассудством, хотя вы уже далеко не мальчик. Покончим с этим, Тасман, раз и навсегда и поговорим лучше о другом.

— Я весь внимание, господин генерал-губернатор, — тяжело вздохнув, почтительно поклонился моряк.

— Так-то оно будет лучше, — удовлетворенно произнес Ван-Димен и продолжал:

— Садитесь, капитан, и слушайте меня внимательно.

Тасман осторожно присел в кресло, продолжая сохранять почтительную позу.

— Нет нужды, Тасман, говорить вам о результатах наших плаваний в восточном направлении,— вам это и без меня хорошо известно. Хочу лишь обратить ваше внимание на то, что в итоге всех предпринятых ранее попыток нам, голландцам, удалось нанести на карты, пусть, может быть, не совсем точно, северные, западные и юго-западные участки берегов Южного материка, каковые мы называли Новой Голландией. Как далеко на юг и на восток простирается Южный материк, пока никому не известно, а между тем нам это далеко не безразлично. Вы понимаете меня?

— Разумеется, господин генерал-губернатор,— последовал быстрый ответ.

— Превосходно. Я рад, что вы сознаете всю важность для Нидерландов приобретения в этих водах новых владений и возможности изыскания новых морских путей.— Ван-Димен помедлил мгновение, глядя в упор на Тасмана, и продолжал:

— Вы, Тасман, зарекомендовали себя как опытный и знающий мореход. Я имею о вас весьма лестные отзывы от людей, с которыми вы кормчим плавали к берегам Японии. Поистине понадобилось большое мастерство, чтобы довести судно с таким малым числом людей,— если мне память не изменяет, вас оставалось всего семеро,— до Батавии.

— Я польщен вашими похвалами, господин Ван-Димен, но, право, они мне кажутся преувеличенными,— смущенно улыбнулся Тасман, вытирая платком обильно выступивший на лице пот.

— Не скромничайте, Тасман, не скромничайте,— снисходительно улыбнулся генерал-губернатор.— Что было, то было. Я не для того веду с вами разговор, чтобы делать комплименты. Итак, я решил поручить вам руководство экспедицией, которой придаю большое значение. Одним словом, вам придется приложить все усилия, чтобы проникнуть как можно дальше на юг и с юга обогнуть открытую ранее Новую Голландию. Если вам это удастся сделать, вернуться постарайтесь северным путем...

— Должен ли я...— заикнулся было Тасман.

— Вооружитесь терпением, капитан,— холодно оборвал его Ван-Димен,— я еще не кончил говорить. Во время плавания вам надлежит установить, что собой представляют открытые вами земли на Южном материке и какими богатствами они располагают. И,— он сделал жест, давая понять собеседнику, что пора вопросов еще не наступила,— кроме того, разведать наиболее удобный путь к берегам Нового Све-

та. Таковы коротко ваши задачи.— Он отхлебнул из кубка и закрыл глаза.— Как вы смотрите на мое предложение?

— Поистине вы задумали великое предприятие, господин генерал-губернатор,— после недолгой паузы ответил Тасман.— Право, не знаю, не переоцениваете ли вы мои возможности...

— Вы справитесь, Тасман, я в этом убежден,— безапелляционным тоном возразил Ван-Димен.— Поверьте мне, такая задача вам вполне по плечу. Оставьте сомнения и колебания и приступайте к сборам. В ваше распоряжение я предоставлю два корабля, которые сейчас стоят в порту...

— Как! — невольно повысил голос Тасман,— вы хотите, чтобы я пустился в такое дальнейшее плавание по неизвестным водам на этих развалинах?

— Увы, любезный капитан,— развел руками генерал-губернатор, отводя глаза в сторону,— других кораблей сейчас в моем распоряжении нет, а время не терпит.

— Но эти суда не выдержат...— попытался было опять возразить Тасман.

— Не беда, их можно подремонтировать, и они послужат вам верой и правдой.

Видя, что на все его доводы у Ван-Димена уже готов ответ, Тасман не стал больше спорить. Он понял, что это бесполезно и может только возбудить еще большее недовольство и гнев генерал-губернатора, который, как он прекрасно понимал, не мог простить ему дерзости, с какой он просил у него руки Марии Ван-Димен. Он поднялся с кресла и, поклонившись, сказал:

— Хорошо, господин генерал-губернатор, я согласен. Но мне понадобится какое-то время на подготовку кораблей и комплектование экипажей.

— Вот и отлично,— оживился Ван-Димен и потер от удовольствия руки.— Только не затягивайте приготовлений, Тасман, время не терпит. Идите, капитан, идите и поторапливайтесь.

Тасман еще раз почтительно поклонился и вышел из комнаты. По пути домой, размышляя о только что состоявшемся разговоре, он не мог отделаться от мысли, что, давая такое поручение, генерал-губернатор попросту хочет от него избавиться, не без основания полагая, что из такого плаванья и на таких плохих кораблях он вряд ли возвратится. Впрочем, подумалось тут же ему, может быть, он преувеличивает, не такая уж он важная персона, чтобы Ван-Димену его опасаться. Тасман невольно тряхнул головой, как бы от-

гоняя эти назойливые мысли, и сосредоточился на том, что ему предстояло предпринять для подготовки кораблей к плаванию.

14 августа 1642 года флотилия в составе двух кораблей под командованием Абеля Тасмана покинула берега Явы и отправилась в дальний путь навстречу неизвестным опасностям и возможным открытиям.

С того памятного дня прошло десять месяцев. И вот 15 июня 1643 года в гавань Батавии вошли два судна под голландским флагом. Вид у них был изрядно потрепанный и весьма неприглядный.

Через некоторое время от одного из них отошла шлюпка, и гребцы, дружно наваливаясь на весла, за полчаса доставили своего командира на берег. Легко выпрыгнув из шлюпки, капитан отдал какое-то распоряжение и быстро зашагал к дому генерал-губернатора, не обращая внимания на толпу зевак, глазевших на прибывших и громко переговаривавшихся между собой.

Первым, кого увидел моряк в резиденции генерал-губернатора, был секретарь Ван-Димена.

— Господин Тасман?! — воскликнул удивленный чиновник. — Вы уже успели возвратиться?

— Как видите, — скупой улыбнулся Тасман. — Вернулся, как ни странно, в полном здравии и благополучии. Собола доложить генерал-губернатору, что я прошу аудиенции.

Секретарь поклонился и скрылся за дверью. Через минуту он вновь появился и сообщил, что господин Ван-Димен ждет капитана Тасмана.

Генерал-губернатор восседал в том же кресле, что и в первый визит мореплавателя, и так же на столе перед ним стоял высокий серебряный кубок с напитком. Он милостиво кивнул головой вошедшему Тасману и с любезной улыбкой, которая не очень-то вязалась с суровым и хмурым выражением глаз, произнес:

— Рад видеть вас, Тасман. Примите мои поздравления с благополучным возвращением.

Тасман глубоко поклонился в знак благодарности.

— Господин Ван-Димен, — сказал он, — как только мои корабли отдали якоря в гавани, я счел своим долгом немедленно явиться к вам, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение и доложить, если вам будет угодно, о результатах плавания,

— Весьма похвально, Тасман, весьма,— одобрительно кивнул головой генерал-губернатор.— Ваше рвение достойно всяческой похвалы. Итак, вы явились ко мне сразу же после завершения похода и...

— И если вы уделите мне время, господин генерал-губернатор, я готов отчитаться перед вами. Судовые журналы со мной,— в подтверждение своих слов Тасман похлопал себя по отвороту камзола.

— Вы отлично знаете, Тасман, какое значение я придаю вашей экспедиции, поэтому все эти предисловия излишни. С нетерпением жду вашего повествования.— Ван-Димен откинулся в кресле и устремил требовательный взгляд на своего собеседника.— Садитесь, Тасман, и рассказывайте.

— Охотно повинуюсь, господин генерал-губернатор,— ответил Тасман, устраиваясь в кресле поудобнее.

— Согласно вашим инструкциям, господин Ван-Димен, я направил корабли сначала на запад, к острову Маврикий, где пробыл около месяца. 8 октября мы распрощались с островом и взяли курс на юг. Мы шли открытым океаном сорок дней, держась в полосе между сорок четвертым и сорок девятым градусами южной широты и не встречая на пути ничего примечательного. Затем, предположив, что крайний пункт Новой Голландии, до которого в 1627 году доходил капитан Питер Нейтс, остался позади, я приказал повернуть на северо-восток. Тасман умолк на мгновение, чтобы достать платок.

— По истечении шести дней,— продолжал он,— впереди по курсу показался высокий берег. Вскоре мы приблизились к нему и без особого труда обнаружили довольно удобную бухту, в которую вошли и бросили якоря.

— Вы обследовали открытую землю, Тасман, и можете мне сообщить, что она собой представляет? — требовательно спросил генерал-губернатор.

— Осмотр был самый беглый и ограничился лишь побережьем, господин Ван-Димен,— развел руками Тасман.— Неизвестно кто распустил слух среди моряков, будто обнаруженная нами земля населена гигантами. Это и помешало более подробно познакомиться с открытой землей. Люди были так напуганы, что даже и мысли не допускали о том, чтобы расстаться с кораблями и отправиться в глубь территории.

— Однако,— презрительно поднял брови генерал-губернатор, с сомнением поглядев на рассказчика.

— Словом,— между тем продолжал Тасман,— об откры-

той земле могу лишь сообщить, что берега ее изобилуют бухтами, по-видимому, она обитаема, судя по косвенным признакам, и, вероятно, представляет собой выступ Южного материка. Хочу сообщить вам,— тут Тасман привстал из кресла и почтительно отвесил поклон собеседнику,— что взял на себя смелость назвать эту землю вашим именем. Отныне всем морякам она станет известной как Вандименова Земля.

Генерал-губернатор едва заметным наклоном головы поблагодарил Тасмана и знаком руки предложил ему продолжать.

— Закончив, насколько это было возможно, осмотр побережья Вандименовой Земли, я продолжал плавание на восток. На десятый день, тринадцатого декабря, впереди вновь показалась суша. Берег был тоже высокий, и, прежде чем мы нашли мало-мальски удобную бухту, пришлось плыть вдоль него еще пять дней. Корабли вошли в нее, и я снарядил на берег шлюпку с людьми, чтобы они осмотрели его и заодно запаслись пресной водой. Наблюдая за берегом, я увидел группу туземцев, появившихся из лесных зарослей. Они не решались приблизиться к берегу и оставались в отдалении, следя за нашими действиями. «Так,— сказал я себе,— земля эта обитаема, и мы сможем, видимо, узнать, как она именуется и насколько велика». Но к сожалению, надежды мои не осуществились. Когда посланные на шлюпке высадились, туземцы напали на них, и завязалась схватка. Трое моих матросов были убиты, а остальные поспешили вернуться на корабли. Прибывшие рассказали, что все туземцы сильные, рослые люди со смугло-желтым цветом кожи и черными волосами, собранными в пучок на макушке. Мы поторопились сняться с якоря и покинуть эту негостеприимную бухту, которую в память о кровавом столкновении я назвал Бухтой убийц.

— А земля? Вам удалось установить, что это за земля? — нетерпеливо спросил Ван-Димен.

— Я полагаю, господин генерал-губернатор,— невозмутимо продолжал Тасман,— что открытая нами земля есть не что иное, как продолжение небезызвестной Земли Штатов, обнаруженной в 1616 году нашими соотечественниками Схутеном и Ле-Мером, то есть еще одна часть Южного материка. Однако слушайте дальше. Оставив позади Бухту убийц, мы двигались на север вдоль берегов открытой земли до тех пор, пока не достигли северной ее конечности, которую я осмелился назвать именем вашей благородной дочери —

мысом Марии Ван-Димен.— Последние слова Тасман произнес, невольно понизив голос, словно опасался, что его кто-нибудь услышит.

Генерал-губернатор сделал вид, что не заметил волнения рассказчика, и только бросил на него искоса мрачный взгляд.

Ободренный тем, что его сановный собеседник не выразил явного неудовольствия в связи с упоминанием имени его дочери, Тасман продолжал:

— Оттуда я повернул на северо-восток в поисках Кокосовых островов, открытых и описанных Схоутоном и Ле-Мером, но вскоре мы оказались в виду архипелага Тонга. Я назвал открытые острова Миддельбург, Амстердам и Роттердам, а затем решил изменить курс и повернул на северо-запад. Путь наш теперь лежал через бесчисленное множество рифов и небольших коралловых островков, каждую минуту грозивших нам кораблекрушением. По дороге мы видели и более крупные острова, которые, вероятно, принадлежали к единому архипелагу. Наконец появились берега Явы. И вот я здесь, господин генерал-губернатор.— Тасман умолк, выжидательно поглядывая на собеседника.

— Надеюсь, все ваши открытия вы запечатлели на карте? — спросил после небольшого молчания Ван-Димен.

— О, разумеется, — поспешно ответил Тасман.— Штурман Бисскер под моим наблюдением регулярно отмечал на карте все заслуживающее внимания. Вы можете в этом удостовериться, если сообразовоите познакомиться с нею.

— Хорошо, — помолчав, сказал губернатор.— С удовлетворением отмечаю, капитан Тасман, что ваше плавание не было безрезультатным, хотя вы и не выполнили всех моих инструкций.— Он поднял руку, предупреждая возражения собеседника.— Я имею в виду путь к берегам Нового Света. Разве это не так? Но не о том речь. Идите, капитан, отдыхайте. Я обдумаю все, что вы мне сообщили, и приму решение. Не исключено, что вскоре вам придется вновь собираться в дорогу.

Так закончилась первая экспедиция Абея Тасмана, снаряженная для поисков Неведомой Южной Земли, которую искали многие мореплаватели до него и после него.

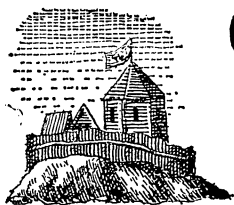
Итоги десятимесячного плавания были весьма значительны. Тасман открыл немало земель и островов. Но главной его заслугой было не это. Ведь не случайно его плавание называют блестящей неудачей: он обошел вокруг всю Новую Голландию (ныне известную под именем Австралийско-

го материка) и тем самым доказал, что она не является частью Южного материка, как считалось прежде. И в этом состоял блестящий успех его экспедиции. Но при этом он ни разу не видел берегов Новой Голландии. А открытая им Вандименова Земля, как оказалось после открытия Бассова пролива спустя полтора столетия, была островом.

Абеля Тасмана можно смело отнести к той категории мореплавателей, которым заблуждения не помешали совершить важные открытия, расширившие знания о Земле. В 1644 году в повторном плавании он нанес на карту около трех с половиной тысяч километров береговой линии Новой Голландии в западной и северной ее частях. Однако первая экспедиция была более знаменательной для хода дальнейших исследований в этой части нашей планеты.

После открытия между Австралией и Вандименовой Землей Бассова пролива последняя в честь своего первооткрывателя стала именоваться Тасманией.

К морю Ламскому

Скованная лютым морозом, застыла река Лена, укутанная белым покрывалом снега. Лишь стволы деревьев чернели на ее берегу. Частокол с угловыми башнями для дозорных, наезженный санный путь, ведущий к воротам острога, и более полутора десятков больших лодок, перевернутых вверх днищами, напоминали о том, что здесь живут люди.

За воротами теснились избы, срубленные из неотесанных бревен, над ними поднимались струйки дыма, едва колеблемые ветром. Откуда-то доносились голоса людей, лай и визг собак.

В самой крупной, съезжей, избе было смрадно от дыма и томительно жарко. В горнице на лавках по обе стороны стола восседали воеводы Василий Никитович Пушкин и Кирилл Осипович Супонев.

Они только отобедали и лениво переговаривались, блаженно отдуваясь после обильной трапезы. За столом в углу горницы сидел дьяк Петр Стеншин и перебирал бумаги.

— Что-то в сон клонить меня стало,— сладко зевнув, ленивым голосом сказал Пушкин, искоса поглядывая на Супонева, который откинулся назад, прислонившись к стене, и перебирал пальцами на животе.

— Правда твоя, боярин,— ответил тот с готовностью.— После столь знатной трапезы не грех и поспать. Что скажешь, дьяк?

— Воля ваша, бояре,— голос у дьяка был высокий и тонкий, под стать всей его тощей фигуре.— Прикажете постелить на полатах? — Он поднялся из-за стола, готовый тут же распорядиться.

— Нешто и вправду вздремнуть часок-другой,— еще колеблясь, пробормотал в густую бороду Пушкин и вопросительно взглянул на своего сотрапезника.

В это время в сенях раздался шум. Послышалось несколько голосов, перебивавших друг друга. Разобрать, что говорили за дверьми, было невозможно.

Супонев, было уже задремавший, разлепил веки, а Пушкин недовольно поморщился и уже другим голосом, не ленивым, а властным и требовательным, произнес:

— Сходи, дьяк, узнай, пошто шум и какие людишки в нем повинны.

Дьяк Стеншин поспешно бросился к двери. Гул голосов в сенях еще более усилился, а потом начал стихать. Прошло минут десять, и возвратившийся в горницу Стеншин доложил:

— Суета и шум тот от казаков, что провожатыми за государевой соболиной казной присланы. Явились они сюда сейчас и готовы предстать пред светлые очи бояр-воевод, если на то воля ваша будет.

— А кто у них старшой? — полюбопытствовал Супонев, потягиваясь и хрустя суставами.

— В старших ходит томский казак Нехорошко Иванов сын Колобов...

— Не тот ли это служилый, кого с другими казаками на государеву службу томский атаман Дмитрий Копылов посылал годов шесть али семь назад? — заинтересовался Пушкин, вопросительно взглянув на дьяка.

— Должно, он,— кивнул тот головой.

Боярин Пушкин наморщил лоб, что-то припоминая, глубокомысленно помолчал и обратился к Супоневу, приосанившись:

— Не ко времени нам теперь почивать, Кирилла Осипытч, мысляю я. Приспел час справлять государеву службу.

— Ин быть по-твоему, — согласился Супонев и обратился к дьяку: — Подай-ка мне жбан квасу, освежиться надобно, да кликни того казака, что за царевой казной пожаловал, как его там...

— Кличь его, — подтвердил Пушкин решительно. — Распрос чинить будем для государевой пользы.

Дьяк нацедил два жбана квасу, подал их с поклоном боярам и вышел из горницы. Из-за дверей слышался его начальственный голос:

— Эй, служилый! Ты, что ли, Нехорошко Иванов сын Колобов? Аль ты? Ступай за мной в горницу, да шапку не забудь скинуть, когда предстанешь пред светлые очи бояр-воевод. Сами Василий Никитич Пушкин да Кирилла Осипыч Супонев говорить с тобой соизволят.

Двери горницы распахнулись, и вслед за дьяком появился здоровенный, косая сажень в плечах, средних лет казак. Вид у него был смущенный. Он мял в руках шапку и, кланяясь, с опаской поглядывал то на одного, то на другого боярина.

Супонев принял осанистый вид, распрямив свой дородный стан, а Пушкин величественно поглаживал пухлыми пальцами, унизанными перстнями, окладистую бороду и сверлил глазами вошедшего верзилу.

— Садись, дьяк, да приготовься записывать все, что молвит государев холоп, — важно произнес последний, прихлебывая из жбана квас. — Дóлжно нам донести царю-батюшке в отписке сей все, что покажет он на расспросе. А ты, молодец, сказывай все по правде истинной без утайки.

— Если что утайшь, у нас расправа скорая, сам знаешь, — многозначительно добавил Супонев, придавая голосу необходимую суровость и нахмутив брови.

— Пошто мне утайка, чай не первый год на государевой службе, — с низким поклоном, но с чувством собственного достоинства ответил казак и откашлялся, прикрыв рот рукой и бросив косой взгляд на дьяка, приготовившегося записывать. — Прикажете молвить слово, что ли?

— Сказывай, сказывай, служилый, — почти в один голос отвечали воеводы, устраиваясь поудобнее на лавках.

Нехорошко Колобов потер лоб, собираясь с мыслями, несколько раз откашлялся, прочищая голос, и начал:

— А было в прошлом-де во сто сорок седьмом году, почитай семь лет назад. Посылал на государеву службу томский атаман Дмитрий Копылов Ивашку Юрьева сына Москвитина да с ним служилых людей — нас, казаков, трид-

цать человек. И велел он нам идти на большое море-окиян, по тунгусскому языку — на Ламу.

А шли мы Алданом-рекою вниз по течению до впадения Май-реки почитай восемь суток, а потом Маей-рекой вверх шли семь недель и еще шесть дён малой речкою до волоку. А волоком шли день ходу лесом и скалами, так что из последних сил все выбились, пока не вышли на реку на Улье, там, где она начало свое берет.

И по той реке по Улье сплыли вниз, сделав ладью, восемь суток и еще пять суток до того места, где она пала в море...

— А что, служилый,— перебил рассказчика Супонев,— есть ли людишки на той реке Улье?

— Попадалось нам людей на той реке Улье, и немало,— степенно ответил Колобов.— Живут там тунгусы четырех родов, и в каждом роде людей человек с пятьсот и поболее. Бой у них лучной, у стрел наконечники костяные, а железных мало. И лес, и дрова, и юрты рубят каменными и костяными топорами.

— А чем богата та сторона? Есть ли зверь пушной, много ли и какой? — поинтересовался Пушкин.

— На Улье-реке,— не раздумывая, ответил казак,— соболя и иного зверя всякого у них много...

— Запиши, дьяк, сие,— оживился Пушкин и повторил слова Колобова: — Соболя и иного всякого зверя там много.

— И по той Улье-реке плыли мы до самого ее устья, где она пала в море,— продолжал, несколько выждав, казак.— И тут же на устье поставили зимовье с острожком. А с того зимовья ходили морем вдоль берега и доходили до других рек, что пали в это же море.

На одной из тех рек, что Охотой прозывается, как ведомо стало нам от тунгусов, прожили мы без малого два года. Река Охота и иные реки, что рядом текут, собольные, зверя всякого много, и рыбные. А рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку — кумжа, голец, кета, горбуша. И столько ее множество, только невод запустить и с рыбой никак не выволочь. А река Охота быстрая, и ту рыбу выметывает на берег, и по берегу ее лежит много, что дров, и ту лежащую рыбу ест зверь — выдры и лисицы красные, а черных лисиц нет...

— Выдры, говоришь, да лисицы красные? — переспросил Супонев.— И рыбы крупной много? — Он отхлебнул квасу и бросил дьяку: — Пиши, Стеншин, не пропуская ни слова.

— А еще сказывал князек ихний, что-де направо в летнюю сторону на море Ламе по островам живут гиляки, а у них медведи кормленые. И что приходили к тем гилякам в ладьях бородатые люди дауры и побили их обманом. И будто те бородатые люди русских называют себе братьями и живут они по Амуру-реке дворами, есть хлеб у них и лошади, и скот, и куры, и свиньи.

И про серебро сказывал тот князек, что у тех бородатых людей, у даур то есть, и что будто дауры русских людей желают видеть, потому что называются им, нам то есть, братьями.

— Слыхал, что молвит служилый? — многозначительно сказал Пушкин, обращаясь к Супоневу. — О тех даурах, о серебре и протчем отписать государю надобно, не мешкая. — Супонев одобрительно закивал головой и сделал знак дьяку, чтобы тот побыстрее записывал.

— А прожили мы там с проходом два года, да и повел нас Иван Юрьев Москвитин тем же путем вспять. И пришли мы в Якутский острог к воеводе Петру Головину и отдали одиннадцать сороков соболей, с тем чтобы воевода выслал те соболи государю в Москву. — Колобов говорил не торопясь, видя, с каким вниманием прислушиваются к его рассказу бояре. — О том, что побывали мы на море Ламском да на Охоте-реке, воевода тот расспросных речей не чинил, отписок не составлял. Ивашку Москвитина со товарищи отпустил в Томский острог вместе с атаманом Дмитрием Кодыловым, а меня оставил при Якутском остроге.

— Стало быть, о походе сем отписок государю не было послано? — переспросил боярин Пушкин.

— Стало быть, что не было, — подтвердил казак. — Речито Москвитина не записывались. Воля ваша, бояре, а я все сказал, как на духу. Только вот еще что. Только-де государь укажет послать на те реки своих служилых людей человек тридцать да к тому же охочих промышленных человек тридцать же, то тех тунгусов под государеву царскую руку высокую привести можно, и государю прибыль начнет быть немалая, потому что на тех реках тунгусских разных родов много и по тем рекам соболя и иного зверя много же, а соболи добрые, черные.

А дойти туда можно одним летом, если отпустят раньше с весны, потому что только до волоку ходу недель с восемь, а волок невелик, только день ходу. И обратно можно вернуться тем же годом в Якутский острог, а соболиную казну выслать в другой год.

Нехорошко Колобов замолчал, и несколько минут было слышно лишь, как скрипит перо дьяка, усердно записывающего слова рассказчика. Но вот и скрип пера прекратился, и дьяк поднял голову от записей:

— Иди сюда, служилый, да руку приложи под этой скаской. Здесь все записано, как ты говорил.

Казак смущенно улыбнулся:

— Если позволят воеводы, я покличу дружка моего Ивашку Яковлева, чтоб он за меня руку приложил.

Бояре переглянулись и согласно закивали головами. Колобов выскочил за дверь и вскоре вернулся вместе со своим приятелем. Тот, поклонившись боярам, бойко подошел к столу, за которым сидел дьяк, и там, где было написано: «К сей скаске вместо служилого человека Нехорошка Колобова по его веленью ленской служилой человек Ивашко Яковлев руку приложил», поставил свой крючок, после чего, опять отвесив низкие поклоны боярам, бесшумно скрылся за дверью.

А дьяк округлым почерком вывел ниже: 154 года генваря 8.

Проследив взглядом за уходящим казаком, Пушкин с довольной улыбкой обратился к Супоневу:

— Мнится мне, Кирилла Осипыч, что государь наш зело доволен будет вестями сиими. Отпустим молодца да подумаем на досуге, как наградить его за верную государеву службу.

Супонев одобрительно усмехнулся, благосклонно взглянул на Колобова и, махнув толстой ручкой, сказал ему:

— Иди, служилый, к дружку своему да жди, покуда мы тебя вновь призовем.

Колобов поклонился поочередно боярам и дьяку и вышел в сени, на ходу нахлобучивая шапку.

Примерно при таких обстоятельствах появилось первое письменное свидетельство очевидца о походе казаков-землепроходцев к берегам Тихого океана. Событие это, имевшее первостепенное географическое значение, произошло в 1639 году, что соответствует 147 году, упомянутому в рассказе казака Нехорошки Колобова. А расспрос, который ему чинили воеводы Пушкин и Супонев, велся в 1646 году, то есть через семь лет после того, как отряд Ивана Москвитина вышел к берегам Ламского моря, ныне именуемого Охотским.

Тунгусы, встреченные землепроходцами на реке Улье, впадающей в Ламское море, и на других реках этого мор-

ского бассейна, на самом деле были родственным тунгусам племенем ламутов. Вот почему в те времена море именовалось Лама или Ламское.

От этих ламутов Москвитин и его спутники впервые слышали слово «окат», означавшее на их языке «река». Приняв ошибочно это слово за название, казаки-землепроходцы нарекли одну из рек, впадающих в Ламское море, этим именем, переиначив на свой лад. Так появилось название Охота. А соорудив в ее устье острог — поселение, окруженное со всех сторон частоколом с башнями для дозорных по четырем углам, они назвали его по имени реки Охотским.

Прошло сто лет, и на берегах Ламского моря появился отряд начальника Второй Камчатской экспедиции капитан-командора Беринга. Отсюда Беринг и его спутники намеревались отправиться в плавание на Камчатку и далее для поисков пролива между Азией и Америкой. Для этого плавания им необходимо было построить суда. И вот здесь, в шести верстах от старого острога, заложенного отрядом Москвитина, было основано новое поселение, которое также получило наименование Охотска.

С тех пор, как полагают, и море стало называться не Ламским, а Охотским, по имени порта, который явился отправным пунктом для крупнейших морских экспедиций тех времен.

К самой северной точке материка

В горнице был полумрак. Через окно с трудом пробивались лучи неяркого северного дня и освещали стол и сидящего за ним человека в застегнутом форменном камзоле. Это был штурман Челюскин. Он сидел вполборота к окну и, подперев подбородок рукой, внимательно слушал боцманмата Медведева, который со всеми подробностями докладывал о ремонте дубель-

шлюпки «Якутск», о заготовке провианта и всего необходимого для плавания вдоль побережья Северного Ледовитого океана с целью исследования и описания его берегов.

Изредка Челюскин прерывал Медведева короткими вопросами, и тот самым обстоятельным образом отвечал, поглаживая густую бороду.

— Выходит, через несколько дней все будет готово к отплытию? — исчерпав все вопросы, в заключение спросил Челюскин, и морщины на его лбу разгладились.

— Полагаю, все, господин штурман, — раздумчиво сказал Медведев. — Ведь почитай целый год готовились, не зря хлеб ели, Семен Иванович.

— Не зря, не зря, — рассмеялся Челюскин. — Это вы справедливо заметили, боцманмат. — Он задумался, и улыбка сползла с его лица. — Досадно только, что командир наш новый еще не прибыл, а без него...

— Неужто еще лето потеряем, если он не объявится в Якутске? — огорченно спросил Медведев.

— Без командира отряда нам никак нельзя, — покачал головой штурман и тут же бодро добавил: — Ничего, бог даст, объявится, время еще терпит.

— И то верно, — согласился Медведев, вздохнув с видимым облегчением.

— Можете идти, — кивнул головой Челюскин. — Я тоже вскоре выйду на берег, чтобы взглянуть на работы.

Медведев направился к двери и, открывая ее, чуть не столкнулся с морским офицером, стремительно входившим в горницу. Почтительно посторонившись, боцманмат застыл у порога.

Прибывший на мгновение остановился, осваиваясь с полумраком, а затем сделал несколько шагов к столу, за которым сидел Челюскин, и без аффектации произнес:

— Имею честь видеть штурмана Челюскина?

Челюскин кивнул головой и встал.

— Позвольте представиться, — продолжал вошедший офицер. — Лейтенант Лаптев. Прибыл из Санкт-Петербурга с назначением Адмиралтейств-коллегии, которая соизволила удовлетворить мою покорнейшую просьбу и доверила мне командование отрядом покойного лейтенанта Прончищева, упокой господи его душу. — Лейтенант перекрестился.

Челюскин широко улыбнулся и, предложив Лаптеву сесть, произнес:

— Признаться, заждались мы вас, господин лейтенант. Ведь к походу уже все готово.

— Вот как? — обрадовался Лаптев, садясь на лавку и снимая фуражку. — Весьма счастлив это слышать. С отплытием поспешить надобно, чтобы к морю поспеть пораньше.

— И я точно так же мыслю,— согласился Челюскин.— Коли все готово, негоже допускать малейшее промедление. Даст бог, попытки наши будут более успешными, нежели прежде.— При этих словах лицо его помрачнело, и он задумался.

От Лаптева не скрылась внезапная перемена настроения собеседника, и он сразу догадался, что Челюскин вспомнил гибель прежнего своего командира.

— Скажите, Семен Иванович,— невольно понизив голос, спросил он,— что же все-таки явилось причиной смерти лейтенанта Прончищева и его супруги? В Петербурге я кое-что слышал, но...— он неуверенно пожал плечами.

— Рапорт мною был послан по службе без промедления,— отрывисто бросил Челюскин, но тут же смягчил голос и продолжал более спокойно:

— Извините меня, господин лейтенант, за резкость, но... еще так свежи воспоминания об этих чудесных людях, что я не мог сдержаться. Я так их уважал и... любил.— Суровое его лицо смягчилось.— Да, да, я полюбил лейтенанта Прончищева и его жену по-братски. Это были смелые и сердечные люди, и их безвременная гибель для меня очень тяжела и горька.

— Я вполне разделяю и понимаю ваши чувства,— с уважением произнес Лаптев.— Тем более что наслышан о покойном лейтенанте как об опытном и волевом командире и прекрасной души человеке.

— Поход был нелегким, очень нелегким,— с оттенком грусти продолжал Челюскин.— В начале августа мы достигли устья Лены, долго дожидались попутного ветра и лишь в конце августа приблизились к устью реки Оленек. В наши намерения не входило задерживаться здесь, но в дубель-шлюпке неожиданно появилась течь, а тут еще ударили сильные холода. Ничего не оставалось, как зазимовать, чтобы следующим летом продолжить работы по обсервации берегов.

— Люди за время вынужденной стоянки не теряли даром ни часа, ремонтируя судно и заготавливая провиант. Лейтенант Прончищев был очень деятелен и требователен,— эти свойства были неотъемлемыми от его натуры. Но увы, ни повседневная работа, ни все меры предосторожности, какие были в наших силах, многих не уберегли от цинготной болезни. Жертвой ее оказались и Прончищевы.

Наступил июнь, вскрылась ото льда река Оленек, но, несмотря на готовность дубель-шлюпки к плаванию, мы не

могли сдвинуться с места: море было до самого горизонта покрыто сплошными льдами. И так продолжалось на протяжении всего июля. Только в первых числах августа море у устья Оленека очистилось ото льда. Не стану утомлять ваш слух описанием всех обстоятельств плавания, — со вздохом продолжал Челюскин, — скажу лишь, что нам удалось добраться до устья реки Анабар. Пока занимались описью берегов и промером глубин, наш геодезист Чекин успел подняться вверх по реке в поисках объявленной тамошними обитателями железной руды и возвратиться с добычей. Затем продолжили плавание на запад и с великими трудами добрались до Хатангской губы и от нее поднялись на север вдоль Таймырского полуострова.

«Якутск» наш стало относить к северо-востоку в открытое море, льды опять сплотились вокруг судна. Лейтенант в ту пору уже не вставал с постели. Он пригласил всех офицеров и унтер-офицеров на консилиум* и, выслушав мнение каждого, сказал: «Полагаю, что пройти далее нам никак невозможно. «Якутск» в опасности великой находится ото льдов, его подпирающих. Благоразумнее ныне воротиться и зазимовать, где пристойнее». Предложение лейтенанта не вызвало возражений, тут же был составлен протокол, и все мы поставили под ним свои подписи.

Решили вернуться к устью Хатанги и там зазимовать, если найдем подходящее место и, главное, лес для постройки жилищ и топлива. Но в конце концов пришлось идти к Оленеку. Там-то мы и похоронили лейтенанта Прончищева и его супругу, которая пережила его лишь на две недели, сраженная болезнью и безутешным горем.

Челюскин помолчал несколько минут, погруженный в горькие воспоминания, провел рукой по лбу и заключил свой рассказ:

— 24 сентября я направил в Якутск подробный рапорт капитан-командору Берингу, а в середине декабря вместе с геодезистом Чекиным выехал сам, имея при себе журналы, карты и отчеты, а также образец руды с Анабара. По непредвиденным обстоятельствам вынужден был задержаться на длительное время в попутном зимовье и только 28 июля следующего года прибыл в Якутск.

Капитан-командора Беринга я уже там не застал, он отправился на восток, оставив мне приказ не выезжать в Пе-

* Консилиум — так в те времена называли совет.

тербург для доклада Адмиралтейств-коллегии, а дожидаться в Якутске дальнейших распоряжений. Хотя это противоречило инструкции, я подчинился и, воспользовавшись оказией, отправил журналы и карту с лейтенантом Дмитрием Яковлевичем Лаптевым, уезжавшим в Петербург. Кстати, Харитон Прокофьевич, вы случаем не в родстве с ним?

Лейтенант улыбнулся и утвердительно наклонил голову:

— Мы с Дмитрием двоюродные братья и с детства очень дружны. Между прочим, он вернулся в Якутск одновременно со мной, чтобы продолжить работы на своем участке побережья.

— Как я вам уже доложил вначале,— уже официально продолжал Челюскин,— дубель-шлюпка готова к отплытию. Боцманмат,— он указал на стоящего у дверей Медведева,— привел ее в Якутск в сентябре 1737 года, и с того времени мы занимались ее ремонтом.

— Рад это слышать. Такое рвение весьма похвально,— просто сказал Лаптев, бросив одобрительный взгляд в сторону Медведева.— Скажите, Семен Иванович, каковы ваши взгляды относительно возможностей пройти морем от устья Лены на запад?

— Если говорить по чести,— пожал плечами Челюскин,— то должен заметить, что мне представляется это весьма и весьма трудным. Опыт нашего плавания свидетельствует о тяжелых ледовых условиях. Но как говорится, год на год не приходится. И посему я склонен смотреть с надеждою на дальнейшие наши попытки.— Лицо его посуровело, и он решительно добавил: — Впрочем, мы должны исполнять свой долг, а он нам предписывает положить все старания, чтобы выполнить данные нам инструкции.

— Да, да, вы правы, штурман,— задумчиво произнес Лаптев,— мы люди долга и сделаем все возможное... А уж коли окажемся бессильны...

— Не будем предрешать,— усмехнулся ободрительно Челюскин.— Природа северная сурова, но и переменчива, Харитон Прокофьевич. Кто знает, каково будет этим летом?

— Вы правы,— машинально повторил Лаптев.— Я рад, что мне доведется сотрудничать с вами, Семен Иванович,— продолжал он без видимой связи с предыдущим.— Когда я смогу ознакомиться с состоянием дел?

— Как прикажете, господин лейтенант,— переходя снова на официальный тон, ответил Челюскин.— Как я вам уже имел честь доложить, судно готово к плаванию, экипаж тоже.

— В таком случае завтра я бы хотел взглянуть на дубель-шлюпку и познакомиться с людьми.

7 июня 1739 года отряд, возглавляемый лейтенантом Харитоном Лаптевым, погрузился на дубель-шлюпку «Якутск» и отплыл к устью Лены.

С того дня минуло около двух лет. За это время в короткие летние месяцы дважды делались попытки обогнуть морем Таймырский полуостров, но ни первая, ни вторая не увенчались успехом, и дважды пришлось зимовать в Хатангской губе. Однако во время зимовок Лаптев не сидел сложа руки. Он посылал то Медведева, то Чекина для описи побережья Таймырского полуострова.

Месяцами эти люди на оленьих упряжках, на нартах, а то и пешком с настойчивостью и упорством продвигались по берегу дикого полуострова, описывая все изгибы береговой линии, примечая все особенности исследуемой местности. Впрочем, успехи были довольно скромными. Самой северной части полуострова ни тому, ни другому достичь пока не удалось.

Во время второй летней навигации дубель-шлюпку «Якутск» раздавило льдами, и отряду пришлось добираться до берега по ледяным полям. Каждое мгновение смельчакам грозила гибель, но в конце концов для большинства все окончилось благополучно, потеряли лишь часть провианта, оставленного на льду в открытом море.

Устроившись на вторую зимовку в Хатангской губе, Лаптев созвал на консилиум штурмана Челюскина, геодезиста Чекина и боцманмата Медведева, чтобы обсудить с ними дальнейшие действия отряда.

— Размыслив с тщанием над положением нашим,— начал он свою речь,— полагаю, что надобно нам отказаться вовсе от ведения описи берегов с моря, поелику попытки наши в этом были почти что бесплодными. Мы потеряли судно в неравной борьбе со льдами, новое может быть построено не раньше чем через год. И дабы не терять времени, мною я, следует начать опись с суши, разбившись на несколько небольших отрядов...

— И надлежит опись начинать зимой,— подхватил Челюскин,— хотя летом она и точнее была бы. Ведь зимой мы сможем передвигаться на оленьих упряжках и на собачьих, тогда как летом — только пешими.

— Пешими далеко не уйти,— подтвердил Медведев, с сомнением покачивая головой.

— Я точно так же мыслю,— согласился Лаптев,— и полагаю, что надобно, не мешкая, написать постановление нашего консилиума и отослать его вместе с рапортом и записями в Петербург, в Адмиралтейств-коллегию, чтобы испросить разрешение на ведение сухопутной описи берегов.

Так и порешили. Это было 8 ноября 1740 года. А уже в середине марта следующего 1741 года, не дожидаясь ответа Адмиралтейств-коллегии, небольшая партия, возглавляемая Челюскиным, покинула зимовье. Через месяц за ней последовала партия Чекина, а спустя еще две недели — партия Лаптева. Все они на собачьих упряжках направлялись к намеченным для описи участкам побережья.

Чтобы достигнуть устья реки Пясины, откуда надлежало вести опись, Челюскину и его спутникам предстояло преодолеть полторы тысячи километров по безжизненной заснеженной тундре и затем еще сотни километров двигаться вдоль побережья.

Нелегко был труд исследователей. На каждом шагу их подстерегали цинга, снежная слепота, голод и холод. И все же, несмотря ни на что, Челюскин шел вперед, выполняя порученное ему задание. Уже давно вернулся геодезист Чекин, пораженный снежной слепотой и потому не сумевший завершить описи участка, который был ему отведен, а Челюскин неумоимо двигался навстречу Лаптеву.

К концу июля все собрались в Дудинке, чтобы подвести итоги проделанного.

— Усилия наши оказались небезуспешными,— с удовлетворением отметил Лаптев, открывая очередной консилиум.— Впрочем, не для каждого в равной степени,— поспешил он добавить.— Ни я, ни Чекин не можем похвалиться такими успехами, как вы, Семен Иванович...

— Сие считаю излишним,— краснея от смущения, перебил лейтенанта Челюскин.— Я исполнял свой долг, как мог, и вы точно так же поступали, только меня бог миловал от недугов всяческих...

— А нас нет,— подхватил Лаптев, усмехаясь.— Вы это хотели сказать? Дивлюсь я вам, штурман. Поистине вы для меня загадка. Шесть лет вы в этих диких краях; испытали все: и голод, и холод, и кораблекрушение; тысячи верст у вас за плечами, и все вам нипочем. Вон уж и Чекин начал сдавать,— лейтенант кинул взгляд на геодезиста,— а ведь вы вместе начинали работать.

Заметив, что Челюскин мучительно смущается хвalebных слов, Лаптев резко переменял тему разговора.

— Однако к делу,— сухо продолжил он.— Судя по записям, мы близки к завершению работ. Если бы не болезнь Чекина, успех был бы еще большим, не так ли? — Он вопросительно взглянул на собеседников, которые кивками подтвердили справедливость этого замечания.

А Чекин добавил: — Осталось неописанным лишь самое северное побережье Таймырского полуострова...

— Об этом я и хотел поговорить,— энергично сказал Лаптев.— Следующей зимой нам надобно пройти от мыса Фаддея и почти до устья реки Таймыры. Тогда, в случае успешности этого предприятия, мы вправе будем рапортовать об окончании работ. Семен Иванович, не скрою, все надежды свои возлагаю на вас, хотя и понимаю, что шестилетние тяготы не прошли для вас даром и что вы устали и нуждаетесь в длительном отдыхе. Но, голубчик, сделайте последнее усилие...

— Я все понимаю, Харитон Прокофьевич,— просто ответил штурман,— и готов выполнить приказ.

4 декабря 1741 года Челюскин с тремя солдатами на пяти собачьих упряжках покинул Туруханск и, достигнув к концу февраля устья Хатанги, приступил к описи побережья. В мае в устье реки Таймыры состоялась его встреча с Лаптевым.

Лейтенант, несмотря на поразившую его снежную слепоту, был бодр и жизнерадостен.

— С нетерпением, штурман, жду вашего рассказа! — воскликнул он, пожимая руку Челюскину.

— О чем рассказывать? — скупое усмехнулся Семен Иванович.— О морозах и метелях? О том, как собаки дохли от голода да и нам порой нечего было в рот положить?

— Можно и об этом,— согласился Лаптев.

— Нет уж, Харитон Прокофьевич, не стану я толковать о таких материях, увольте. А доложу вам о сделанном.

— Хотя иной раз и тяжело приходилось, двигались мы вдоль берега довольно ходко. В день по двадцать, а то и по сорок и более верст проезжали. А как полярный день наступил, и ночь прихватывали. К первому мая подошли к мысу Фаддея, а еще спустя неделю показался вдаль иной мыс. Пасмурно было, туман стелился и снег сыпал изрядно. Мыс тот каменный, приямый, высоты средней, около одного льды гладкие и торосов нет. Назван был мною тот мыс Восточный-Северный. А далее от него земля лежит на запад к югу.

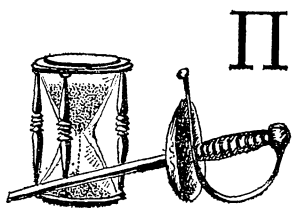
— Стало быть, все побережье теперь описано! — радостно воскликнул лейтенант Лаптев.

— Надо полагать, все,— осторожно ответил Челюскин и вдруг широко улыбнулся. Он внезапно осознал, что многолетний труд его и товарищей по отряду благополучно завершен и что пройдет совсем немного времени, и он уедет в Петербург и наконец отдохнет от севера, которому отдал без остатка семь лет жизни. И невдомек ему было тогда, что то, о чем он рассказывал Лаптеву так обыденно, впоследствии будет расценено человечеством как выдающееся достижение, как крупнейшее открытие.

Пожалуй, лучше всего сказал о Челюскине, этом скромном и отважном, выносливом и разумном морском офицере, известный русский ученый и исследователь XIX века академик Миддендорф. Вот его слова: «Челюскин, бесспорно, венец наших моряков, действовавших в том крае... вместо того, чтобы изнуриться пребыванием на глубоком Севере, как изнурялись все другие, он в 1742 году ознаменовал полноту своих деятельных сил достижением самого трудного, на что до сих пор напрасно делались все попытки».

Действительно, заслуги штурмана Семена Ивановича Челюскина достойны всяческого восхищения, и по праву его именем назван открытый им самый северный мыс Азии — мыс Челюскин!

Пропавшая экспедиция

Париж. Морское министерство. Февраль 1785 года. Небольшого роста морской офицер средних лет входит в здание министерства и голосом, привыкшим отдавать приказания, обращается к служителю:

— Доложи, любезный, адъютанту, что капитан Лаперуз явился по вызову министра.

Через несколько минут адъютант вводит Лаперуза в кабинет главы морского ведомства Франции, где его встречают сам министр, герцог де Кастри, и главный директор портов и арсеналов господин Флериэ, которого капитан хорошо знает.

— Приношу вам свои извинения, любезный капитан, за то, что мне пришлось прервать ваш отпуск,— после взаимных приветствий говорит герцог де Кастри,— но поводом для этого послужили важные обстоятельства.

— Я офицер, ваша светлость, и по уставу обязан немедленно явиться по первому вызову начальника,— просто отвечает Лаперуз.— Тем более что отпуск мой длится уже несколько месяцев. Ваше право приказывать, мой долг повиноваться.

— Превосходно сказано! — восклицает в восхищении де Кастри.— В таком случае сразу перейдем к делу... Дорогой Флериэ, попрошу вас познакомить господина Лаперуза с нашим планом, получившим, кстати, одобрение короля.

— Его величество по предложению герцога принял решение снарядить экспедицию для длительного плавания в водах Тихого океана,— поясняет Флериэ.— Мне нет надобности, дорогой Лаперуз, растолковывать вам, насколько важно для Франции закрепиться в этом бассейне после неудач, постигших ее в борьбе с Англией в Новом Свете. Мы потеряли Канаду, Восточную Луизиану, некоторые острова Вест-Индии. А теперь нам внушают большое беспокойство успехи британца Кука в Тихом океане.

— Великолепный моряк! — вырывается невольно у Лаперуза.

— Согласен с вами,— тонко улыбается Флериэ.— Но мы полагаем, что во Франции найдутся не хуже. И поэтому не позднее второй половины нынешнего года французская кругосветная экспедиция должна отправиться в путь. Главная ее задача — исследовать районы Тихого океана, о которых Джеймс Кук сообщает в своих отчетах, а также и те, о которых ему пока не известно, и выявить возможности проникновения политического и торгового влияния Франции в страны, которые будут открыты.

— Такова вкратце цель экспедиции, возглавить которую мы предлагаем вам, капитан Лаперуз,— заключает министр, воспользовавшись паузой.

— Да, дорогой друг,— улыбается Флериэ,— ваша кандидатура стоит первой в нашем списке. И насколько мне помнится, вы не раз говорили мне, что мечтаете совершить кругосветное плавание. Вот вам случай осуществить желаемое. Как это вы говорили тогда?..

— Без этого я не позволю себе умереть,— смеясь, повторяет Лаперуз.

— Вот-вот,— кивает головой Флериэ.— Так воспользуй-

тесъ же предоставляемой возможностью. Право, соглашайтесь. Кто знает, будет ли в другой раз такой случай.

— Я отлично понимаю, ваша светлость, и вы, дорогой Флериз, что мне оказывается большая честь и доверие,— серьезно говорит Лаперуз.— Я глубоко ценю такое отношение ко мне. Но одновременно я сознаю всю глубину ответственности, возлагаемой на исполнителя этого поручения, и поэтому... поэтому прошу дать мне некоторое время на размышление...

— Иного ответа я и не ожидал,— понимающе произносит министр.— Обдумайте, взвесьте и приходите поскорее с ответом, капитан. Надеюсь, что он будет положительным.— Герцог встает из кресла, давая понять, что аудиенция окончена.

Лаперуз выходит из кабинета вместе с начальником портов и арсеналов.

— Решайтесь,— говорит ему Флериз, дружески беря Лаперуза под руку.— Решайтесь, дорогой друг. Помните, что все содеянное вами послужит во славу Франции!

Ранним утром 1 августа 1785 года два корабля — «Бусоль» и «Астролябия», снаряженные для долгого пути, покинули Брест и, сопровождаемые добрыми напутствиями и пожеланиями счастливого возвращения, вскоре растаяли в морской дали. Флотилию возглавлял Жан-Франсуа Лаперуз.

В его каюте хранилась инструкция, в которой подробнейшим образом были расписаны цели и задачи плавания, а также подчеркивалась необходимость, диктуемая политическими мотивами, результаты экспедиции сохранить до поры в тайне.

«Перед возвращением в Брест или даже до того, перед прибытием к мысу Доброй Надежды,— предписывала инструкция,— сьер Лаперуз прикажет сдать ему (Лаперузу.— *Прим. авт.*) все записи и дневники путешествий и потребует от офицеров и гардемарин, астрономов, ученых, художников и всех других лиц сохранения тайны о целях путешествия и сделанных открытиях. Он возьмет с них слово не разглашать ни того, ни другого и одновременно заверит их, что отобранные записи, журналы и дневники будут им со временем возвращены».

Но к этим мерам Лаперузу не пришлось прибегнуть, так как корабли «Бусоль» и «Астролябия» не прибыли к мысу Доброй Надежды и не вернулись ни в Брест, ни в другой порт Франции.

Между тем флотилия двигалась по намеченному маршруту. Остался позади остров Мадейра, через два месяца корабли миновали остров Тринидад и повернули на юг. В первых числах февраля 1786 года они обогнули мыс Горн и оказались в водах Тихого океана.

Направляясь на север, Лаперуз сделал остановку у берегов Чили, чтобы пополнить запасы провизии и пресной воды, а затем взял курс к острову Пасхи. Отсюда флотилия направилась к Гавайским островам и далее к берегам Калифорнии и Аляски, где мореплаватели открыли ряд бухт и уточнили карту побережья.

В соответствии с инструкцией им надлежало в дальнейшем следовать к португальской колонии Макао на побережье Китая, а потом к Филиппинским островам, в порт Манилу.

Из Макао Лаперуз послал с оказией отчет морскому министру. «Со дня нашего отплытия,— писал он,— прошло восемнадцать месяцев, пятнадцать из них мы провели в море. Я посетил остров Пасху и тот район западнее Гавайских островов, где, согласно испанцам, должны были быть острова: они не существуют. Кроме того, я побывал на острове Мауи из группы Гавайских островов, на котором Кук не был, внимательно осмотрел северо-восточное побережье Северной Америки от горы Св. Ильи до Нутки и нанес на карту вчерне набросанную Куком береговую линию от Нутки до Монтеррея. Я пересек Великий океан по прямой, отстоящей на сто лье от тех мест, которыми ходили другие мореплаватели, и открыл остров Неккер и «Риф французских фрегатов». Я доказал, что острова ла Горта, Лезерт, ла Мира и Жарден не существуют, и посетил, как мне было приказано, один из северных Марианских островов».

Выйдя из Манилы, «Буссоль» и «Астролябия» повернули на север, к Сахалину и Камчатке. Лаперуз, достигнув Сахалина, попытался пройти на кораблях между островом и материком, но это ему не удалось, так как на пути их встали мели и песчаные косы. После нескольких неудачных попыток Лаперуз направился к южной оконечности Сахалина и здесь обнаружил пролив, отделяющий Сахалин от японского острова Иессо (Хоккайдо).

В дневнике путешественника появилась запись: «Остров Сахалин и есть остров, который японцы называют Оку-Иессо. Курильская цепь находится гораздо восточнее, она образует с Иессо и Оку-Иессо второе море, которое сообщается с Охотским. Попасть из этого второго моря к берегам Татарии

можно либо через Сангарский пролив, либо через вновь обнаруженный пролив между Сахалином и Иессо».

Это было крупное открытие, так как на многих картах того времени Сахалин и Иессо изображались как одно целое.

В первых числах сентября флотилия Лаперуза, пройдя проливом Буссоль между Курильскими островами, оказалась в виду Петропавловска-Камчатского.

Около месяца французские моряки гостили у русских. Здесь Лаперуз получил известие о присвоении ему звания командира эскадры. И, пользуясь случаем (сопровождая его в плавании сын французского консула в Петербурге Лессепса остался на Камчатке, чтобы затем сухим путем следовать в столицу России), отправил свой дневник и часть собранных коллекций.

«Буссоль» и «Астролябия» покинули гостеприимные берега Камчатки, чтобы продолжить исследования в Тихом океане. Через два месяца Лаперуз был уже у островов Самоа, а 28 января 1788 года подошел к берегам Австралии. С капитаном одного из встреченных им в Ботанической бухте английских кораблей он послал письма де Кастри и Флериэ. Это были последние вести от него, дошедшие до Франции.

Миновали 1788 и 1789 годы. На его родине грянула великая буржуазная революция. Политические страсти кипели в стране, никого не оставляя равнодушным. И тем не менее в калейдоскопе событий люди не забывали о Лаперузе и его спутниках.

Франция ждала возвращения «Буссоли» и «Астролябии», а кораблей все не было и не было. И никаких известий об их местонахождении больше не поступало.

На смену 1790-му пришел 1791 год. Уже шесть лет минуло со дня отплытия флотилии Лаперуза из Бреста.

В Париже заседает Национальное собрание. Один оратор сменяет другого. Депутаты темпераментно откликаются на выступления своих собратьев, встречая их приветственными возгласами и аплодисментами или криками и свистом. Здесь решается будущее страны. Ведь Национальное собрание — высший законодательный орган республики.

После выступления очередного оратора председательствующий — аббат Грегуар поднимает руку, в которой зажат какой-то документ.

— Граждане депутаты, — говорит он, — в адрес Национального собрания поступило письмо, содержание которого

я позволю себе кратко изложить.— Он обводит взглядом депутатские кресла и галерку, где собралось множество народу, присутствующего на заседании в качестве гостей.

— Читайте! Читайте! Послушаем! — раздаются выкрики с мест, занимаемых депутатами.

— В этом письме,— невозмутимо продолжает председательствующий,— идет речь об экспедиции Лаперуза на кораблях «Буссоль» и «Астролябия». Три года назад капитан Лаперуз должен был возвратиться из плавания. Так ему было предписано в инструкции морского министерства, о том же свидетельствует его последнее письмо на имя морского министра, отправленное с последней стоянки в Австралии.

— Автор письма, адресованного Национальному собранию, гражданин Флериз, обращается к нам с просьбой организовать поиски экспедиции Лаперуза, мотивируя свою просьбу тем, что не к лицу французам оставлять своих соотечественников в беде.

Гром аплодисментов покрывает последние слова председательствующего. Депутаты вскакивают с мест и, пытаясь перекричать друг друга, заявляют о своей поддержке предложения Флериз. Публика бурно аплодирует своим избранникам.

Аббат Грегуар продолжает:

— Я вижу, что мнение депутатов единодушно, и посему предлагаю принять следующее решение, которое ставлю на голосование: в возможно короткий срок снарядить для поисков пропавшей экспедиции капитана Лаперуза два фрегата, снабдив их всем необходимым для дальнего морского путешествия. Одновременно вменить в обязанность командирам этих кораблей параллельно с поисками продолжать исследования в тех морях, где им придется побывать... На одном из ближайших заседаний Национального собрания Франции рассмотреть вопрос о финансировании поисковой экспедиции, поручив для этого опытным людям составить необходимые расчеты и представить их на обсуждение депутатам.

Национальное собрание под аплодисменты публики принимает предложенную председателем резолюцию единогласно. А спустя несколько месяцев утверждает представленные расчеты, связанные с финансированием, и одновременно назначает премию, которая будет вручена тому, кто обнаружит «Буссоль» и «Астролябию» или сообщит об экспедиции Лаперуза достоверные сведения.

В конце сентября 1791 года на поиски Лаперуза направляется адмирал д'Антркасто. В его распоряжение республика выделяет два корабля с символическими названиями «Поиск» и «Надежда». Однако двухлетние попытки адмирала обнаружить следы экспедиции Лаперуза оказываются бесплодными. И после его возвращения поиски судов долгое время не возобновляются.

Лишь спустя более чем тридцать лет французский мореплаватель Дюмон-Дюрвиль вновь ставит перед правительством вопрос о необходимости поисков экспедиции Лаперуза. Ему удается доказать целесообразность снаряжения экспедиции, и в 1826 году он выходит из Тулона на фрегате, названном в честь одного из кораблей Лаперуза «Астролябией».

Тем временем английское грузовое судно под командованием капитана Питера Диллона оказывается вблизи небольшого острова Тикопии, принадлежащего к группе островов Санта-Крус в Тихом океане.

Едва корабль бросает якорь, как к нему на лодках и вплавь устремляются островитяне. Они взбираются на палубу, и завязывается оживленная торговля.

Английские моряки, весело переругиваясь, выменивают на зеркала и дешевые ткани фрукты и другие дары земли. Диллон невольно присматривается к тому, что происходит на палубе.

«Что это за предмет в руках одного из островитян, старого и сморщенного? Любопытно взглянуть»,— говорит он себе и подходит ближе к группе, где идет торг. Он протягивает руку, и островитянин с большой неохотой отдает ему этот предмет, который оказывается... шпагой. Клинок в ужасном состоянии, он весь заржавел, не в лучшем виде и эфес.

Капитан знаками спрашивает владельца, есть ли у него еще что-нибудь в этом же роде. Тот отрицательно качает головой, зато двое других протягивают ему обломки шпаг, серебряную ложку, нож...

Каким образом эти предметы могли попасть в руки туземцев? Диллон допытывается и не без труда выясняет, что все эти вещи попали сюда с соседнего острова Ваникоро. Оказывается, у острова Ваникоро когда-то очень давно два корабля, застигнутые ураганом, потерпели крушение. Белые люди, которым удалось спастись, обосновались на острове и, построив небольшое судно из остатков своих кораблей, уплыли на нем в море. С тех пор они не возвращались.

Пораженный догадкой, Питер Диллон решает немедленно посетить Ваникоро, но ему это не удастся сделать: море штормит, а подойти к острову трудно: мешают многочисленные рифы. Тогда он направляется в Индию, где сообщает о своей находке английским властям. В его распоряжение предоставляют другой, более надежный корабль, и он снова держит курс к Ваникоро.

17 сентября 1827 года он у острова. Начинаются поиски. Удастся обнаружить множество предметов и среди них корабельный колокол с надписью «Меня сделал Базен» — маркой литейной мастерской брестского арсенала 1785 года, подсвечники, молотки, кусок деревянной скульптуры с гербом Франции.

Диллон грузит все найденные предметы на корабль и спешит в обратный путь. Скорее в Европу, в Париж, ведь там его ждет премия, учрежденная Национальным собранием Франции. А то, что найденные им предметы принадлежали экспедиции Лаперуза, у Диллона сомнений нет.

Между тем Дюмон-Дюрвиль продолжает безуспешные поиски. Во время стоянки у острова Тасмания он в случайной беседе узнает о находках Диллона и тоже устремляется к острову Ваникоро.

Им движет стремление воочию удостовериться в том, что Диллон не ошибся. Он прибывает к острову Ваникоро, и ему с трудом удастся уговорить вождя островитян показать место гибели кораблей. На шлюпке они плывут к рифам, и здесь на морском дне сквозь прозрачную толщу воды Дюмон-Дюрвиль и его потрясенные товарищи видят остатки того, что когда-то именовалось «Буссолю» и «Астролябией».

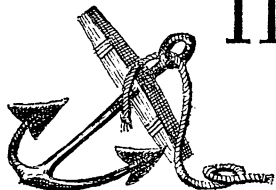
Итак, место гибели кораблей Лаперуза установлено. Приехавший из Петербурга в Париж Лессепс узнал ряд предметов и подтвердил, что они находились на судах Лаперуза, — ведь он был единственным, кто остался в живых из всей экспедиции благодаря тому, что сошел на берег в Петропавловске-Камчатском.

А сам Лаперуз и его спутники? О их судьбе островитяне ничего не могли сказать. Не подлежало сомнению, что они погибли в океане, пытаясь добраться до обжитых европейцами мест.

В память о Лаперузе, этом выдающемся французском мореплавателе, установлены памятники на его родине, в Петропавловске-Камчатском, на берегу Ботанической бухты в Австралии и на острове Ваникоро.

А имя его увековечено в названии пролива, который он первым из европейцев открыл. Это пролив Лаперуза между островами Сахалин и Хоккайдо.

Вокруг света на «Надежде» и «Неве»

Происходило это в первые годы XIX столетия.

В то время как Европу лихорадили военные потрясения, вызванные завоевательными войнами Наполеона, в порту Макао у юго-восточных берегов Китая бросил якорь русский шлюп — небольшое трехмачтовое судно, на борту которого было четко написано: «Надежда».

Пока команда приводила корабль в порядок и устраняла повреждения, полученные за время длительного морского перехода, его командир капитан-лейтенант Иван Федорович Крузенштерн наносил официальные визиты местным властям и вел деловые переговоры.

Но вот ремонтные работы наконец завершились, все торговые дела на берегу уладились, а судно тем не менее продолжало стоять в порту, и не заметно было никаких приготовлений к отплытию.

Проходили дни, и командир «Надежды» становился все беспокойнее. Он, видимо, кого-то ждал, но пока это ожидание приносило ему разочарование.

3 декабря 1805 года, когда Крузенштерн, по обыкновению, поднялся на палубу, чтобы осмотреть корабль, сопровождавшие его в плавании офицеры окружили своего командира.

— Господин капитан-лейтенант,— обратился к нему мичман Беллинсгаузен.— Работы на судне давно завершены, и мы могли бы хоть сегодня покинуть Макао. Матросы потрудились на славу...

— Еще бы,— рассмеялся лейтенант Головачев.— Небось дни и часы считают, сколько осталось до дому.

— Эх, господа,— вздохнул сокрушенно Крузенштерн.— Я вполне понимаю и разделяю их чувства. А разве вы не того же мнения?

— Что и говорить,— задумчиво сказал капитан-лейтенант Ратманов.— Подумать только, скоро три года, как из Кронштадта вышли в вояж.— Он снял фуражку и вытер со лба пот.— Жарко. Ах, как надоела эта жара!

— Сколько мы здесь еще пробудем? — спросил молодой Беллинсгаузен, нетерпеливо передергивая плечами.— При-знаюсь, здешняя обстановка начинает изрядно надоедать.

— Терпение, господа, терпение,— сочувственно улыбнулся Крузенштерн.— Морская служба требует выдержки не только во время шторма.— Он покачал головой, как бы в сомнении.— Однако меня начинает тревожить отсутствие «Невы». Капитан-лейтенант Лисянский должен был опередить нас здесь, в Макао, а между тем его до сих пор нет. Что бы это могло означать?

Крузенштерн подошел к борту и, приставив к глазу подзорную трубу, стал рассматривать большие и малые суда, стоящие илидвигающиеся вокруг.

То здесь, то там виднелись мачты английских, голландских, португальских кораблей, но они терялись в массе джонков, сновавших по заливу с неумолимостью, которой можно было позавидовать. Жизнь в порту кипела. Отовсюду доносился разноголосый говор, крики, смех, песни, ругань.

Ратманов, стоявший рядом с Крузенштерном и тоже наблюдавший в подзорную трубу эту пеструю картину, столь свойственную азиатским портам, вдруг издал какое-то нечленораздельное восклицание.

Все с удивлением повернулись к нему. Но он, не обращая внимания на своих товарищей, продолжал наводить подзорную трубу в одну точку, силясь что-то разглядеть. Наконец ему это, видимо, удалось, потому что он облегченно вздохнул и, опустив подзорную трубу, торжественно произнес:

— Это они. Теперь я совершенно в том уверен. Иван Федорович,— обратился он к Крузенштерну.— Прошу вас, посмотрите сюда.— Ратманов указал направление и снова поднял к глазам трубу.— Да, да, теперь их уже явственно видно.— Он передал трубу лейтенанту Головачеву, который в свою очередь жадно припал к окуляру.

— Вы правы, Макар Иванович, это «Нева»! — радостно произнес Крузенштерн.— Слава богу, ожидание наше кончилось. Мичман,— приказал он Беллинсгаузену,— распорядитесь подготовить торжественную встречу. После длительной разлуки особенное удовольствие составит достойно встретить товарищей по дальнему вояжу.

Он снова поднес к глазам подзорную трубу:

— Не кажется ли вам, Макар Иванович, что у «Невы» был тяжелый переход? Оснастка ее имеет весьма плачевный вид.

— Я тоже обратил на это внимание,— заметил Головачев.— Однако ход ее от этого не пострадал. Корабль идет резво.

— Лисянский держится молодцом,— удовлетворенно сказал Крузенштерн, продолжая наблюдать.— Он отменный моряк, мне это хорошо известно. Ага! Убирает паруса! Отдает якорь! А вот и вельбот спускают на воду! Превосходно! Через полчаса они будут здесь! Макар Иванович, поверьте, как с обедом! Готов ли?

Спустя некоторое время командир «Невы» капитан-лейтенант Юрий Федорович Лисянский, приветствуемый экипажем «Надежды», поднимался по трапу на палубу. Он было уже приготовился официально рапортовать начальнику всей экспедиции, но Крузенштерн дружески обнял его за плечи и, сопровождаемый офицерами обоих кораблей, повел в кают-компанию.

— Хотя мы и заждались вас, но тем приятнее наша встреча,— сказал он, радушно усаживая Лисянского за стол, сервированный с большим тщанием.— Прошу садиться, господа,— пригласил Крузенштерн остальных.— Отметим по русскому обычаю счастливую встречу и послушаем, что расскажут нам прибывшие из Русской Америки.

Офицеры заняли места. За столом все оживились, в разных концах стола соседи обменивались впечатлениями, общались друг другу эпизоды, в которых им приходилось участвовать.

Крузенштерн, вытирая салфеткой губы, по-отечески поглядывал на молодежь, радуясь, что томительное ожидание кончилось и что теперь у него нет никаких причин задерживаться в Макао. Он с улыбкой наклонился к Лисянскому и, с трудом перекрывая шум, царивший в кают-компании, сказал:

— Поймите мое нетерпение, Юрий Федорович, мы так давно расстались, и желание узнать как можно скорее о всем том, что произошло с вами за это время, естественно. Вы понимаете меня?

— Я очень хорошо вас понимаю, Иван Федорович, и охотно поведаю вам обо всем, что может представить для вас интерес,— тряхнув кудрявой головой, ответил Лисян-

ский.— Срок в самом деле миновал изрядный, около полутора лет, пожалуй.

— Мы с вниманием вас слушаем, Юрий Федорович,— произнес громко Крузенштерн.

Шум в кают-компании стих, офицеры как по команде повернули головы в сторону капитанов и застыли в ожидании.

Лисянский отложил в сторону вилку и нож, допил вино, остававшееся в его бокале, и начал:

— Когда «Надежда» ушла на Камчатку, мы еще некоторое время оставались у Гавайских островов, производя кое-какие исследования, а затем направились к острову Кадьяк, где, как оказалось по прибытии, нас ожидали с большим нетерпением. Сие нетерпение объяснялось тем, что на острове Ситка наша укрепленная фактория Архангельская подверглась нападению и была разрушена. Об этом меня уведомил управляющий Российско-Американской компанией господин Баранов, как только я к нему явился...

— Надеюсь, он в добром здравии? — с беспокойством спросил Ратманов.

— О да, господин Баранов вполне здоров,— ответил Лисянский.

Мы помогли ему заложить новую крепость, названную Ново-Архангельск, и более года оставались у берегов Русской Америки. За это время мы подробно описали острова Кадьяк и Ситка, а также обнаружили два новых, неизвестных дотоле острова, которые называли Чичагов и Крузен. Наконец, взяв изрядный груз мехов, направились, как было условлено, сюда, в Макао. По пути два месяца назад судно наше внезапно почувствовало толчок и остановилось. Это была коралловая мель, с которой нам не без труда удалось сняться, на что мы потратили более двух суток.

Риф тот был назван по имени нашего корабля. Поблизости вскоре обнаружился еще один риф, нареченный нами в честь начальника экспедиции рифом Крузенштерна...

Последние слова Лисянского были встречены гулом одобрения. А он между тем продолжал:

— Далее мы проследовали мимо Марианских островов и, когда миновали последний из них, попали в шторм такой силы, что все предшествовавшие волнения показались нам ничтожными. Благодарение создателю, корабль удалось спасти от гибели, но часть груза пострадала: большую часть мехов испортила соленая вода, попавшая в трюм через пробоину. Некоторые из повреждений, полученных при шторме, мы устранили в пути, рассчитывая остальное доделать здесь,

в Макао. По причине шторма и опоздание наше вышло.— Лисянский умолк на минуту, словно стараясь что-то вспомнить, обвел всех веселым взглядом и сказал: — Вот, собственно, и вся история наших приключений и злоключений.— И, обратившись непосредственно к Крузенштерну, добавил: — Лыщу себя надеждой, Иван Федорович, что вы согласитесь удовлетворить и наше любопытство? Мы, я имею в виду офицеров «Невы», жаждем узнать, как проходило плавание «Надежды». И в первую очередь весьма интересно было бы услышать, увенчалось ли успехом посольство господина Резанова.

— Ваше любопытство вполне оправданно, любезный Юрий Федорович,— ответил Крузенштерн.

— Через месяц после расставания с «Невою» на Гавайях прибыли мы в Петропавловск-на-Камчатку и приступили тотчас же к разгрузке товаров, предназначенных для Российско-Американской компании. Как только разгрузка была закончена, принялись ремонтировать судно, дабы явиться в Японию в надлежащем виде, достойном корабля, доставляющего посла российского.

26 августа мы покинули Петропавловск и через месяц были уже в Нагасаки, попав по пути в тайфун страшной силы, подобный, быть может, тому, который выпал на вашу долю.— Крузенштерн рассмеялся.— «Надежда» наша выглядела примерно так же, как ваша «Нева» сейчас,— все наши труды в Петропавловске пошли прахом.

Японцы, должен заметить, приняли посольство господина Резанова недоверчиво, если не сказать враждебно, и даже отказались от подарков, которые он хотел вручить их императору от нашего государя. Рассчитывавший остаться в Киото, господин Резанов вынужден был вернуться на «Надежду» и следовать обратно в Петропавловск.

По пути к Камчатке нам удалось уточнить карты, составленные французским мореплавателем Лаперузом, описать часть острова Сахалин, к которому мы прошли проливом, названным нами по имени нашего корабля, а затем, вернувшись в Петропавловск и пробыв там некоторое время, отплыли к южным берегам Китая для встречи с вами.

— И вы, Иван Федорович, и вы, Юрий Федорович, так коротко поведали о событиях, происшедших за время полуторалетней разлуки, что кажется, будто мы расстались всего несколько дней назад,— расхохотался Ратманов, поднимаясь из-за стола.— А между тем я уверен, что обо всем этом можно написать целые книги. Господа,— с чувством

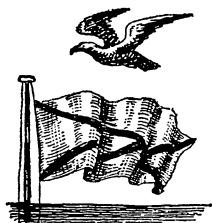
продолжал он, — я предлагаю поднять бокалы за наших командиров, которые провели нас через все испытания твердой и верной рукой, и за благополучное возвращение в отечество наше!

Все офицеры поднялись и в торжественном молчании осушили бокалы с вином.

Слова Ратманова оказались пророческими. И Крузенштерн, и Лисянский впоследствии написали каждый книгу об этом достопамятном путешествии — первом кругосветном плавании, совершенном русскими моряками в 1803—1806 годах.

В этих книгах подробно и обстоятельно рассказывается о том, как два русских шлюпа, нагруженных товарами для Российско-Американской компании — торгового предприятия, возникшего на дальневосточных окраинах России и в русских владениях на северо-западном побережье Америки, отправились, как тогда говорилось, в дальний вояж из Кронштадта через Атлантический океан вокруг мыса Горн. Как они пересекли Тихий океан и у Гавайских островов расстались, чтобы встретиться через полтора года в порту Макао у берегов Китая. Как закончилась неудачей попытка русского правительства завязать дипломатические отношения с Японией, для чего было направлено посольство, возглавляемое Резановым. Как была проделана огромная исследовательская работа по описанию берегов Северо-Западной Америки, Японии, Сахалина. Как были открыты острова, заливы, проливы, мысы.

Риф Нева, затерявшийся в просторах Тихого океана, пролив Надежды между островами Матуа и Рапуа Курильской гряды, остров Лисянского в группе Гавайских островов, атолл Крузенштерна в архипелаге Туамоту, остров Крузенштерна в Маршалловом архипелаге, полуостров Лисянского в Охотском море, остров Крузенштерна в Беринговом проливе — таков неполный перечень географических названий, связанных с одним из ярких эпизодов в истории русского морского флота, когда он впервые вышел на просторы Мирового океана. Плавание на «Надежде» и «Неве» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского положило начало целой серии кругосветных путешествий русских моряков, принесших большую пользу отечественной и мировой науке и способствовавших освоению дальневосточных окраин нашего государства.

В просторных залах Английского клуба, как всегда, было шумно и многолюдно. Члены клуба — постоянные посетители и гости — в мундирах, расшитых золотом, строгих фраках, кафтанах расхаживали, беседуя, по комнатам, обменивались новостями, о чем-то уславливались, сидели за карточными столами, увлеченные игрой.

Здесь были сановники, украшенные орденами и лентами всех достоинств, которые с внушительным видом и не без самодовольства обсуждали государственные дела; кавалергарды и гусары,веряющие друг другу свои приключения; строгие и подтянутые морские офицеры; штатская молодежь. Все эти люди образовывали группки, в которых велись разговоры на самые разнообразные темы — о политике, литературе, искусстве, женщинах — словом, обо всем, что могло представлять для них интерес.

Иные уединялись в укромных уголках залов и тихо беседовали о предметах, не подлежащих широкому обсуждению. В числе таких посетителей клуба были два морских офицера. Один из них, человек лет сорока с небольшим, носил знаки отличия капитана первого ранга, второй, намного моложе собеседника, был в чине лейтенанта.

— Весьма удачно сложилось, что мы с вами здесь встретились, — говорил старший чином. — Мне непременно надобно было переговорить с вами о важном для нас обоих деле, и я намерен был на этих днях найти возможность повидаться с вами, любезнейший Отто Евстафьевич.

— Я редкий гость в этом клубе, — отвечал лейтенант и с жаром продолжал: — и я благодарю судьбу за то, что она привела меня в этот дом, когда вы, Иван Федорович, благоволили его посетить. Поверьте, для меня сознание того, что моего общества искал сам Крузенштерн, — великая честь. С тех пор как мне посчастливилось участвовать волонтером в кругосветном плавании, которым вы руководили, я проникся к вам величайшим уважением и...

— Полно, полно вам, Отто Евстафьевич, — перебил его Крузенштерн мягко, но решительно. — Я очень даже ценю ваше доброе отношение, но не обо мне речь.

— Нет, нет,— горячо воскликнул Коцебу (такова была фамилия молодого офицера),— я должен высказать свои чувства...

— Оставим это,— улыбнулся Крузенштерн.— У нас мало времени для беседы, мне ведь еще предстоит нанести сегодня один визит. Поэтому настоятельно прошу вас, выслушайте меня. Смею думать, что предложение, которое я намерен вам сделать, вас заинтересует.

Коцебу хотел было что-то сказать, но прикусил губу и с некоторым удивлением только произнес:

— Предложение? Вы сказали, предложение, Иван Федорович?

— Именно так,— наклонил голову капитан первого ранга.— И на мой взгляд, весьма заманчивое для вас, Отто Евстафьевич.

— Я с нетерпением слушаю вас, Иван Федорович,— так и впился глазами в собеседника Коцебу.

— Что вы скажете, мой друг, если вам предложат командовать кораблем, отправляющимся в дальний вояж? — обыденным тоном спросил Крузенштерн, пристально глядя на лейтенанта.

— Мне?! — изумился Коцебу.— Это невозможно! Кто доверит?! Впрочем, я совсем не то говорю, я хотел спросить, куда намечается вояж и с какими целями?

— Вот об этом я как раз и намеревался вам сообщить,— добродушно рассмеялся Крузенштерн, лукаво взглянув на взволнованного молодого человека.— Вояж будет кругосветным, а цель его — исключительно научные наблюдения...

— И открытия, надеюсь? — не сдержавшись, перебил Крузенштерна Коцебу.

— Разумеется, в первую очередь открытия,— подтвердил тот.— Граф Николай Петрович Румянцев, человек большого ума и широких интересов, покровительствуя развитию наук и искусств в России, пожелал снарядить на свой собственный счет корабль для дальнего плавания и удостоил меня лестным поручением: разработать подробную инструкцию для экспедиции и подыскать достойного командира судна.— Крузенштерн сделал небольшую паузу, пристально посмотрел на собеседника и продолжал: — Инструкция у меня уже готова, просмотрена и одобрена графом, а что до командира корабля... — он еще раз сделал паузу,— то я рекомендовал вас, Отто Евстафьевич...

— Но граф меня совершенно не знает,— в смущении прошептал Коцебу.

— Да, это так, — кивнул головой Крузенштерн, — но зато ему прекрасно известно, что я порекомендую ему именно того человека, который наиболее подходит для задуманного им предприятия. На мой взгляд, вы как раз такой человек, Отто Евстафьевич. Склонность к научным наблюдениям и исследованиям вы обнаружили еще на «Надежде», будучи волонтером, я это сразу же заметил, а ныне же убежден, что, возглавляя экспедицию, проявите эти склонности в полной мере. Каков будет ваш ответ?

— Какой моряк отказался бы от такой возможности! — воскликнул Коцебу в радостном возбуждении. — Конечно, я согласен, тысячу раз согласен и не нахожу слов, чтобы достойным образом вас отблагодарить за все, Иван Федорович. Ведь только вам я обязан...

— Не надо, голубчик, меня благодарить, — покачал головой Крузенштерн. — Это лишнее, совсем лишнее. — Он встал. — Я должен вас покинуть и потому прощаюсь. Более подробно поговорим завтра. Надеюсь вас видеть в одиннадцать часов у графа. Я вас ему представляю.

На следующий день Коцебу явился в парадном мундире в дом канцлера Румянцева точно в назначенный срок. Крузенштерн был уже там. Он взял под руку молодого офицера и ввел его в кабинет графа со словами:

— Позвольте вам представить, ваше сиятельство, моего протеже — лейтенанта военного флота российского господина Коцебу.

Румянцев окинул пронизательным взглядом фигуру и лицо молодого офицера и, оставшись доволен этим беглым осмотром, благосклонно наклонив голову, произнес:

— Весьма наслышан о вас, господин Коцебу, и имею самые лестные отзывы о деяниях ваших и способностях...

Коцебу, смущенный, сделал протестующий жест рукой.

— Достойнейший Иван Федорович рекомендовал мне вас как опытного и знающего офицера и как человека, живо интересующегося науками, — продолжал Румянцев, мимолетно улыбнувшись смущению лейтенанта. — Вы дали согласие на участие в вояже в качестве его руководителя и потому должны ознакомиться с основными его целями и задачами. Господин капитан, — обратился он к Крузенштерну, — соблаговолите коротко изложить содержание подготовленной вами инструкции.

Крузенштерн почтительно поклонился.

— Программа исследований достаточно обширна, — начал он. — Она рассчитана на длительное время и предусмат-

ривает как наблюдение за морскими течениями, приливами, температурой, прозрачностью воды, так и определение астрономических пунктов, опись берегов всех встреченных вновь земель и островов, промер глубин.

Маршрут корабля — через Атлантический океан к мысу Горн и далее в Тихий океан. Здесь особое внимание надобно будет уделить приэкваториальным и тропическим пространствам западной части океана, недостаточно еще обследованным.

Достигнув затем Берингова пролива, надлежит приложить все усилия, чтобы, идя вдоль северного побережья Америки, найти соединение Великого океана с Атлантическим. Этим поискам мы придаем особо важное значение, так как нахождение сего соединения позволит разрешить еще одну географическую загадку, которую пока безуспешно пытались решить многие мореплаватели.

Крузенштерн умолк и вопросительно взглянул на Румянцева.

Граф удовлетворенно кивнул головой, встал из-за стола и подошел к Коцебу.

— Нет надобности, господин Коцебу, входить здесь в дальнейшие подробности, касающиеся задач экспедиции. Этим вы специально займетесь с господином Крузенштерном. Я хотел лишь предупредить вас о том, что судно, которое будет отдано в ваше распоряжение, еще не готово. Оно только-только начинает строиться в Або*, и вы, коли пожелаете, будете иметь возможность лично наблюдать за его постройкой. Это будет двухмачтовый бриг хотя и небольшой, но ходкий и вполне маневренный, что позволит вам без особого риска подходить близко к берегам.

Набирайте экипаж, лейтенант, и отправляйтесь в Або. Все необходимые распоряжения по Адмиралтейскому департаменту будут отданы незамедлительно. Имеете вы что-либо мне сказать?

— Только одно, — четко ответил Коцебу. — Я благодарен за оказанное мне доверие и постараюсь его оправдать, ваше сиятельство. Не пожалею сил для вящей славы науки отечественной.

— С богом, господин Коцебу, с богом, — махнул рукой Румянцев, давая понять, что аудиенция окончена.

30 июля 1815 года «Рюрик» (так называли построенный бриг) покинул Кронштадт. На борту его было тридцать че-

* Або — город в Финляндии, ныне Турку.

тыре человека, в том числе три офицера — Коцебу, Шишмарев и Захарьин и естествоиспытатели Шамиссо, Вормшельд и Эшшольц, а также художник Хорис.

А спустя без малого год корабль уже входил на рейд Петропавловска-Камчатского, по пути побывав у острова Пасхи и других островов Тихого океана.

Коцебу спешил к Камчатке, чтобы поспеть к Петропавловску еще летом и в том же году совершить плавание в Северный Ледовитый океан.

В первых числах июля 1816 года «Рюрик», отремонтированный и нагруженный провиантом, покинул Петропавловск и взял курс на север, к Берингову проливу.

После того как корабль миновал мыс Принца Уэльского, крайнюю западную оконечность Северной Америки, Коцебу приказал переменить курс и направился на северо-восток вдоль побережья, рассчитывая, что, следуя этим путем, он со временем обнаружит проход, ведущий в Атлантический океан.

Двое суток спустя после перемены курса лейтенант Шишмарев, выполнявший обязанности вахтенного начальника, вызвал командира брига на капитанский мостик.

— Приношу свои извинения, Отто Евстафьевич, за то, что побеспокоил вас во время отдыха, — обратился он к Коцебу, — но берег повернул на зюйд-ост, и я, хотя и изменил курс судна, выполняя ваше распоряжение держаться береговой линии, счел своим долгом незамедлительно поставить вас об этом в известность.

— Много ли времени прошло с того момента, как это произошло? — поинтересовался Коцебу.

— Не более получаса мы следуем курсом зюйд-ост, не теряя из виду побережье ни на мгновение.

Коцебу задумчиво опустил голову, затем бросил взгляд на берега, чернеющие с правой стороны, и с сомнением произнес:

— Сей неожиданности мы никак не могли предвидеть. Кук и Кларк, аглицкие мореходы, плававшие в этих местах, нигде не упоминают о наличии здесь глубокой выемки в побережье.

— Может быть, эта выемка как раз и есть начало прохода в Атлантический океан, кой мы ищем? — предположил Шишмарев, глядя загоревшимися глазами на Коцебу.

— Дай-то бог, — откликнулся командир «Рюрика». — Как это было бы славно! Однако не будем раньше времени обольщаться надеждами. Прежде надобно воочию удостове-

риться в том, что сия впадина береговая из себя представляет, как она обширна и есть ли из нее выход на восток. Продолжайте, Глеб Семенович, наблюдение с надлежащим тщанием. Я вас сменю к вечеру.

«Рюрик» продолжал плавание вдоль побережья, которое сначала уходило на юго-восток, затем поворачивало на восток и далее снова приняло северо-восточное направление.

— Нет,— сказал Коцебу, обращаясь к Шишмареву и естествоиспытателям, сопровождавшим его в плавании, когда они все собрались в кают-компанию,— выемка сия есть залив, а не пролив, как всем нам хотелось бы думать. Лето идет на убыль, и я не вправе продолжать далее поиски, рискуя завлечь наш корабль в ледовую западню. «Рюрик» не приспособлен для зимовки, у нас ограниченный запас продовольствия. Полагаю, нам надлежит воротиться в южные широты и в ожидании будущего лета производить исследования и наблюдения в тропической полосе, как это предусмотрено инструкцией.— Он обвел взглядом внимательные лица своих спутников и твердым голосом закончил: — Но мы еще сюда непременно вернемся, чтобы продолжить поиски пролива. Поиски его не закончены, а лишь на время прерываются, господа.

Миновал еще год. За это время «Рюрик» успел побывать у берегов Чукотского полуострова, обследовав залив Св. Лаврентия и остров того же названия, посетил остров Уналяску, где Коцебу заручился помощью представителей Российско-Американской компании, которую они должны были ему оказать в снаряжении его судна для второго похода на север. Он просил обеспечить необходимый запас провизии, построить двадцативесельную байдару для плавания в Северном Ледовитом океане на случай, если льды воспрепятствуют движению корабля, и найти алеутов для участия в походе и толмача (переводчика).

От Уналяски бриг направился в Сан-Франциско, калифорнийский порт, где подвергся некоторому ремонту, а команда получила кратковременный отдых. Затем был взят курс на Гавайские острова, а от них — к Маршалловым островам.

Два с половиной месяца велись исследования в районе цепи островов Радак, где удалось открыть несколько коралловых островов. В середине марта 1817 года «Рюрик» снова повернул на север,— настало время возобновить поиски прохода в Атлантический океан.

12 апреля бриг подошел к Уналяске, погрузил все необходимое и в конце июня отплыл на север.

Коцебу сильно нездоровилось. Сказывались последствия его ушиба, полученного при падении во время свирепого шторма, когда «Рюрик» переходил из тропических широт в северную часть Тихого океана.

Он лежал в своей каюте и тихо беседовал с лейтенантом Шишмаревым и доктором Эшшольцем, который готовил ему какие-то лекарства.

— Нет, нет,— говорил Коцебу, прижав руку к груди.— Прошу вас, господа, меня не отговаривать. Мой долг сделать все возможное, чтобы выполнить данные мне инструкции. Мы пойдем на поиски прохода...

— Но поймите, Отто Евстафьевич, это невозможно,— возразил Эшшольц, подходя к больному со стаканом, в котором была налита до половины жидкость светло-желтого цвета.— Состояние вашего здоровья исключает какие бы то ни было усилия и волнения. Грудь ваша слаба после того злополучного удара о палубу.

— Пустое,— возвысил голос Коцебу, приподнимаясь на локтях. Он внезапно закашлялся и прижал ко рту платок. На белоснежной ткани расплозлось пятно крови.

— Какое там пустое,— обеспокоенно произнес доктор, подавая Коцебу стакан.— Выпейте, Отто Евстафьевич, эту микстуру, она облегчит.

— Нет уж,— твердо и решительно произнес Шишмарев.— Ни о каком походе не может быть и речи. Тем более что впереди скопились тяжелые льды, и все усилия наши будут бесплодны.

— Властью врача я запрещаю вам, Отто Евстафьевич, даже помышлять о каких-либо попытках идти во льды,— торжественно произнес Эшшольц.— Не скрою, я весьма обеспокоен вашим состоянием. Вам нужны покой, тепло, уход.

Коцебу, ослабевший от приступа кашля и потери крови, слабо улыбнулся и, протягивая руку к Шишмареву, сказал:

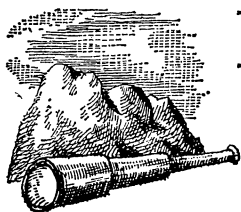
— Видно, не судьба мне осуществить задуманное. В самом деле, мне вряд ли удастся поправиться в ближайшие дни. Глеб Семенович, распорядитесь изменить курс. Мы идем на юг.

Так и не довелось Коцебу продолжить свои изыскания в Северном Ледовитом океане. «Рюрик» спустился в теплые широты и направился к мысу Доброй Надежды. 13 августа 1818 года, спустя три года после отплытия, он возвра-

тился в устье Невы. Кругосветное плавание было закончено. Все инструкции были выполнены, кроме одной: проход в Атлантический океан остался неизведанным.

Но шаг к его открытию был сделан. Свидетельством тому залив, открытый Коцебу на крайней северо-западной оконечности Северо-Американского материка и названный его именем.

Остров, открытый издали

Весна 1817 года в Петербурге выдалась на редкость ранняя и дружная. Солнце, не частый гость здесь, щедро слало на улицы города свои потеплевшие лучи, согревая сырой воздух, высушивая крыши и стены зданий, гоня потоки воды вдоль тротуаров.

На набережной Невы в этот утренний час было мало прохожих. Молодой моряк, в щеголеватой офицерской форме, с отменной выправкой, неторопливо прохаживался вдоль парапета, о чем-то глубоко задумавшись. Опытный физиономист, однако, взглянув на его лицо, без труда определил бы, что этот кажущийся таким спокойным человек явно чем-то взволнован и находится на пороге принятия какого-то важного для него решения.

Наконец, видимо, решившись, молодой офицер поправил фуражку, одернул по привычке шинель и твердо зашагал по набережной в сторону Адмиралтейства. Стук его каблучков звонко отдавался в утренней тишине улицы.

Минут через двадцать — двадцать пять он уже быстро поднимался по ступенькам серого двухэтажного дома с колоннами. Встретившему его в передней матросу средних лет с серьгой в правом ухе он отрывисто бросил:

— Барин дома?

— Их высокоблагородие изволят завтракать, — степенно ответил вестовой, с любопытством взирая на посетителя, в столь ранний час явившегося к его барину. — Как прикажете доложить?

Офицер на минуту замаялся, как бы колеблясь, потом решительно стянул перчатки и сказал:

— Доложи, братец, капитану второго ранга, что мичман

Врангель покорнейше просит принять его по личному делу, не терпящему отлагательств.

— Слушаюсь, ваше благородие! — вытянувшись, гаркнул вестовой и скрылся за дверьми, ведущими в столовую. Оттуда донеслись обрывки разговора, и голос, привыкший командовать, четко произнес:

— Проси господина мичмана, Степан.

— Извольте пройти, ваше благородие, — пригласил Врангеля вновь появившийся вестовой, принял от мичмана шинель и фуражку и распахнул перед ним дверь.

Врангель вошел в комнату и сразу же увидел хозяина дома, который сидел за столом, заканчивая завтрак, и был в домашнем наряде. Молодой офицер щелкнул каблуками и наклонил голову:

— Разрешите представиться, господин капитан второго ранга! Мичман Врангель Фердинанд Петрович!

Головнин (а это был он) приподнялся со стула, приветствуя вошедшего, указал на кресло и, снова сев, зорким, оценивающим взглядом окинул ладную фигуру офицера.

— Чем могу служить, мичман? Не хотите ли перекусить? Эй, Степан! — Вестовой вырос на пороге комнаты и замер в ожидании приказаний.

— Благодарю, господин капитан второго ранга, — поспешно ответил Врангель, присаживаясь на край кресла.

Головнин знаком отослал Степана.

— Так чем могу служить? — повторил он, помешивая ложечкой дымящийся кофе, и, не дожидаясь ответа, полюбопытствовал: — Где изволите служить, господин Врангель?

— На фрегате «Автроил», вахтенным офицером, — отчетливо по привычке мичман, лихорадочно соображая между тем, с чего начать разговор.

— Если не ошибаюсь, «Автроил» приписан к Ревельскому порту, — продолжал свои расспросы Головнин, видя смущение посетителя.

— Так точно, господин капи...

— Называйте меня просто Василий Михайлович, мы с вами не в служебной обстановке, — прервал мичмана Головнин. — Так что же вас ко мне привело? — Его явно забавляла растерянность Врангеля.

— Позвольте быть совершенно откровенным, Василий Михайлович, — с запинкой начал наконец Врангель, глядя прямо в глаза хозяину дома.

— Разумеется, голубчик, — слегка улыбнулся Головнин, поощрительно кивая головой. — Я только на это и рассчиты-

ваю. Но прошу вас поторопиться с изложением своего дела, в моем распоряжении немного времени.

— Господин капитан... то есть, Василий Михайлович,— поправился Врангель.— Я превосходно понимаю, что мой визит к вам — величайшая дерзость, но иначе поступить не мог.— Он глубоко вздохнул, как бы набирая воздух. Голос его окреп и зазвучал более спокойно.— На флоте только и разговоров, что о предстоящем вояже шлюпа «Камчатка» под вашим командованием. Я просил как о милости главного командира Ревельского порта ходатайствовать перед вами о включении меня в состав экипажа «Камчатки», но...— он запнулся было,— но из этого, видимо, ничего не получилось...

— Да-да,— задумчиво произнес Головнин,— что-то припоминаю, разговор такой был.

— Тогда я решился на отчаянный шаг,— продолжал Врангель,— подал рапорт о болезни и явился сюда в Петербург, чтобы лично просить вас взять меня в плавание. Вот и все.

Лицо Головнина посуровело.

— Видите ли, мичман,— строго произнес он,— я очень тщательно отбираю офицеров и матросов на шлюп и предпочитаю, не скрою, тех, кто лично мне известен и в ком я могу быть вполне уверен.

— Господин капитан второго ранга,— умоляюще глядя на Головнина, с искренним чувством произнес молодой офицер.— Я давно мечтаю испытать свои силы в дальнем вояже, о пользе, которую мог бы принести отечественному флоту. Испытайте меня! Я готов идти с вами в плавание хоть простым матросом! Поверьте, я сделаю все, чтобы заслужить ваше доверие и уважение!

Горячность молодого человека припала Головнину по душе, но он не подал виду, что речь мичмана вызвала в нем сочувствие и симпатию.

— Ничего определенного не могу вам обещать, мичман,— сказал он, поднимаясь из-за стола.— Пройдемте-ка в кабинет, там и продолжим этот разговор.

История не сохранила подробностей последующей их беседы, но дальнейшие события с полной очевидностью свидетельствовали о том, что Врангель достиг желаемого.

В августе того же 1817 года шлюп «Камчатка» под командованием Василия Михайловича Головнина покинул Кронштадт. На борту судна находился и мичман Врангель.

Он был счастлив, как может быть счастлив человек, заветная мечта которого осуществилась. Впереди предстояли долгие месяцы плавания по трем океанам — Атлантическому, Тихому и Индийскому, ему мерещились открытия новых земель и островов — словом, он был молод и полон радужных надежд.

Незаметно пролетели два года. Побывав на Камчатке и у берегов Русской Америки, произведя ряд исследований в Тихом океане, замкнув кругосветный маршрут, «Камчатка» возвратилась в Кронштадт.

Повзрослевший, возмужавший, прошедший великолепную морскую школу под началом опытного командира, еще полный впечатлений от только что законченного плавания, Врангель готов был тотчас же пуститься в новый поход. Его по-прежнему манили неизведанные просторы океанов и материков.

И когда он был вскоре приглашен в Государственный адмиралтейский департамент и услышал, что его, теперь уже лейтенанта, назначают начальником экспедиции, посылаемой «для описи берегов от реки Колымы к востоку до Шелагского мыса и от одного на север, к открытию обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии», он воспринял это назначение с необыкновенным энтузиазмом. Рад он был и тому обстоятельству, что в помощники ему прикомандировали мичмана Матюшкина, который, так же как и Врангель, принимал участие в кругосветном плавании на шлюпе «Камчатка» и зарекомендовал себя наилучшим образом.

«Каково,— думалось ему, когда он возвращался из Адмиралтейского департамента,— открытие обитаемой земли! И это трудное и увлекательное дело сочли возможным поручить ему! Значит, он чего-то стоит! Что это за земля, достигнуть которой он должен? Кто уже пускался на ее поиски и каких добился результатов?»

Врангель со свойственной ему аккуратностью и пунктуальностью пересмотрел и перечитал ворох всевозможных материалов и накануне отъезда в экспедицию имел уже полное представление об истории поисков земли, которые ему предстояло продолжить и постараться успешно завершить. Вот такая вырисовывалась картина.

В 1764 году начальник Охотского и Камчатского края полковник Плениснер направил сержанта Степана Андреева исследовать Медвежьи острова, с одного из которых, как впоследствии докладывал Андреев, «в восточной стороне,

едва чуть видеть, синь синеет, или назвать какая чернь: что такое, земля или море, о том в подлиннике обстоятельно донести не умею». Это свидетельство Андреева в какой-то мере подтвердило, что рассказы чукчей о существовании где-то напротив Колымы в море большой земли имеют под собой какое-то основание. Предпринятая сержантом Андреевым через год попытка добраться по льду до этой земли не увенчалась успехом.

Спустя пять лет геодезисты Леонтьев, Лысов и Пушкарёв снова пытались с Медвежьих островов проникнуть по льдам возможно дальше на север и восток, но также никакой земли не усмотрели.

Однако, несмотря на эти неудачи, поиски не прекращались. После морской экспедиции Биллингса и Сарычева в 1785—1793 годах, которой тоже ничего не удалось выяснить, исследователь Новосибирских островов ссыльный чиновник Геденштром весной 1810 года, пока еще лед у берегов был достаточно крепок, отправился на поиски таинственной земли. Увидеть ее ему не удалось, но записи, сделанные путешественником, говорили о том, что она близка: «1 мая видели мы стадо гусей, летевших на северо-северо-запад, и белого филина. На севере поднимались облака. Глубина морская, измеряемая мною в щелях, постепенно уменьшалась. Все сие доказывало близость земли. Но скоро нашли мы непреодолимые препятствия к продолжению пути нашего».

Таковы были сведения, дававшие богатую пищу для размышлений и совместных бесед Врангелю и Матюшкину, пока они в течение почти восьми месяцев добирались до Нижне-Колымска.

По прибытии на место в феврале 1821 года экспедиция приступила к исследованиям, предписываемым инструкцией Адмиралтейского департамента.

Сначала был пройден маршрут от устья реки Колымы до мыса Шелагского, а затем начались поиски земли, которую не удалось обнаружить всем их предшественникам.

Четырежды Врангель, Матюшкин и немногочисленные их спутники отправлялись по льдам от материка на север. Каждый раз они выбирали разные отправные пункты: от устья Колымы, от мыса Баранов Камень, от Шелагского мыса. Они шли вместе, потом разделялись на партии, затем снова соединялись. На 215, на 250 километров удалялись исследователи от сибирских берегов в Северный Ледовитый океан, рискуя каждый час быть отрезанными от материка

большими разводами. Запасов пищи не хватало, они терпели голод и холод, но упорно, насколько это позволяла ледовая обстановка, продвигались вперед.

С каждым разом уверенность в том, что земля существует где-то поблизости, укреплялась в них, хотя они не видели ее воочию.

Во время четвертого, последнего похода, предпринятого ими от самой восточной точки — мыса Шелагского, путешественники встретились с чукчами и стали их расспрашивать, не слыхали ли те о лежащей в море земле.

Сведения, полученные во время этой беседы, вселили в исследователей новые надежды, и они, пренебрегая предстоящими трудностями, отправились на север по льдам.

На этот раз им удалось достигнуть семидесятого градуса пятьдесят первой минуты северной широты. Дальше продвигаться было невозможно — впереди простиралась огромная полынья. «Мы влезли,— вспоминал впоследствии Врангель,— на самый высокий из окрестных торосов в надежде найти средство проникнуть далее, но, достигнув вершины его, увидели только необозримое море. Величественно-ужасный и грустный для нас вид! На пенящихся волнах моря носились огромные льдины и, несомые ветром, набегали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала лежащую... С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природой препятствия исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться. Должно было отказаться от цели, достигнуть которой постоянно стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и опасности».

В Нижне-Колымске их ожидало предписание, присланное из Адмиралтейского департамента, в котором говорилось, что работы надлежит прекратить и возвращаться в Петербург. Врангель и Матюшкин занялись приведением в порядок всех записей. Они оживленно обсуждали итоги экспедиции и особенно последнего похода.

— Я совершенно убежден, что земля, которую мы с таким тщанием искали, существует,— с уверенностью говорил Фердинанд Петрович, просматривая свои дневниковые записи.— Только, по моему разумению, она лежит несколько восточнее тех мест, где мы ее искали все эти годы.

— Совершенно разделяю ваше мнение,— соглашался с ним Матюшкин, задумчиво глядя на вычерченную карту сибирского побережья от устья Колымы до Колючинской

губы.— Есть все основания верить встреченным нами чукчам, которые утверждали, что в ясные дни летних месяцев с мыса Якан они неоднократно наблюдали далеко в море очертания гористой земли.— Он хлопнул себя по лбу.— А помните, Фердинанд Петрович, я рассказывал вам, что при посещении ярмарки в селении Островном на Анюе слышал от пришлых чукчей нечто похожее на то, что рассказывали эти. Нет, дыма без огня не бывает, Фердинанд Петрович, земля эта есть и ждет своего открывателя.

— Только не нас с вами, Федор Федорович,— сокрушенно откликнулся Врангель.— Предписание, полученное из Адмиралтейского департамента, обязывает нас свернуть работы. А ведь мы могли бы в будущем году еще раз попытаться продолжить поиски, но, быть может, с бóльшим успехом. Ведь если бы не эта чертова полынья, мы бы с вами добрались до земли...

— Уверен в этом,— убежденно подхватил Матюшкин.— Однако, Фердинанд Петрович, у нас нет причин столь огорчаться. Мы сделали все возможное, а что касается описания берегов сибирского побережья, то в этом отношении Адмиралтейский департамент не может предъявить нам особых претензий. Взгляните на карту. Она, на мой взгляд, достаточно подробна и выполнена с примерным тщанием.

Врангель в знак согласия кивнул головой, продолжая перелистывать свои записи.

— Я полагаю, Федор Федорович,— после непродолжительного молчания сказал он,— что мы с полным правом можем нанести эту землю на карту вот здесь.— Он подошел к Матюшкину. Тот, рассматривая составленную ими карту сибирского побережья, указал на ней точку.— Вот здесь, прямо напротив мыса Якан, выступающего в море между Чанской губой и мысом Ир-Карпий*. Поставьте здесь кружок, Федор Федорович, и сделайте надпись: «Горы видятся с мыса Якан в летнее время». Как вы считаете, справедливо ли это будет?

— Мнится, что это не будет преувеличением,— не задумываясь, ответил Матюшкин.— Ведь мы с вами вполне уверены, что земля там имеется.

— Но как бы хотелось удостовериться в том своими собственными глазами,— со вздохом сожаления произнес Врангель.

* Мыс Ир-Карпий — ныне мыс Шмидта.

Экспедиция Врангеля была последней санной экспедицией, посланной на поиски таинственной земли, лежащей в Северном Ледовитом океане.

А спустя сорок с лишним лет именно в том месте, где исследователи поставили кружок на своей карте, был открыт остров, названный именем Врангеля в память о его трудах и заслугах.

В поисках Северо-западного прохода

В этот туманный лондонский день кабинет в доме по улице Брук, принадлежащем Джону Франклину, был полон клубами табачного дыма. Хозяин и его собеседник, старый друг и соратник по арктическим плаваниям капитан Вильям Эдвард Парри, беспрерывно дымя пенковыми трубками, предавались воспоминаниям о далеком и близком прошлом, когда они

порознь и вместе участвовали в экспедициях, снаряженных для поисков Северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий вдоль арктических берегов Америки.

Угрюмое, печальное выражение не сходило с лица Франклина. Он с горечью говорил, обращаясь к старому товарищу:

— Сколько лет потеряно! После плаваний 1819—1822 годов, во время которого нам удалось обследовать значительную часть канадского побережья, мне довелось еще лишь раз побывать в тех местах. Вы помните, сэр Вильям?! Это было...

— Это было в 1825 году,— весело подхватил Парри, и глаза его загорелись.— О, тогда было задумано грандиозное предприятие! Тройная экспедиция! Я и Бичи шли морским путем, а вы, Джон, от устья реки Маккензи должны были направиться к северу Аляски по сухопутью. И где-то там мы все должны были встретиться.

— Увы,— вздохнул Франклин,— встреча наша не состоялась. Но я не испытывал сожаления, поскольку было совершено немало важных открытий, и глубоко убежден, что

надлежало продолжать поиски Северо-западного прохода с не меньшим рвением, чем это делалось прежде, а между тем...

— Такого же мнения придерживался и distinguished секретарь Адмиралтейства сэр Джон Барроу, — меланхолически заметил Парри. — Но даже он, при всей присущей ему энергии и силе убеждения, не смог доказать лордам Адмиралтейства необходимости продолжения поисков.

Франклин снова тяжело вздохнул.

— И вместо того, чтобы готовить новую экспедицию в арктические воды Америки, я очутился сначала в средиземноморской эскадре, а затем, — он желчно усмехнулся, — меня, моряка до мозга костей, отлучили от моря, от флота и сделали администратором. Вы можете себе это представить, дорогой Вильям? Джон Франклин — губернатор Тасмании?!

Парри сочувственно улыбнулся и развел руками:

— Это, конечно, не совсем то, Джон, о чем вы мечтали. Но вы и на этом поприще сделали немало полезного.

— Вот как? Вы так полагаете? — со злой иронией произнес Франклин. — Не потому ли после бесчисленных столкновений с чиновниками и владельцами земельных участков я был отозван в Лондон, где мне выразили чрезвычайное неудовольствие моими действиями.

— Не придавайте этому значения, любезный друг, — успокаивал его Парри. — Вы должны радоваться, что возвратились в Лондон и вновь среди своих друзей. Представляю, как счастливы ваша жена Джейн и дочь, оказавшись вновь дома.

— Увы, — прошептал Франклин, — разве дело в Тасмании и в неудавшемся губернаторстве? Я сожалею о бессмысленно прожитых годах, которые могли быть использованы куда более плодотворно, во славу Англии. — Он расправил плечи, выпрямился, глаза его вспыхнули на мгновение. — Дорогой мой Парри, ведь я еще полон сил, хотя мне уже пятьдесят девять лет, и готов хоть сейчас пуститься в любое плавание, чтобы продолжить исследования, начатые нами шестнадцать лет назад... — Голова его вновь поникла после кратковременной вспышки, и он печально закончил: — Но, видно, песенка моя спета, и мне остается коротать оставшиеся годы у камина, живя одними воспоминаниями.

— Не слишком ли вы торопитесь записать себя в резерв, сэр Джон? — улыбнулся Парри, попыхивая трубкой и многозначительно поглядывая на своего старого друга. — Кстати, вы слышали последнюю новость?

— Что за новость? — без особого интереса отозвался Франклин.

— Наш старый друг Джон Барроу вновь поднял в Адмиралтействе вопрос о снаряжении экспедиции на поиски Северо-западного прохода...

— Вы не шутите, Парри?! — вскричал Франклин, мгновенно выйдя из состояния апатии и вскочив с кресла.

— Нисколько, сведения абсолютно верные, — невозмутимо продолжал Парри. — Более того, есть основания надеяться, что предложение его будет принято, и тогда...

— И тогда, — прервал его Франклин, бегая по кабинету в возбуждении, — без меня эта экспедиция не отправится, клянусь в этом честью!

— Успокойтесь, мой друг, успокойтесь, — пряча улыбку, заметил Парри. — Добиться этого вам будет не так легко. Не забывайте, что ваш возраст может оказаться препятствием...

— Вы меня плохо знаете, дорогой Вильям, — весело ответил Франклин. От недавнего уныния и апатии его не осталось и следа. — Им не удастся от меня отделаться. Джейн! Джейн! — закричал он громовым голосом, каким привык командовать на корабле. — Иди сюда! Я должен тебе кое-что сообщить!

В кабинет вошла миловидная, молодая женщина и с тревогой спросила:

— Что случилось, Джон? Ты так громко закричал, что мне стало не по себе. Какая-нибудь неприятность?

— Напротив, Джейн, — радостно ответил Франклин, не понижая голоса. — Ты только послушай, что говорит этот старый морской волк! Нет, ты и вообразить не можешь, какую счастливую весть он принес!

— Я вам очень благодарна, сэр Вильям, за то, что вы преобразили моего мужа, — ласково произнесла Джейн, улыбаясь Парри. — Из мрачного затворника он превратился в веселого и жизнерадостного человека, каким бы мне хотелось видеть его всегда. Я не знаю причины такой метаморфозы, но...

— Ха! Ха! Ха! — рассмеялся Франклин, подходя к жене и целуя ей руку. — Причина! Причина настолько существенна, что ее хватило бы на нескольких Джонов Франклинов! Но я молчу. Пусть говорит Парри.

— Дело в том, леди Джейн, — спокойно пояснил Парри, — что в Адмиралтействе решается вопрос об экспедиции к берегам американской Арктики и...

— И Джон, несомненно, рассчитывает, что руководство этой экспедицией будет поручено ему?..— с тайным вздохом закончила мысль Парри Джейн.— Теперь я понимаю, почему мой муж так возбужден. Я буду рада за тебя,— продолжала она, обращаясь к Франклину,— если надежды твои сбудутся. Иначе ты зачахнешь на моих глазах от тоски и бездеятельности. Но подумай, Джон, милый, ведь ты уже не молод...

— Я молод, дорогая Джейн, я снова молод! — вскричал Франклин.— И я немедленно отправляюсь в Адмиралтейство к Джону Барроу. Прикажи, дорогая, подать мой мундир и шляпу. Старый товарищ, вы со мной?

Парри кивнул головой, и через несколько минут они уже выходили из дому, оживленно разговаривая.

Джон Барроу встретил Франклина приветливо. Несмотря на свои восемьдесят лет, он выглядел бодрым и энергичным.

— Я знал, что вы появитесь в Адмиралтействе, как только вам станет известно об экспедиции,— с улыбкой произнес он, после того как они обменялись приветствиями.— Ваш характер мне хорошо известен, старина. Вы намерены предложить Адмиралтейству свои услуги?

— Я не мыслю, чтобы это плавание осуществилось без моего участия,— твердо сказал Франклин, и глаза его сверкнули молодым задором.— И надеюсь, сэр, на вашу поддержку во всех инстанциях, а их, я знаю, немало.

Барроу покачал с сомнением седой головой и ответил:

— Не обо мне речь, дорогой сэр Джон. Боюсь, ваша кандидатура встретит оппозицию у лордов Адмиралтейства из-за возраста,— поспешил добавить он, видя, как помрачнело лицо собеседника.— Всем хорошо известны ваши способности, опыт, заслуги.

— Он умрет с тоски, если не примет участия в предприятии,— шепнул Барроу Парри и громко сказал: — Мне думается, лучшей кандидатуры на пост руководителя экспедиции не найти.

— Я всецело согласен с вами, сэр Вильям,— решительно сказал Барроу,— и попрошу вас подтвердить вашу точку зрения перед лордами Адмиралтейства. Ваше слово для них будет иметь не последнее значение. Предоставьте действовать мне, Франклин, дружище, и терпеливо ждите решения. Ожидать вам придется недолго — с отправкой экспедиции медлить нельзя.

19 мая 1845 года «Эребус» и «Террор», два корабля экспедиции, оставили Лондон и направились вниз по Темзе. Кораблями командовали Фрэнсис Крозье и Джеймс Фицджеремс, возглавлял экспедицию Джон Франклин, буквально вырвавший в Адмиралтействе согласие на участие в плавании.

Экспедиция насчитывала 129 опытных моряков, спаянных единым желанием во что бы то ни стало довести начатые еще триста лет назад поиски Северо-западного прохода до конца. Это были все люди, не раз ходившие в северные моря и хорошо знавшие, что их там может ожидать.

До острова Диско у берегов Гренландии экспедицию сопровождал транспорт, нагруженный топливом и продовольствием для кораблей экспедиции. У острова Диско предстояло произвести перегрузку.

14 июля «Эребус» и «Террор», полностью снаряженные в далекий путь, обеспеченные пятилетним запасом провианта, покинули остров и взяли курс на запад, а транспорт повернул назад, в Англию, везя письма моряков и дневниковые записи Франклина, адресованные его молодой жене.

Прошло три года. Никаких известий от экспедиции не поступало, если не считать газетного сообщения, опубликованного примерно через четыре месяца после отплытия кораблей Франклина от острова Диско. В этом сообщении приводились выдержки из судового журнала китобойного судна «Принц Уэльский», где говорилось, что в конце июля корабли Франклина были встречены у бухты Мелвилл и что в экспедиции все обстояло благополучно.

Трехлетнее отсутствие каких-либо сведений об экспедиции Джона Франклина вселило во многих тревогу за ее судьбу, и все громче начали раздаваться голоса о необходимости организации поисков пропавших кораблей. На этом настаивали все, кто был близок к делам Адмиралтейства и знал, с какой целью отплыла экспедиция, и, конечно, в первую очередь Джейн Франклин, которая не могла и не хотела смириться с мыслью, что ее горячо любимый муж и его верные спутники погибли во льдах Арктики.

С 1848 по 1889 год чуть ли не сорок экспедиций были направлены к Северо-Американскому арктическому архипелагу с востока, запада и юга на поиски пропавших без вести исследователей. Прошло много лет бесплодных исканий. За это время были сделаны важные открытия в этом обширном районе.

Один из участников розысков, лейтенант Хобсон, оказавшись на северо-западном берегу Земли короля Уильяма, случайно обнаружил запечатанную бутылку. Находка эта чрезвычайно взволновала лейтенанта: неужели ему посчастливилось найти то, что безрезультатно искали многие годы? Неужели эта бутылка — след бесследно исчезнувшей экспедиции Джона Франклина?

Дрожащими от нетерпения руками он вытащил пробку и извлек из бутылки лист бумаги. Развернув его, Хобсон принялся жадно читать написанный от руки текст:

«— 25 апреля 1848 г. Корабли ее величества «Террор» и «Эребус» были покинуты 22 апреля в пяти милях к северо-северо-западу от этого места, где они были скованы льдами с 12 сентября 1846 года. Офицеры и команда, всего 105 душ, под начальством Ф. Р. М. Крозье высадились здесь под 69°37'42" северной широты и 98°41' западной долготы.

Сэр Джон Франклин скончался 11 июня 1847 года...»

В записке приводилось краткое описание плавания, зимовки на острове Бичи, второй зимовки среди льдов, длившейся около двух лет. Она была подписана капитанами кораблей Крозье и Фицджером. Далее следовал короткий постскриптум: «Мы отправляемся завтра, 26-го, к реке Бекс-Фиш».

Да, предчувствие не обмануло лейтенанта Хобсона. Он обнаружил пока единственный след экспедиции Франклина, и ему первому стала известна горестная правда.

Джон Франклин скончался! Ушел из жизни, так и не осуществив, видимо, своей мечты! А что же остальные? Неужели и их постигла участь руководителя экспедиции и они погибли все до одного в неравной схватке с голодом и холодом?

Да, ни один из ста двадцати девяти человек, отправившихся в 1845 году из Англии, не вернулся. Но найденная лейтенантом Хобсоном бутылка была не единственным следом этой трагически погибшей экспедиции. Другие поисковые партии не без труда нашли и иные свидетельства разгравшейся в американской Арктике драмы. А тамошние жители — эскимосы при расспросах вспоминали, что некогда видели странных существ, отдаленно похожих на людей, друг за другом ковылявших по снегу. Вероятно, это были люди из экспедиции Франклина, дошедшие до последней степени изнеможения.

Поиски следов этой экспедиции продолжались и в нашем столетии. В 1930 году майор Бэруэш на самолете прилетел

на остров Короля Уильяма и обнаружил там остатки лагерь моряков, пешком двигавшихся к материку.

Экспедиция Джона Франклина погибла вся до единого человека, ненадолго пережив своего руководителя, стремившегося до последней секунды своей жизни к познанию истины, к открытию Северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий. Он погиб, почти достигнув цели. Почти! Оставалось совсем немного сделать, чтобы выйти в Тихий океан. Но суровая природа Арктики воздвигла столь непреодолимые препятствия, что люди оказались бессильными им противостоять и погибли в борьбе с ними, хотя в их отваге, выдержке и мужестве никто не посмел бы ни на минуту усомниться.

И нет ничего удивительного в том, что имя Джона Франклина навеки запечатлено на географических картах американского арктического севера.

Его славное имя носит Канадско-Арктический архипелаг, оно присвоено проливу между Бутия и Землей Принца Уэльского.

А на острове Бичи, где Франклин и его спутники провели свою первую зимовку, лежит мраморная плита с надписью:

ПАМЯТИ ФРАНКЛИНА, КРОЗЬЕ, ФИЦДЖЕМСА

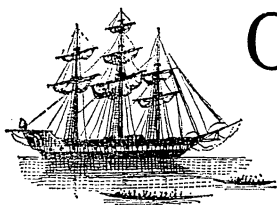
и всех их доблестных товарищей, офицеров и сослуживцев, пострадавших и погибших за дело науки и во славу родины. Этот памятник поставлен близ места, где они провели первую полярную зиму и откуда выступили в поход, чтобы преодолеть все препятствия или умереть.

Он свидетельствует о памяти и уважении их друзей и соотечественников и о скорби, утешаемой верою, той, которая в лице начальника экспедиции утратила преданного и горячо любимого друга...

1855 г.

Мраморная плита эта была установлена на средства безутешной вдовы погибшего Джона Франклина Джейн Франклин.

Второе открытие Соломоновых островов

Одинокий корабль, влекомый попутным ветром, быстро удалялся от берегов Франции. Стояли первые дни ноября 1766 года, осеннее небо грозно хмурилось, предвещая непогоду, океан волновался, ударяясь волнами о борт судна и как бы предупреждая мореплавателей о грядущих опасностях. Однако командира корабля капитана первого ранга Луи Антуана де

Бугенвиля, по-видимому, нисколько не смущало такое начало плавания — он оживленно беседовал с вахтенным офицером лейтенантом Бурнаном, не обращая ни малейшего внимания на все эти тревожные признаки.

— Вообразите, лейтенант, — блестя глазами, говорил Бугенвиль, заново переживая недавние события, предопределившие его назначение. — Это было столь неожиданно и великолепно, что я до сих пор не могу полностью отдать себе отчет в своих чувствах. Одно могу сказать, что я чертовски счастлив.

— Как и все мы! — подхватил лейтенант. — Но каким образом все это произошло? — с нескрываемым любопытством спросил он.

— О, нет ничего проще пересказать разговор, которым меня удостоил герцог де Шуазель, министр иностранных дел его величества короля Франции. Вдруг — представляете мое удивление? — этот могущественный вельможа, пользующийся неограниченным доверием нашего государя Людовика XIV, присылает за мной курьера! — Бугенвиль расхохотался от избытка чувств. — Курьер герцога застаёт меня еще в постели и передает настоятельное желание своего господина видеть вашего покорного слугу у себя, и притом безотлагательно. Каково! Разумеется, я немедленно отправился во дворец герцога и был принят им вне очереди, хотя в приемной толпились десятки людей, среди которых немало было из знати.

— Любезный де Бугенвиль, — доверительным тоном обратился ко мне министр, весьма снисходительно ответив на мой почтительный поклон. — Наш государь знает и весьма высоко ценит ваши заслуги перед Францией как ученого,

сочинителя «Трактата об интегральном исчислении», как дипломата, успешно служившего французским интересам в Лондоне, как боевого офицера, бесстрашно сражавшегося под знаменами маршала Монкальма в Канаде и на берегах Рейна, наконец, как человека, способствовавшего колонизации Малуинских островов*.— Здесь герцог сделал паузу и пристально посмотрел куда-то выше моей головы. Я скромно поклонился, тщетно ломая себе голову над тем, каково будет продолжение разговора.— Все эти ваши достоинства и качества,— вновь заговорил мой сановный собеседник,— побудили его величество, по моему совету, остановить свой выбор на вас как на офицере, который наиболее успешно сможет выполнить его предназначения...

Я снова поклонился и начал было благодарить за оказываемое мне доверие, но герцог, усмехнувшись, перебил меня:

— Не спешите, капитан, прежде узнайте, что намерены вам поручить.

— О, ваша светлость,— с искренним жаром воскликнул я.— Это не имеет никакого значения! Для меня великая честь, что вы, ваша светлость, и сам король сооблаговостили вспомнить о моем существовании и столь высоко оценили мои скромные заслуги!

Герцог одобрительно улыбнулся, ибо был не чужд лести, как все сильные мира сего, и доверительно сказал:

— Уверяю вас, капитан, что вы не будете разочарованы, когда узнаете, какое предприятие вам предстоит возглавить.

— Я весь к вашим услугам, монсеньор,— почтительно, но с достоинством поклонился я.

— Тем лучше, капитан, тем лучше,— кивнул головой герцог.— Итак, перейдем к существу дела. Его величество повелел снарядить фрегат «Будез», который должен направиться к Малуинским островам для передачи их под высокую руку испанского короля, а затем с присоединившимся транспортным судном «Этуаль» продолжить плавание в Южном море между тропиками до самой Ост-Индии, чтобы обогатить науку знаниями, полезными Франции и всему человечеству. Осведомленный о ваших ученых трудах, равно как и о достоинствах ваших в мореходстве, король сооблаговостили считать вашу кандидатуру на роль командира кораб-

* Ныне эти острова называются Фолклендскими.

ля и главы экспедиции наиболее подходящей, а для повседневной помощи в научных исследованиях, кои вам надлежит производить, повелел направить в плавание врача-натуралиста Коммерсона, астронома Веррона и инженера Роменвиля. Это все знающие свое дело люди, и я полагаю, что они будут способствовать успеху экспедиции.

Он снова сделал паузу и взял понюшку табаку. А я тем временем осмысливал только что услышанное, все еще не веря, что мне привалила такая фортуна. Надеюсь, вы понимаете мое состояние, Бурнан?

— Еще бы, капитан,— воскликнул лейтенант.— Я бы, наверно, не удержался и пошел бы в пляс!

Бугенвиль добродушно похлопал по плечу своего молодого подчиненного и продолжал свой рассказ:

— Между тем герцог вновь заговорил о том, что наряду с научными наблюдениями и исследованиями, которые мы будем проводить, мы не должны забывать, что представляем прекрасную и могущественную Францию, интересы которой должны быть всегда на первом плане. А интересы эти состоят в открытии и приобретении новых земель взамен тех, которые мы потеряли в войне с англичанами. Я заверил его, что не только понимаю, но и вполне разделяю те чувства, которые он изволил выразить так кратко и красноречиво. Я сказал, что его величество может быть вполне уверен во мне и моих будущих подчиненных, что мы сделаем все для приумножения славы и величия прекрасной Франции.

— Ступайте, Бугенвиль,— с удовлетворением произнес министр, делая знак рукой, что аудиенция окончена.— Поспешите в Нант, где вас ждет фрегат (все необходимые распоряжения уже отданы), и, как только все будет готово к отплытию, отправляйтесь в путь. И да хранит вас бог.

Я сделал глубокий поклон и удалился не спеша, хотя мне хотелось бежать вприпрыжку, как ребенку, которому сделали подарок. Вот и все.

Бугенвиль улыбнулся и, взяв под руку лейтенанта, прошелся с ним по палубе, не говоря больше ни слова. Лейтенант тоже молчал, не решаясь нарушить ход мыслей командира. Наконец ему стало невмоготу, и он спросил Бугенвиля:

— Будут ли какие-нибудь дополнительные распоряжения?

Бугенвиль покачал головой, продолжая улыбаться.

— Никаких, кроме уже полученных вами. Я покидаю

вас и ухажу к себе поработать с бумагами. Прошу без крайней надобности меня не беспокоить.

Он спустился к себе в каюту и, расположившись в кресле, углубился в изучение полученных инструкций.

Со дня отплытия фрегата «Будез» из Нанта миновало около полутора лет. За это время был пересечен Атлантический океан, переданы испанцам Малуинские острова, как это предписывала инструкция, полученная от герцога де Шуазеля, состоялась встреча в Рио-де-Жанейро с транспортным судном «Этуаль», остался позади Магелланов пролив и флотилия вышла на просторы Тихого океана, где по мере продвижения на запад были открыты острова в архипелаге Туамоту, архипелаг Навигаторов* и группа островов, названных мореплавателями Большими Цикладами. От этих островов через пролив, названный именем Бугенвиля, корабли вышли в Коралловое море, но, повстречав на пути Большой Барьерный риф, вынуждены были повернуть на север и вскоре очутились среди множества больших и малых островов, не обозначенных на существующих картах. Обилие рифов и подводных скал делало плавание чрезвычайно опасным, и только искусство офицеров и безукоризненная работа экипажей позволяли избегать кораблекрушения.

На рассвете 10 июля 1768 года взорам мореплавателей открылась земля. Пологая равнина, разделенная долинами и рощами, начиналась от берега моря и амфитеатром поднималась до самых гор, вершины которых терялись в облаках. Горы тянулись тремя ярусами, и самая высокая горная цепь отстояла от берега довольно далеко. На северо-западе в утренней дымке виднелись очертания других островов.

Из-за безветрия корабли долгое время не могли продвигнуться в сторону виднеющихся земель, и только в конце месяца подошли к высокому побережью, тянущемуся на север. Вновь увиденный берег был почти недоступен, так как горы поднимались от самого моря и густо поросли лесом.

Бугенвиль решил не высаживаться на этом острове, которому он дал имя министра Людовика XIV герцога де Шуазеля, и продолжал следовать прежним курсом.

Прошло не более часа, как за кормой скрылись контуры острова Шуазель, а впереди уже показалась новая земля. Было два часа пополудни. Бугенвиль, лейтенант Бурнан и астроном Веррон стояли на верхней палубе и с интересом

* Ныне архипелаг Самоа.

сводили за проплывавшим мимо берегом. Он был более низким, чем на предыдущих островах. Многочисленные долины, прорезавшие его, были покрыты зарослями кокосовых пальм и деревьями других пород, среди которых можно было разглядеть то тут, то там хижины островитян.

— Взгляните, капитан, — вскричал вдруг лейтенант Бурнан. — К нам направляются три пироги, полные туземцев. Не следует ли принять меры предосторожности?

Бугенвиль кивнул головой, давая понять, что он тоже обратил внимание на подплывающие лодки.

— Этот остров, мне кажется, значительно населеннее, чем прежние, — отрывисто сказал он. — Предупредите команду, шевадьере, чтобы все были настороже на случай возможного нападения.

— Вряд ли ваше замечание, капитан, относительно населенности острова соответствует истине, — вступил в разговор Веррон, невольно следуя взглядом за приближающимися пирогами. — Вернее предположить, что на островах, встреченных нами ранее, жители ютятся в горах и лесной чаще, и поэтому мы не имели возможности видеть их селения.

— Возможно, Веррон, вы и правы, — согласился Бугенвиль, продолжая внимательно наблюдать за пирогами, которые остановились на расстоянии ружейного выстрела от кораблей. — Странно, почему они не подплывают ближе? Лейтенант, распорядитесь, чтобы кто-нибудь из экипажа дал понять этим чернокожим, что мы явились с самыми мирными намерениями.

Лейтенант Бурнан подозвал боцмана и отдал приказание, но прошло не менее часа, прежде чем островитяне, уяснив, что им ничего не угрожает, решились приблизиться к кораблям.

Теперь их можно было как следует рассмотреть. В каждой пироге находилось по пять-шесть мужчин, совершенно голых. Короткие курчавые волосы у некоторых были окрашены в красный цвет, на черных лоснящихся телах виднелись белые пятна, в проколотых ушах торчали деревянные украшения. Островитяне поднимали высоко вверх кокосовые орехи и вразнобой, так, что сначала трудно было разоб-
рать, кричали: «Бука, бука, онелле!»

Бугенвиль пожал плечами и приказал бросить в пироги несколько безделушек, рассчитывая таким жестом завоевать доверие обитателей острова. Подарки вызвали оживление среди островитян. О чем-то посовещавшись, они сделали знак, что вскоре возвратятся, и отплыли к берегу.

— Я не знаю, что означают их возгласы «бука, буква, онеллэ», — развел руками Веррон, — могу лишь предположить, что они называют кокосовые орехи, но так ли это или иначе, мне пришла в голову мысль...

— Готов поклясться, что я ее угадал, — с улыбкой перебил его Бугенвиль.

— Наверяд ли, — усомнился Веррон. — Впрочем, слушаем.

— Вы намерены были предложить наименовать этот остров словом, наиболее часто повторяющимся в их возгласах. Остров Бука, так вы хотели его назвать, не правда ли?

— Вы просто чародей, капитан, — с веселым изумлением воскликнул астроном. — Вы прочитали мои мысли с такой легкостью, будто они ваши собственные!

— Вероятно, мне это удалось сделать потому, что наши мысли просто совпали в данном случае, — расхохотался Бугенвиль. — Будь по-вашему, Веррон. Принимаю ваше предложение...

— Не мое, а наше, — поправил его астроном.

— Хорошо, пусть это будет наше совместное предложение. Итак, решено, называем эту землю островом Бука.

Веррон удовлетворенно кивнул и, хитро посмотрев на капитана, сказал:

— Но у меня мелькнула еще одна мысль, и, прежде чем ее изложить, я предоставляю вам возможность снова угадать ее.

— Это уж слишком, Веррон, — шутливо запротестовал Бугенвиль. — Читать все ваши мысли — такого обязательства я не давал.

— Ну что же, — быстро согласился Веррон, — попробую обойтись без вашей помощи. Видите ли, еще несколько дней назад, производя астрономические наблюдения, я подумал: а что если не мы первые из европейцев видим эти земли...

— То есть как это не мы первые? — удивленно переспросил Бугенвиль, — перебивая астронома.

— Да, да, не мы, — повторил Веррон, — а возможно, испанцы. Вы помните, очевидно, историю с Соломоновыми островами, открытыми экспедицией испанца Альваро Менданьи в 1568 году к югу от экватора, где-то между восьмым и двенадцатым градусами южной широты. Это было двести лет назад, и с тех пор никому из мореплавателей не удалось обнаружить эти острова, хотя попыток предпринималось немало. Ведь Менданья, возвратившись из плавания, упорно твердил, что он открыл страну Офир, по библейско-

му преданию, несметно богатую золотом и драгоценными камнями.

— К великому сожалению, сведения о местонахождении Соломоновых островов в сообщении Менданьи настолько скупы и неопределенны, что нам просто не за что ухватиться, чтобы проверить ваши предположения, милый Веррон, — с сомнением покачал головой Бугенвиль, окидывая рассеянным взглядом виднеющийся в отдалении остров.

— И все же, по моим расчетам, мы как раз находимся в том районе, где следует искать эти острова, — настойчиво повторил астроном.

— Хотелось бы этому верить, — с сомнением, которое было несколько поколеблено уверенностью Веррона, заметил Бугенвиль. — Впрочем, возможно, вы и правы. Однако утверждать, что открытые нами острова — Соломоновы, я, право, не возьмусь и оставляю это на вашей совести, мой друг. Вот что мы с вами сделаем: пройдем ко мне и взглянем на карту, вы покажете мне свои расчеты, и мы еще раз поразмыслим над вашими весьма любопытными предположениями.

Французская экспедиция, продолжая плавание, повернула на запад. Запасы провианта были на исходе, и после бесплодных попыток пополнить их на острове Новая Британия направилась к Молуккским островам, а затем к острову Ява.

Дальнейший путь кораблей лежал через Индийский океан и далее вокруг мыса Доброй Надежды к берегам Франции.

16 марта 1769 года фрегат «Будез» (второй корабль задержался в пути для ремонта) вошел в порт Сен-Мало, что на западе Франции. Первое французское кругосветное плавание успешно завершилось.

Это плавание ознаменовалось рядом открытий в экваториальной части Тихого океана, результатом его явились весьма ценные наблюдения, как астрономические и метеорологические, так и океанологические, а также зоологические и ботанические коллекции, собранные участниками экспедиции.

Как подтвердилось впоследствии, экспедиция Бугенвиля действительно повторно открыла Соломоновы острова, крупнейшему из которых было присвоено имя замечательного французского мореплавателя. А названия двух других островов — Шуазель и Бука можно и сейчас найти на географической карте.

Загадка Небесных гор

На небе не видно было ни единого облачка. Голубизна небосвода спорила с морской лазурью, которую ласкали животворные лучи средиземноморского солнца.

Неаполитанский залив, еще пустынный в этот ранний утренний час, был хорошо виден двум путникам, медленно взбиравшимся по склону Везувия.

Один из них, молодой человек лет двадцати пяти — тридцати, в котором по одежде нетрудно было распознать иностранца, то и дело останавливался, поднимал разбросанные по склону в изобилии осколки породы и тщательно их рассматривал, делая на ходу какие-то пометки в записной книжке. Второй, пожилой мужчина, типичный неаполитанец, служивший первому проводником, с нетерпением, которого не пытался даже скрыть, переминался с ноги на ногу, пока его спутник занимался своими изысканиями.

— Никак не возьму в толк, синьор Пьетро, — не выдержал наконец он. — Зачем вам все это? Вот уже двенадцатый раз мы с вами поднимаемся к кратеру вулкана. И каждый день одно и то же: рассматриваете камни, трещины, кратер!

— Не удивляйся, друг Луиджи, — последовал ответ. — Все это для меня чрезвычайно важно.

— Чудной вы народ, ученые! Все время чего-то ищете, копаетесь, а красоты настоящей не замечаете. Сейчас бы не здесь вам быть, а на лодке... в заливе... слушать неаполитанские песни...

— Некогда, Луиджи, некогда мне развлекаться, — рассеянно ответил молодой ученый. — Успеть бы все как следует рассмотреть, изучить, вот что для меня главное... А там и домой, в Россию, готовиться к экспедиции...

— Куда же это вы собираетесь?

— Далеко, друг мой, очень далеко, за тысячи верст отсюда. В самой глубине Азиатского материка есть такие горы Тянь-Шань, что значит в переводе Небесные. Названы они так за их высоту. Вот туда, в эти горы, я и хочу пробраться.

Луиджи присвистнул от изумления.

— Тысячи верст! Небесные горы! Назовут же люди! А они будут повыше нашего Везувия?

— Намного выше, и сравнивать нельзя, — рассмеялся русский.

— И вы так просто решаетесь туда ехать? — с наивным удивлением спросил проводник.

— Решился, Луиджи, твердо решился, если получу разрешение и денежную помощь, — рассеянно ответил молодой ученый, поглядывая по сторонам. — Но не будем терять времени и последуем дальше, иначе я не успею сделать всего, что задумал...

И они медленно продолжили подъем по склону вулкана.

Что было известно о Центральной Азии европейским географам сто лет назад, в середине прошлого столетия? Почти что ничего.

Да и откуда они могли почерпнуть сведения об этой огромной территории? Ведь единственным источником этих сведений было сочинение немецкого географа Риттера «Землеведение Азии», а этот источник никак нельзя было считать достаточно достоверным, потому что описание внутренних частей Азиатского материка автор сделал не на основании собственных наблюдений или наблюдений современных ему путешественников и исследователей, а по отрывочным данным, почерпнутым им в сочинениях давно минувших времен, написанным миссионерами, проповедовавшими буддийскую религию и занимавшимися наблюдениями лишь попутно.

Так что многое в работе Риттера было весьма предположительным, а о многом ему приходилось лишь догадываться. И естественно, он мог во многом и ошибаться, говоря о расположении того или иного горного хребта, озера, реки или пустыни, их особенностях и происхождении.

Что представляет собой Тибет? Какие хребты и как пересекают Западный Китай? Какие пустыни лежат между горными системами Внутренней Азии и насколько они велики? Кто населяет эту огромную территорию, какие народы? Что представляет собой животный и растительный мир Центральной Азии?

В начале 50-х годов XIX столетия ни на один из этих вопросов никто не взялся бы дать вразумительный ответ.

А что было известно о Тянь-Шане? Очень немного. Имелись скудные сведения о том, что эта горная система имеет большую протяженность и достигает большой высоты, что в глубине ее расположено высокогорное озеро Иссык-Куль, и еще очень немного.

Разве этого было достаточно, чтобы получить ясное представление о Тянь-Шане — горной системе, преграждавшей и в то же время открывавшей путь в глубины Центральной Азии с севера? Как писал один из известных исследователей Центральной Азии русский путешественник Г. Е. Грум-Гржимайло, знания о Тянь-Шане «если не равнялись нулю, то были ничтожны...». И естественно, что географам того времени не оставалось ничего другого, как на основании тех скудных сведений, которыми они располагали, высказывать всевозможные догадки о строении Небесных гор, о величине вершин, о породах, слагающих их, — словом, обо всех вопросах, представляющих для географа интерес.

Так они и поступали, и так появилось сочинение Риттера «Землеведение Азии». А знаменитый немецкий географ Александр Гумбольдт, ознакомившись с древними документами, высказал предположение, что Небесные горы — Тянь-Шань вулканического происхождения.

Тянь-Шань рисовался его воображению горной цепью, изобилующей вулканами, одни из которых курились, время от времени выбрасывая в небо камни, клубы пепла и жидкую огненную лаву, а другие безмолвно поднимали ввысь свои остроконечные вершины — вулканы действующие и вулканы потухшие. Склоны хребта, мыслил он, слагались из вулканических пород — базальтовых и андезитовых лав, а на их поверхности были разбросаны осколки пород и вулканический туф. Однако все это были лишь одни предположения, не более того.

В 1850 году Русское Географическое общество посчитало необходимым перевести на русский язык труд Риттера, но не все сочинение, а только те его части, которые посвящались описанию областей, принадлежавших России или граничивших с нею. При этом было высказано пожелание сделать к переводу необходимые дополнения по новым, более свежим материалам. За исполнение этой нелегкой задачи взялся молодой ученый-географ Петр Петрович Семенов.

Работа над переводом и дополнениями к нему заняла немало времени — несколько лет. И чем дальше она продвигалась, чем глубже Семенов изучал предмет, тем большим интересом он проникался к обширным областям Внутренней Азии. С каждым днем он все больше понимал, что только исследователи, побывавшие в тех краях, исходившие вдоль и поперек пустыни и горные хребты этого пока еще неведомого мира, смогут наконец раскрыть его многочисленные тайны и поведать о них людям.

Да, отправиться туда, в самое сердце Центральной Азии,— вот что нужно делать в первую очередь. Увидеть собственными глазами безбрежные песчаные пустыни, пересекающие их величественные горные цепи, извержения огромных вулканов Тянь-Шаня, посетить Тибет.

Особенно занимал мысли Петра Петровича Семенова Тянь-Шань. Он писал в своих воспоминаниях:

«Манил меня в особенности к себе самый центральный из азиатских горных хребтов — Тянь-Шань, на который еще не ступала нога европейского путешественника... Проникнуть в глубь Азии на снежные вершины этого недостижимого хребта, который великий Гумбольдт считал вулканическим,— вот что казалось самым заманчивым для меня подвигом».

Мысль эта неотступно преследовала Семенова, и, чтобы разрешить свои сомнения и колебания, он счел весьма полезным посоветоваться с Гумбольдтом, тем более что как раз в это время работал над переводом в Берлине.

Престарелый ученый принял своего молодого коллегу очень приветливо и радушно. Он провел его в свой кабинет, усадил в кресло и, расположившись в другом, приготовился слушать, не спуская внимательного взгляда с лица своего собеседника.

— Питая величайшее уважение к вам, вашим знаниям и опыту, господин Гумбольдт,— начал Семенов,— я хотел бы услышать ваше мнение по одному вопросу, который в последнее время меня очень занимает и беспокоит...

— Говорите, коллега, я с вниманием слушаю вас,— приветливо сказал Гумбольдт, видя, что Семенов приостановился,— и, если смогу чем-нибудь быть вам полезен, охотно помогу.

— Несомненно, господин Гумбольдт, на это я очень и очень рассчитываю,— живо подхватил Семенов и продолжал: — Видите ли, чем больше я занимаюсь переводом сочинения господина Риттера, тем больше склоняюсь к мысли, что мое место не здесь, а там... — он неопределенно махнул рукой,— в Азии... Короче говоря, я решил добиваться позволения на организацию экспедиции в Центральную Азию...

— Это же великолепно! — воскликнул Гумбольдт. — Превосходная мысль! И вы думаете, что вам удастся? — Он вопросительно посмотрел на собеседника.

— Для меня бесспорно, что такое предприятие весьма важно для науки, господин Гумбольдт, и я полагаю, что Гео-

графическое общество согласится с моими доводами,— просто ответил Семенов.

— Весьма, весьма соблазнительно,— задумчиво произнес Гумбольдт, и глаза его загорелись.— Но и... трудно. Будь я помоложе,— он махнул рукой,— э, да что там говорить... Заманчивая идея!

— Попытаться надо,— с воодушевлением продолжал Семенов.— Я понимаю, что предприятие нелегкое, места неизвестные, но если как следует подготовиться, то...

— Вы правы, коллега,— перебил его Гумбольдт.— И я буду счастлив, если вам удастся осуществить задуманное...

— Я уже наметил программу подготовки к экспедиции,— воскликнул обрадованный поддержкой Гумбольдта Семенов.— Мне, очевидно, необходимо наглядно себе представить, какого характера есть горы, чем они отличаются друг от друга по внешним формам, какие породы их слагают — словом, все, что касается гор. Для этого я намерен побывать в Швейцарских Альпах, Вогезах, на Гарце.

— Это вам, несомненно, поможет в азиатских горах,— одобрительно заметил Гумбольдт.

— Но это еще не все,— продолжал между тем Семенов, обнаружив, что его знаменитый собеседник столь решительно поддерживает его намерения.— Я должен еще побывать в Италии...

— Но для чего же, мой друг? — удивленно поднял брови Гумбольдт.— Вы намерены обследовать Апеннины?

— Нет, не Апеннины, господин Гумбольдт, но Везувий,— последовал ответ.— Я непременно должен изучить вулканические породы, а если удастся, то и наблюдать извержение вулкана! Ведь вы же сами, господин Гумбольдт, считаете, что Тянь-Шань вулканического происхождения. Как же без изучения вулканических пород я смогу привезти вам из экспедиции образцы, подтверждающие ваши предположения?

— Молчу, молчу, коллега,— улыбнулся Гумбольдт.— Ваши доводы неопровержимы. Полностью одобряю вашу программу и желаю вам успехов. И знаете что?..— он мягко положил руку на колено Семенова.— Я верю, что вам удастся проникнуть туда, куда вы стремитесь. Верю!

Петр Петрович Семенов выполнил свою программу. Он побывал и в Швейцарских Альпах, и в Вогезах, и на Гарце. Он ездил в Италию и поднимался семнадцать раз на Везу-

вий, внимательно изучая строение вулкана, его кратера. Ему посчастливилось увидеть и извержение Везувия.

Теперь можно было возвращаться в Россию. Тем более что работа над переводом и возможными дополнениями к нему подошла к завершению.

В 1855 году Семенов возвратился в Россию, и вскоре первый том Риттера в переводе был издан и стал доступен для русского читателя, а Петр Петрович обратился в Русское Географическое общество с просьбой направить его с экспедицией в Азию, мотивируя тем, что это совершенно необходимо для работы над последующими томами перевода, для их существенного дополнения конкретными наблюдениями.

Экспедиция была разрешена, и весной следующего, 1856 года Петр Петрович Семенов, счастливый в предвкушении того, что ему предстоит сделать, уже направлялся на восток. Сбылась мечта, которую он вынашивал в течение нескольких лет, пока работал над переводом «Землеведение Азии».

Дважды, в 1856 и 1857 годах, отважный исследователь совершил длительные походы в глубь Тянь-Шаня. Он побывал несколько раз на берегах высокогорного озера Иссык-Куль, реки Чу, в верховьях Нарына, поднимался на вершины Тянь-Шаня, достигая такой высоты, где снег не тает даже летом; видел огромные ледники, спускающиеся с могучего горного массива Хан-Тенгри.

Но вот что самое удивительное. Куда бы Семенов ни направлялся, как бы тщательно ни искал, нигде он не наблюдал и следа вулканов. Вокруг теснились вершины, одна другой величественнее и грандиознее, но ни одна из них не дымилась и не выбрасывала из своих недр пламени, газов и обломков. Да и по внешнему виду своему ни одна из вершин не напоминала собой вулкана со всеми присущими ему характерными особенностями.

Как же так? Значит, ни одно наблюдение Семенова не подтверждало предположений Гумбольдта о наличии вулканов в Небесных горах? Рушились представления о вулканическом происхождении Тянь-Шаня, те самые представления, которые были высказаны крупнейшим европейским географом, великим Гумбольдтом, как называл его сам Семенов!

Сомнений не оставалось. Исследования, проведенные Семеновым, свидетельствовали о невулканическом происхождении Тянь-Шаня.

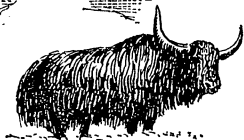
Так было положено начало изучению Внутренней Азии, которое вслед за Петром Петровичем Семеновым продолжи-

ли замечательные русские путешественники и исследователи Пржевальский, Певцов, Козлов, Грум-Гржимайло, Потанин, Роборовский и многие другие. И организатором большинства экспедиций в Азию был Семенов, ставший одним из руководителей Русского Географического общества.

Имя этого замечательного ученого, исследователя, путешественника присвоено хребтам, ледникам, пикам в Средней и Центральной Азии, есть пролив Семенова в Карском море. Но самое главное, пожалуй, состоит в том, что его заслуги в деле исследования Тянь-Шаня были отмечены присоединением к его фамилии определения Тянь-Шанский.

Семенов Тянь-Шанский — так, и только так, он известен всему миру. Это тот редкий случай, когда фамилия исследователя неразрывно связывается с географической областью, которую он изучил, не присвоением его имени этой области, а наоборот.

К крыше мира

В одной из комнат здания Московского университета молодая женщина, склонившись над столом, что-то записывала в толстую книгу. Она была так увлечена своим занятием, что не обратила никакого внимания на вошедшего человека, и продолжала как ни в чем не бывало делать какие-то пометки, заглядывая в лежащие рядом справочники.

— Оленька! — взволнованно сказал вошедший мужчина, положив руки ей на плечи. — Ну оторвись на минутку от своих противных насекомых и удели хоть немного внимания своему мужу. Он, право, этого заслуживает.

— Ты чем-то возбужден, Алеша, — обеспокоенно произнесла молодая женщина, повернувшись к мужу и вглядываясь с тревогой в его лицо. — Что-нибудь случилось? У тебя неприятности?

— Случилось, — торжествующе возгласил тот, кого звали Алешей. Это был Алексей Павлович Федченко. — Причем тут неприятности? Напротив. Все складывается как нельзя лучше для нас. — Он взъерошил свои волосы и подбоченился. — Вообрази! Твой муж удостоился большой чести и дове-

рия. Не далее как несколько минут назад ему сделано предложение! И какое! Нет, не скажу, догадайся сама!

— Но право, я не могу себе представить, — наморщила лоб Ольга Александровна. Она задумалась. — Может быть, какая-то новая заграничная поездка?..

— Почти угадала, — ребячливо воскликнул Алексей Павлович. — Именно поездка. Но какая! — Он торжественно поднял палец. — И куда!

— Неужели? — Глаза Ольги Александровны заблестели. — Неужели твоя мечта близка к осуществлению? Средняя Азия? Да? — Голос ее невольно понизился почти до шепота.

— Да! Да! Да! — трижды повторил Федченко, чрезвычайно довольный произведенным эффектом, затем схватил Ольгу Александровну за руки и проделал с ней по комнате несколько па вальса.

— Сумасшедший! — смеялась молодая женщина, отбиваясь от мужа. — Ты ведешь себя как мальчишка. Ну, довольно, довольно, Алеша. Лучше расскажи, как это произошло и кому и чему мы обязаны такой удаче.

— Все случилось очень буднично, и тем не менее я испытываю необыкновенный подъем, как именинник, принимающий поздравления, — сказал Алексей Павлович, усаживаясь на стол, предварительно устроив жену на стуле. — Почтенные руководители нашего Общества любителей естествознания собрались в кабинете председателя, пригласили меня и с места в карьер сообщили, что туркестанский генерал-губернатор господин Кауфман обратился в наше Общество с предложением принять участие в изучении вновь присоединенных к Российской империи азиатских земель, а также территории независимого Кокандского ханства. — Федченко глубоко вздохнул и продолжал: — Затем наш милейший председатель очень любезно и благожелательно добавил, что, поскольку им известно, какой интерес я проявляю в последнее время к исследованиям в Средней Азии и какую подготовку для этого веду, у них тотчас же явилась мысль, что лучшей кандидатуры для предполагаемой поездки не сыщешь. И если у меня нет возражений, — тут Алексей Павлович весело расхохотался, — ты представляешь, Оленька, у меня возражения! Каково? Тогда Общество намерено поручить возглавить эти исследования мне, иначе говоря, моему мужу, подающему надежды ученому. Вот и все! — Федченко в избытке чувств соскочил со стола и забегал по комнате. — Как ты легко можешь догадаться, я почтительней-

ше изъявил свое согласие и, как только меня отпустили, побежал сюда, чтобы поделиться с тобой этой потрясающей новостью!

— Это чудо как хорошо, Алеша! — восхищенно произнесла Ольга Александровна, сияющими глазами смотря на мужа. — Я так рада за тебя! Какой простор для работы, сколько нового откроется тебе в этих неизведанных краях. Ты так мечтал об этом, так надеялся, и вот мечты твои сбываются.

— Наши, Оленька, наши, — с чувством произнес Алексей Павлович. — Ведь мы поедем туда вместе и вместе будем делить все труды.

— Как мило со стороны Общества оказать тебе такое доверие... — Ольга Александровна, подперев рукой голову, мечтательно смотрела в окно. — Значит, прощай эта комната, прощай музей...

— Да, прощай, и скоро, — внезапно становясь серьезным, сказал Федченко. — И надолго, Оленька, думаю, что надолго, — задумчиво продолжал он. — Скоро в путь, в Туркестан.

В конце октября 1868 года Алексей Павлович и Ольга Александровна покинули Москву и уже в начале января следующего года прибыли в Самарканд. В Оренбурге к ним присоединился препаратор Скорняков.

Начались маршруты. Первое время работали в окрестностях Самарканда, изучали географические особенности местности, собирали коллекции животных и растений. Затем обстоятельно исследовали долину реки Зеравшан.

В августе Федченко вернулись в Москву, и вскоре на заседании Общества Алексей Павлович сделал подробное сообщение о результатах первой своей поездки.

В следующем 1870 году он снова выехал в Туркестан и продолжил начатые работы. Экспедиция обследовала водораздел между Амударьей и Сырдарьей, западные склоны Тянь-Шаня, а в следующем 1871 году Федченко посетил пустыню Кызылкум и дал ее описание, собрав впервые ценный географический материал об этой малоизвестной области.

Вернувшись из Кызылкумов, Алексей Павлович приступил к подготовке маршрута в Кокандское ханство. В июне он уже был в Коканде и в сопровождении охраны, предоставленной ему ханом Коканда, отправился в путь, сопровождаемый, как и в прежних путешествиях, Ольгой Алек-

сандровной, которая всегда была ему верным другом, товарищем и помощницей.

Путешественники два месяца кочевали по межгорным долинам, взбирались на хребты, лежащие к югу от Ферганы. За этот сравнительно короткий срок они исследовали Алайский хребет и Алайскую долину, открыли большой ледник, которому Федченко дал имя тогдашнего президента Общества любителей естествознания профессора Московского университета Г. Е. Щуровского. Поднявшись на перевал Алайского хребта, Федченко обнаружил на юге протянувшийся с запада на восток большой хребет, устремивший к небу свои заснеженные вершины. Он назвал его Заалайским и предположил, что этот хребет является северным краем горной страны Памир, куда он страстно стремился попасть. И действительно, как позже выяснилось, предположение Федченко подтвердилось, и он был первым исследователем, достигшим северного подножия Памира.

Вот как он вспоминал об этом в своей книге «Путешествие в Туркестан»:

«Мое искреннее желание, стремление быть на Памире не привели к желанному результату. Мой путь остановился у подножия величественной крыши мира; виденный мною Заалайский хребет составляет как бы край этой крыши мира.

По временам меня разбирает досада, что мы не могли перешагнуть через этот край — Заалайский хребет, но, вспоминая все обстоятельства путешествия, я вижу, что другого исхода быть и не могло.

Путешествие было предпринято при отсутствии всяких предварительных сведений, в полном неведении, где и при каких условиях мы будем путешествовать. При таких скитаниях мы попадаем весьма неожиданно для нас самих в бассейн Амударьи, и оказывается, что мы в нескольких днях пути от одной из самых неизвестных и загадочных частей земного шара. Мое первое желание — идти дальше, но киргизский полковник говорит: «Нет, дальше нельзя, нужно назад». Я был тогда очень зол на этого полковника, но, хладнокровно обсуждая положение дел, должен согласиться, что он был прав. Как могли мы идти на несколько дней в пустынную местность, не имея запасов ни фуража, ни провианта (того, что было с нами, нам не хватило и на обратный путь из Алая: мы два дня голодали) и не имея возможности приобрести их. Если бы теперь, при тех сведениях, которые собраны мною во время совершенного путешествия, можно было отправиться на Памир, то я отправился бы и

перешел бы его весь, не спрашивая ни у кого дороги. Долго Памир и вообще страна в верховьях Амударьи оставаться неисследованными не могут: либо русские, либо англичане, но раскроют ее тайны. Я, впрочем, больше верю, что русские сделают это и еще раз впишут свое имя в географическую летопись, которая, по общему признанию, обязана им уже так многим. Я верю в это потому, что доступ на Памир с севера гораздо удобнее».

По возвращении в Москву Алексея Павловича ни на минуту не оставляла мысль о Памире. Проникнуть туда и исследовать эту неведомую горную страну — такова была его цель. И он готовил себя к новому путешествию: усиленно занимался геологией и изучением ледников, которые предполагал встретить на Памире множество.

Вернувшись как-то вечером домой, усталый и голодный, он, быстро поужинав, завел разговор о том, что все его усилия недостаточны.

— Оленька,— сказал он убежденно.— Я уверен, что мне необходимо увидеть своими глазами горные ледники, познакомиться с их характером и режимом. Иначе я буду не подготовлен для поездки на Памир.

Ольга Александровна молча его слушала.

— Мне непременно надобно поехать на некоторое время в Швейцарские Альпы и понаблюдать за спускающимся с Монблана ледником «Ледяное море».

— Если это нужно для дела, так не о чем и говорить,— спокойно ответила его жена и спросила: — Когда мы выезжаем?

— Иного ответа я от тебя не ждал,— вскричал Алексей Павлович, заключая жену в объятия.

13 сентября 1873 года Федченко с двумя проводниками оставил селение Шамони, где они остановились на ночлег, и двинулся к Монблану.

Поздно ночью двери гостиницы Монтанвер в Шамони сотряслись от сильного стука. Хозяин дома, ворча и проклиная в душе беспокойных постояльцев, которым не спалось ночью, отпер засовы и увидел на пороге проводников, которых он послал с молодым русским путешественником на ледник.

— Почему вы одни? — удивленно спросил он, вглядываясь еще сонными глазами в темноту ночи.— Где русский месье?

— Случилось несчастье,— перебивая друг друга, взволнованно заговорили проводники.— Русский там... на леднике... у его подножия... мы поспешили сюда... надо возвращаться... спасать...

— Что произошло? — вскричал хозяин, с которого при этом известии мгновенно слетел последний сон.— Что с русским? Он сорвался? Разбился?

— Нет,— покачал головой старший из проводников.— Все сначала было хорошо, и русский месье был доволен. Мы поднимались на ледник без помех; но, когда уже оставалось не так много пути, погода резко изменилась, поднялся сильный ветер, похолодало, и мы повернули обратно.

Когда мы уже подходили к нижнему краю ледника, русский месье настолько ослаб, что не мог самостоятельно передвигаться...

— Такой молодой и совсем слабый оказался,— перебил второй проводник, пожимая плечами.

— Мы оставили русского месье у края ледника и поспешили сюда за помощью,— закончил первый свой рассказ.— Надо принести его сюда на носилках, за которыми мы и пришли.

— Нехорошо,— задумчиво произнес хозяин гостиницы.— Нехорошо получилось. Следовало кому-то из вас остаться с месье. Скверно... Впрочем, теперь уже поздно говорить об этом. Берите носилки и еще кого-нибудь в помощь и отправляйтесь. Да поживее пошевеливайтесь, а то ненароком опоздаете.

Последние слова хозяина гостиницы, увы, оказались пророческими. Когда спасатели подошли к тому месту, где Алексей Павлович Федченко был оставлен своими проводниками, они обнаружили, что он уже мертв.

Впрочем, Ольга Александровна, которая в это время находилась в Монтре с маленьким сыном, впоследствии утверждала, будто ее муж не был еще мертв, когда за ним явилась помощь, а просто находился в бессознательном состоянии и что его можно было еще спасти, если бы была своевременно оказана врачебная помощь.

Так нелепо в расцвете сил и таланта по роковой случайности погиб двадцати девяти лет от роду Алексей Павлович Федченко, успевший, несмотря на молодые годы, уже так много сделать для изучения природы и населения Средней Азии.

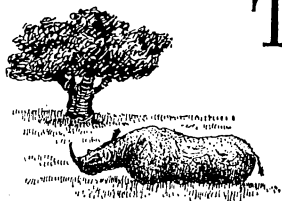
Ему не довелось осуществить свою заветную мечту — попасть на Памир и исследовать эту горную страну. Но его

вещие слова о том, что это сделают русские путешественники, вскоре подтвердились. Спустя несколько лет после смерти Федченко, открывшего северные предгорья Памира, в 1878 году его товарищ и друг по университету В. Ф. Ошанин побывал во главе экспедиции на самом Памире.

Во время обследований этого обширного горного края Ошанин открыл хребет Петра I, множество гор и ледников. Одному из ледников, который оказался, как было установлено впоследствии, самым крупным из неарктических ледников земного шара, путешественник присвоил имя Алексея Павловича Федченко.

«Я посвятил его памяти Алексея Павловича Федченко,— писал В. Ф. Ошанин.— Я желал этим выразить, хоть в слабой степени, мое глубокое уважение к замечательным ученым трудам моего незабвенного товарища, которому мы обязаны разъяснением стольких темных вопросов в географии и естественной истории Средней Азии... Пусть «Федченковский ледник» и в далеком будущем напоминает путешественникам имя одного из даровитейших и ценнейших исследователей Средней Азии».

Друг человечества

Телеграмма гласила следующее:
Мадрид
Генри М. Стэнли
Срочно выезжайте Париж

Беннет

Генри Мортон Стэнли, репортер американской газеты «Нью-Йорк геральд», пробежав текст телеграммы, с досадой поморщился. «Зачем он понадобился патрону в Париже? Как это некстати. В Мадриде он чувствует себя совсем неплохо. Всевозможные развлечения, интересные знакомства, коррида,— все это не хотелось оставлять. Но... дело есть дело. Такова участь репортера — кочевать из страны в страну, из города в город, не зная покоя и остановки. Сетовать не на кого, он сам избрал себе эту беспокойную профессию.»

Привыкший действовать быстро и решительно, Стэнли тут же позвонил слуге и приказал ему собирать чемоданы.

Владелец газеты Джемс Гордон Беннет встретил Стэнли как добрый дядюшка.

— Вы, как всегда, стремительны и оперативны, мой мальчик,— добродушно сказал он, похлопывая репортера по плечу и усаживая его в кресло.— Похвальное качество в нашей профессии? Э?

— Это мое неизменное правило, сэр,— непринужденно ответил Стэнли.

— Превосходно, мой мальчик, превосходно! — воскликнул Беннет.— За него я вас ценю вдвойне. Но признайтесь, что в душе вы не раз помянули недобрым словом автора телеграммы, заставившего вас покинуть испанскую столицу так быстро? А? Разве я не угадал, проказник? — Он расхохотался, довольный собственной проницательностью.

— Полагаю, сэр,— ответил Стэнли, с трудом сохраняя серьезное выражение лица, настолько заразительным был смех патрона,— что, если вы сочли необходимым срочно вызвать меня в Париж, у вас наверняка были для этого достаточные основания.

— Бесспорно, Генри, бесспорно,— самодовольно ухмыльнулся Беннет,— и я вам их немедленно изложу.— Он открыл ящик с сигарами, пододвинул его к Стэнли и продолжал, когда оба они задымили: — У меня припасена для вас интереснейшая поездка, и после того, как вы узнаете, куда вам предстоит отправиться, вы вместо того, чтобы дуться на меня, будете благословлять Джемса Гордона Беннета.

— Вы настолько возбудили мое любопытство, сэр,— рассмеялся Стэнли,— что я сижу как на иголках.

— В таком случае слушайте меня внимательно, Генри,— деловым тоном продолжал издатель.— Как вы отнесетесь к путешествию в Центральную Африку? Надеюсь, такая перспектива придется вам по вкусу? Отвечайте, сэр, отвечайте!

— Разумеется, сэр,— решительно сказал Стэнли.— Но позвольте вас спросить, с какой целью?

— Нет ничего проще, мой мальчик, чем ответить на ваш вопрос. Все дело в Ливингстоне. Полагаю, вам известно это имя?

— Еще бы, сэр! — оживился Стэнли.— Кто из просвещенных людей не слышал о докторе Давиде Ливингстоне, миссионере и путешественнике. Я бы сказал, скорее путешественнике, чем миссионере. Двадцать с лишним лет провести в глубине Африканского материка, пересечь пустыню Калахари, открыть и исследовать от верховьев до устья реку Замбези с ее водопадами и притоками, многие озера, и в том

числе такое крупное, как Ньяса,— все это под силу большому и целеустремленному человеку. Я преклоняюсь перед мужеством и умом этого шотландца! Подумать только! После всего того, что он перенес в Африке за эти двадцать с лишним лет, он снова отправился туда продолжать исследования и, если мне память не изменяет, путешествует там уже несколько лет.

— Я восхищен, милый Генри, вашим энтузиазмом,— чуть насмешливо сказал Беннет.— Впрочем, он меня вполне устраивает. Можете сколько вашей душе угодно преклоняться перед достоинствами этого человека. Более того, я вам предоставляю возможность высказать ваши чувства ему лично, если, конечно, он еще жив.

— Как?! — взволнованно воскликнул Стэнли.— Разве есть основания предполагать, что Ливингстон погиб?

— Слухи, мой милый, пока что слухи,— хладнокровно ответил Беннет.— Упорно поговаривают, что distinguished доктор скончался. Насколько достоверны эти слухи, никто не знает. Теперь вы улавливаете мою мысль? Вы отправляетесь на поиски Ливингстона, живого или мертвого, и по возвращении публикуете в моей газете корреспонденции из самого сердца Африки! Неплохо придумано? А? — На лице Беннета появилось почти что вдохновение.— Поймите меня, мой мальчик. Я хочу сделать «Нью-Йорк геральд» газетой в настоящем смысле слова. Я хочу, чтобы в ней печатались всевозможные новости, могущие интересовать мир. Ваша поездка в Африку на поиски Ливингстона, соответствующим образом преподнесенная читателю, послужит превосходным крючком, на который клонут многие любители острых ощущений. Ради таких перспектив я не пожалею никаких затрат. Что вы на это скажете?

— Я готов, сэр, отправиться в путь хоть завтра,— просто ответил Стэнли.— И я уповаю на бога, что он позволит мне увидеть доктора Ливингстона живым.

— Вот ответ, достойный репортера газеты «Нью-Йорк геральд»,— восхищенно воскликнул издатель.— Я рад, что в вас не ошибся, Генри. Однако имейте в виду, что, прежде чем вы отправитесь в Африку, вам предстоит побывать еще кое-где. Я хотел бы, чтобы вы прежде отправились на Суэцкий канал и присутствовали на его открытии, а затем проехали бы на Нил.

Оттуда хорошо было бы отправиться в Иерусалим: я слышал, что там сделаны интересные открытия. Затем вы посетите Константинополь и узнаете о причине раздора ме-

жду египетским хедивом и султаном. Из Константинополя, по моему мнению, вам следует проехать в Крым и осмотреть там поля сражений*. После этого пересеките Кавказский хребет и выезжайте к Каспийскому морю. Я слышал, что русские собираются отправить экспедицию в Хиву. Оттуда вы могли бы проехать через Персию в Индию и написать нам очень интересную корреспонденцию из Шираза. Багдад будет как раз на вашем пути в Индию. Если бы вы заехали туда, вы могли бы сообщить что-нибудь новенькое о железной дороге в долине Евфрата. Ну, и, наконец, выполнив все это, можете отправляться за Ливингстоном.

...Тем временем, пока Стэнли выполнял начертанную его патроном обширную программу, Давид Ливингстон, живой, но исхудавший, измученный болезнями, оставленный большинством слуг, с которыми начинал путешествие, находился в арабском поселении Уджиджи на берегу озера Танганьика. Могучий его организм был подорван постоянными лишениями. Не имея никаких вестей с родины, он чувствовал себя одиноким и покинутым. Большую часть времени он вынужден был проводить в постели. И лишь сознание того, что ему удалось сделать в последнее путешествие, поддерживало его силы. Несмотря на неудачи, преследовавшие его с самого начала экспедиции, он все-таки сумел обойти с юга озеро Ньяса, достигнуть озера Мверу и реки Луалабы, открыть большое озеро Бангвеоло.

Недомогание и беспомощность очень тяготили Ливингстона. Ведь он не сделал еще самого главного, к чему стремился: раскрыть загадку истоков двух крупнейших африканских рек — Нила и Конго. А между тем он чувствовал, что близок к решению этой проблемы.

А неудачи продолжали преследовать его и в Уджиджи. Человек, которому он доверил закупку необходимых для дальнейшего путешествия припасов, решив, что Ливингстон умер, пустил их в оборот, и только небольшую часть из них удалось выручить с большим трудом.

24 сентября 1871 года Ливингстон, почувствовав себя несколько лучше, приводил в порядок свои дневники. До него доносились разноязычные голоса, крики детей, мычание скота. Эти привычные звуки, повторяющиеся изо дня в день вот уже долгое время, не нарушали течения мыслей путешественника. Но вдруг его натренированный слух уловил ка-

* Речь идет о Крымской войне в 50-х годах XIX столетия.

кую-то перемену: крики стали сильнее, шум начал приближаться к его хижине.

Недоумевающий Ливингстон поднялся с постели и сделал было несколько шагов к двери, намереваясь выйти на воздух, но в это мгновение дверь распахнулась, и в ней появился его слуга, возбужденный и радостный.

— Большой хозяин, о, большой хозяин! — закричал он, захлебываясь от восторга. — Сюда идет инглиз с большим караваном! Это, наверно, твой друг!

— Какой англичанин? — недоверчиво переспросил Ливингстон. — Ты, верно, ошибся, Суси.

— Нет, нет, мой не ошибся, — замотал головой слуга. — Мои глаза сами видели...

Но не успел он закончить фразы, как за его спиной выросла фигура европейца в легком тропическом костюме и пробковом шлеме.

— Если не ошибаюсь, доктор Ливингстон? — произнес пришелец на чистейшем английском языке.

У Ливингстона сжалось от волнения горло, и он только кивнул в ответ, не в силах произнести ни слова. Но затем, быстро овладев собой, он пожал руку незнакомцу и попросил извинения за то, что не ответил сразу, как это надлежало сделать.

— Я был так взволнован, услышав впервые за пять лет родной язык, что на мгновение потерял дар речи, — пояснил он, смущенно улыбаясь, и тут же добавил: — Но, простите, с кем имею честь?..

— Репортер американской газеты «Нью-Йорк геральд» Генри Мортон Стэнли, — отрекомендовался прибывший. — Безмерно счастлив удостовериться в том, что вы живы, мистер Ливингстон. Хотя еще по пути сюда мне сообщили, что вы живы и находитесь в Уджиджи, я спешил убедиться как можно быстрее в этом.

— Но чем это вызвано? К чему такая поспешность? — удивленно спросил Ливингстон.

— Видите ли, мистер Ливингстон, уже более года в Европе ходят слухи о вашей смерти, — пояснил Стэнли без обиняков. — Но поскольку никаких конкретных подтверждений этим слухам ни со стороны официальных английских кругов, ни от Королевского географического общества не было, издатель газеты, в которой я сотрудничаю, мистер Беннет счел возможным и своевременным направить меня на поиски Давида Ливингстона, снискавшего славу и уважение всего просвещенного мира. И вот я здесь и, повторяю, беско-

нечно рад возможности познакомиться с человеком, мужество которого достойно всяческого подражания.

— Право, я не заслуживаю столь большого внимания, — сконфуженно пробормотал Ливингстон, в душе тем не менее польщенный словами американца. — Впрочем, теперь вы можете возвращаться в Европу с известием, что я еще жив, хотя и не так здоров, как был прежде, и надеюсь еще побродить по африканской земле. Или, простите за нескромность, у вас иные планы?

— Вы сказали только что, мистер Ливингстон, что намерены продолжить исследования в Африке, — живо откликнулся Стэнли. — Не будет с моей стороны нескромным, если я предложу себя в ваше распоряжение вместе с моим караваном?

— Я буду только рад, — с достоинством ответил Ливингстон. — Но считаю своим долгом предупредить вас, мистер Стэнли, что путешествие в здешних местах сопряжено с лишениями и тяготами...

— Меня эта сторона дела не смущает, — беззаботно откликнулся Стэнли.

— Пусть будет так, — кивнул головой Ливингстон. — Мы попытаемся с вами в ближайшее время, как только я немного поправлюсь и встану на ноги, обследовать северную часть озера Танганьика. Должен вам заметить, меня волнует вопрос, принадлежит ли это озеро к системе истоков Нила. Такого рода предположения высказывались, но только теоретические. Мы же с вами должны удостовериться в правильности или ошибочности этих предположений.

— Охотно приму участие в ваших поисках, мистер Ливингстон, — с готовностью заявил Стэнли. — Еще раз подтверждаю, что отдаю себя, сопровождающих меня людей и все имущество в ваше распоряжение.

Озеро Танганьика расположено на высоте 780 метров над уровнем океана. В длину оно вытянулось на 645 километров, в ширину — на 80 километров. После того как Ливингстон достаточно окреп, оба путешественника пустились в путь на лодке в сопровождении нескольких слуг, которые служили одновременно проводниками.

Трудно себе представить двух более различных по складу характера и взглядам людей, чем Ливингстон и Стэнли. Благородный и великодушный, бескорыстный и гуманный в отношении местного населения Ливингстон и холодный, расчетливый, не считавший африканцев за людей Стэнли, так

много потом способствовавший захвату Африки колонизаторами. Но Стэнли был сильным и бесстрашным человеком, упорным в достижении цели, и это качество сближало его с Ливингстоном.

После долгих поисков они окончательно убедились в том, что из озера не вытекает ни одна сколько-нибудь значительная река, и с уверенностью могли теперь сказать, что озеро Танганьика не питает Нил своими водами.

Возвратившись из плавания, Стэнли стал готовиться к отъезду в Европу. Не раз заводил он разговор с Ливингстоном о том, что тому следует прервать свои поиски, бросить кочевую, полную лишений жизнь, подумать всерьез о своем расшатанном здоровье. Только дома, в Англии, он сможет восстановить свои силы.

Но Ливингстон был непреклонен. Он наотрез отказался возвратиться вместе со Стэнли в Европу, ссылаясь на то, что еще не завершил всех своих исследований, не выполнил намеченных задач. Его продолжала волновать загадка истоков Нила и Конго.

Стэнли уехал, а неутомимый путешественник тотчас стал собираться в новый поход.

В январе 1873 года его маленькая экспедиция уже пробиралась через болотистые заросли восточного берега озера Вангвеоло. И здесь болезнь вновь подстерегла Ливингстона. На этот раз дизентерия, жесточайшая, изматывающая силы и не отпускающая свою жертву. С каждым днем Ливингстону становилось все хуже. Он уже не мог сам передвигаться, и спутники несли его на носилках.

В конце апреля экспедиция достигла небольшой деревушки Читамбо. Здесь было решено остановиться, пока Ливингстону не станет лучше.

Но было поздно. Отважный путешественник доживал свои последние дни. Хотя он не оставлял надежды на выздоровление, судя по записи в дневнике, которая гласила: «Совсем устал... остаюсь поправиться... послать купить дойных коз...» — часы его были сочтены. Утром 1 мая 1873 года слуги, пришедшие его проведать, увидели, что их «большой хозяин» стоит на коленях у своей постели. Он был мертв.

Жизненный путь шестидесятилетнего Давида Ливингстона закончился. Он умер в стране, которой отдал половину своей жизни, на берегах озера, которое первым из европейцев открыл для науки и описал.

Смерть «большого хозяина» потрясла его спутников. Многие плакали, скорбя о кончине этого необыкновенного

человека, отважного, доброго и справедливого. Его верные слуги, Чума и Суси, поклялись, что доставят тело умершего Ливингстона в Занзибар, чтобы оттуда его могли перевезти на родину — в Англию. Они набальзамировали труп, положили в гроб, выдолбленный из дерева, и траурная процессия двинулась в путь. Только сердце Ливингстона осталось в Африке. Оно было захоронено в Илале под большим деревом, на котором вырезали надпись его многочисленные почитатели.

Почти девять месяцев продолжалось траурное шествие до Занзибара. Оттуда тело Ливингстона отправили на пароходе в Англию. Чума и Суси, его верные слуги и друзья, сохранили все бумаги покойного, его инструменты и передали их в надежные руки.

Спустя год после смерти Ливингстона его останки были торжественно похоронены в Лондоне, в Вестминстерском аббатстве, и над свежей могилой появилась черная мраморная плита:

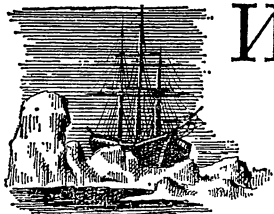
Перенесенный верными руками
через сушу и море
покоится здесь
Давид Ливингстон,
миссионер, путешественник
и друг человечества.

В этой надгробной надписи, предельно лаконичной и простой, как нельзя лучше выражена вся жизнь Ливингстона, человека, отдавшего себя целиком без остатка науке и людям.

Приехав миссионером в Южную Африку, этот замечательный человек посвятил себя целиком исследованиям внутренних районов материка, совершил ряд выдающихся открытий. И всюду в его путешествиях на протяжении почти тридцати лет рядом с ним были его верные друзья — африканцы. Они отвечали Ливингстону любовью на любовь, уважением на уважение.

Давид Ливингстон — друг человечества. Это не громкая фраза. Она отражает истинную сущность этого человека, человека в самом высоком смысле слова.

Его имя в вечной памяти людей. Его имя на географической карте Африканского материка — в названии водопада на реке Конго, в названии населенного пункта на реке Замбези. Совсем немного. Ливингстон, бесспорно, заслуживал большего.

Издатель американской газеты «Нью-Йорк геральд» Джемс Гордон Беннет, небрежно развалился в кресле и положив ноги на письменный стол, просматривал свежие оттиски очередного номера газеты, когда секретарь, молодая женщина со строгим лицом, вошла в кабинет и доложила, что в приемной находится морской офицер по фамилии Де-Лонг.

— Он утверждает, сэр, — добавила она, — что вы назначили ему на этот час встречу.

Беннет, не меняя позы, кивнул головой:

— Пригласите его войти, Джейн, я действительно согласился уделить ему несколько минут.

Секретарь удалилась, и тотчас же в кабинет вошел человек лет тридцати в форме офицера военно-морского флота США. Густые усы и пенсне придавали ему выражение строгости и некоторой сухости.

— Рад с вами познакомиться, мистер Де-Лонг, — поднимаясь из кресла и идя посетителю навстречу, воскликнул владелец популярной газеты, придавая по привычке своему лицу выражение доброжелательности.

Они обменялись рукопожатием.

— Прошу вас, садитесь, — продолжал Беннет, указывая Де-Лонгу на кресло и сам принимая прежнюю позу. — Сигару? — Он достал из стола ящик с сигарами и открыл его, придвинув к собеседнику.

Оба закурили, бросая друг на друга оценивающие взгляды. Они встретились впервые, и каждый хотел по первому впечатлению составить мнение о собеседнике, определить, что за человек сидит перед ним и чего он стоит.

— Итак, мистер Де-Лонг, — прервал минутное молчание Беннет, — будем беречь драгоценное время и перейдем сразу к делу. Изложите ваш проект, о котором вскользь рассказал мне мой друг Генри Гринель. Я высоко ценю Генри как известного полярного исследователя и как проникательного человека и поэтому согласился выслушать вас.

— Мистер Беннет, — просто сказал Де-Лонг. — Я понимаю, что вы очень занятый человек и каждая минута у вас на учете, и поэтому я особенно благодарен вам за то, что

вы нашли время для разговора со мною. Постараюсь быть возможно более кратким.

Всем известно, какой интерес проявляете вы к географическим исследованиям и открытиям. Именно это обстоятельство и побудило меня обратиться к вам с предложением об организации экспедиции к Северному полюсу. Я не новичок в полярных плаваниях, вам, очевидно, это известно...

— Как же, как же,— кивнул головой Беннет,— спасение части команды судна «Полярис», в котором вы принимали участие, наделало в Америке немало шума.

— Так вот,— продолжал Де-Лонг,— у меня созрел план продолжить доселе неудачные попытки достижения Северного полюса, но не со стороны Атлантического океана, а от Тихого, через Берингов пролив. Собственно, это идея не моя. Она принадлежит французскому гидрографу Ламберту, который несколько лет назад впервые изложил свой проект. Он считает, и я вполне с ним согласен, что Великая сибирская полынья, о существовании которой не раз упоминали русские путешественники, является южной частью открытого, свободного ото льда полярного бассейна Северного Ледовитого океана, окружающего полюс. И если преодолеть расположенные по краям этого бассейна льды, то путь к полюсу будет открыт. Кстати, маршрут к Северному полюсу через Берингов пролив одобряет и небезызвестный географ Петерманн*. Ручаться за успех предприятия я, конечно, не берусь, но в одном могу вас заверить: мною будет сделано все, чтобы добиться успеха во что бы то ни стало.

Последние слова Де-Лонг произнес без тени рисовки. Лицо его дышало уверенностью и мужеством.

Беннет, внимательно слушавший собеседника, с удовлетворением подметил это обстоятельство. Человек быстрых решений, он уже мысленно прикинул, какую пользу сможет извлечь, если будет финансировать плавание Де-Лонга к полюсу. Даже в случае неудачи экспедиции громкая реклама обеспечена, а следовательно, и увеличение тиража газеты и рост доходов, которые компенсируют затраты на снаряжение экспедиции.

— Любезный Де-Лонг,— произнес он, вынимая изо рта сигару,— я с большим интересом выслушал ваше предложение. Оно настолько заманчиво, что с моей стороны было бы опрометчиво не согласиться с ним. Считайте, что с сегод-

* Петерманн — немецкий картограф, редактор географического журнала.

няшнего дня мы компаньоны. Я беру на себя материальную сторону дела, а вы, Джордж,— надеюсь, вы не будете возражать, если я вас буду на правах компаньона называть по имени,— приступайте к поискам подходящего судна, подбору экипажа — словом, делайте все необходимое для подготовки к плаванию.— Он весело расхохотался, видя изумленное лицо Де-Лонга.— Вы меня поняли?

— Конечно, понял, но еще не могу прийти в себя от радости,— пробормотал Де-Лонг, теребя усы.— Все это так неожиданно, так быстро случилось... Признаться, я не рассчитывал на благоприятный исход нашего разговора после того, как в морском ведомстве моя просьба не встретила никакого сочувствия. И вдруг... Умоляю вас, мистер Беннет, повторите еще раз, что вы согласны и я могу действовать...

Издатель газеты добродушно-фамильярно похлопал Де-Лонга по плечу:

— Эге, Джордж, и вы способны на эмоции. А ведь на первый взгляд вид у вас суровый и неприступный, как у Северного полюса. Ну, ну, возьмите себя в руки и слушайте меня внимательно, я еще не закончил свою мысль.

Де-Лонг насторожился. Не преждевременно ли он радуется? А что, если издатель «Нью-Йорк геральд» поставит ему какие-нибудь невыполнимые условия?

— Поскольку я вкладываю в это ваше предприятие деньги,— продолжал между тем Беннет,— естественно, меня интересует не только конечная цель плавания, но и все с ним связанное. Я не сомневаюсь, что вы продумали все до мелочей. Поделитесь же со мной, вашим компаньоном, этими подробностями. Я бы хотел быть полностью в курсе дела. Таков уж мой характер.

Де-Лонг облегченно вздохнул и скупой улыбнулся:

— Вы правы, мистер Беннет,— сказал он.— Я охотно общу вам все, что продумал и взвесил не один раз, пока вынашивал мысль о плавании к полюсу. Экипаж судна, которое мне предстоит еще выбрать, должен быть очень опытным и дружным. Мне представляется, что в его состав должны входить помимо офицеров и матросов врач, инженер, метеоролог и натуралист. Все эти люди необходимы для такой экспедиции. Кроме того, я считаю, что зачисляемые в экипаж люди должны быть предпочтительно холостые, совершенно здоровые, обладающие достаточной физической силой, непьющие, веселые, если можно, умеющие играть на музыкальных инструментах. Ведь нам предстоят тяжелые переходы, зимовки среди безмолвных и пустынных льдов.

Могут случиться всякие неожиданности. Одним словом, надо быть во всеоружии не только материальном, но и духовном.

По мере того как Де-Лонг перечислял свои требования к команде корабля, Беннет согласно кивал головой.

— Хорошо, — сказал он, когда его собеседник умолк. — У нас еще не раз будет возможность вернуться к обсуждению этого вопроса, пока судно не отправится в путь. Дела заставляют меня закончить нашу беседу. Прощайте, Де-Лонг, и действуйте. Все необходимые распоряжения я отдам сегодня же. Отныне вы пользуетесь моим кредитом, в разумных пределах разумеется.

После трех лет подготовки 8 июля 1879 года судно экспедиции Де-Лонга «Жаннетта» покинуло порт Сан-Франциско, взяв курс на северо-запад к Берингову проливу.

С того дня минуло почти два года.

Успешно было выполнено поручение Беннета постараться найти следы экспедиции Норденшельда, отправившейся в плавание на корабле «Вега» из Атлантического океана в Тихий Северным морским путем. Миновав Берингов пролив, «Жаннетта» некоторое время свободно продвигалась по Восточно-Сибирскому морю на северо-запад, но вскоре ее со всех сторон обступили ледяные поля и она оказалась у них в плену. Начался дрейф вместе со льдами. Ледяные поля сжимали в своих объятиях корпус «Жаннетты», и он трещал под их натиском.

16 мая 1881 года.

Де-Лонг сидит в своей каюте и записывает в дневнике. «Что за страна! Трудно представить, какая мрачная пустыня окружает нас. Ничего, кроме льда, день изо дня. Большие и мелкие торосы и хребты, наваленные глыбы, через которые нет прохода, а в середине наш бедный корабль, почти засыпанный снегом, — чужой, в чужой стране...» Он задумывается, и рука с пером застывает в воздухе. Его деятельной натуре претит эта рабская зависимость от сковавших «Жаннетту» льдов. Он не может смириться с мыслью, что за такой длительный срок (почти два года) судно продвинулось к северо-западу всего на четыреста километров, и Северный полюс остается таким же далеким и недоступным, каким был в тот день, когда он и его спутники, полные надежд, покидали Америку. Две зимовки во льдах, ожидание, что вот-вот судно будет раздавлено, тревожные дни, тревожные ночи. И в довершение всего даже никакого географического открытия за это время совершить не удалось...

Его невеселые мысли прерывает голос лоцмана Денбара, доносящийся из коридора.

— Капитан! Капитан! — возбужденно кричит лоцман, врываясь в каюту. — Земля! Видна земля!

Де-Лонг стремительно выскакивает из-за стола и, не спрашивая, устремляется на палубу. Денбар спешит за ним в полном молчании.

— Где? Где земля? — торопливо спрашивает Де-Лонг, хватая дрожащими от волнения руками подзорную трубу и поднося ее к глазам.

— Не нужно трубы, капитан, — счастливым голосом отвечает Денбар. — Остров виден невооруженным глазом. Смотрите, на западе. Вот он, голубчик, лежит как на ладони.

Де-Лонг устремляет взгляд в указанном направлении, и из его груди невольно вырывается вздох облегчения:

— Наконец-то! Теперь никто не посмеет утверждать, что наше плавание было совершенно бесполезным. Вот и первое открытие, пусть небольшое, но тем не менее открытие. — Радостная улыбка озаряет его усталое заросшее лицо. И вместе с ним улыбаются и радуются его спутники.

Вдоволь налюбовавшись открытым островом, названным по имени судна Жаннетта, Де-Лонг возвращается в каюту и вновь садится за дневник.

«С островом связаны все наши помыслы, — быстро записывает он. — Мы не спускаем с него глаз и поверили бы охотно и тому, что на нем золотые россыпи, которые сделают нас богатыми, как государственное казначейство. Я убежден, что большинство из нас перед сном внимательно будет вглядываться в остров, чтобы убедиться, что он еще не растаял».

А спустя неделю новое открытие взбудоражило команду. На горизонте появился еще один остров, которому мореплаватели дали имя Генриетта.

И снова потянулись монотонные дни ледового дрейфа. Пугающее разнообразие вносило только движение льдов вокруг ледяного поля, в которое вмерзло судно. Они громоздились друг на друга, сталкиваясь и расходясь с треском и грохотом.

Днем 11 июня 1881 года движение льдов стало особенно страшным. На «Жаннетту» с двух сторон надвигались ледяные махины, и гибель судна становилась неизбежной.

Де-Лонг распорядился спустить на лед боты с имуществом. Он не терял присутствия духа, уже давно подготовленный к мысли о том, что дни корабля сочтены. Впрочем, на-

дежда, что все еще, может быть, обойдется, теплилась в его душе. Ведь за время длительного дрейфа они уже не раз попадали в подобные переделки.

Но на этот раз его надеждам не суждено было сбыться. После первого же сжатия судно затрепало и накренилось. Инженер Мельвиль, прибежав из машинного отделения, сообщил, что в корпусе корабля образовался разрыв, который с каждой минутой увеличивается, что в трюм хлынула вода и судно вот-вот расколется на две части.

Под руководством офицеров матросы принялись выгружать на лед все необходимое: два катера и вельбот, продовольственные запасы, одежду, снаряжение, собак, корабельные журналы, дневники и бумаги. В первую очередь на лед перенесли больных членов экипажа.

К вечеру «Жаннетта» скрылась навеки в морской пучине. Путешественники остались без пристанища на торосистых льдах бескрайней Арктики. Теперь нечего было и мечтать о достижении полюса, необходимо было думать о спасении экспедиции. Единственный путь лежал на юг к берегам Сибири, через дрейфующие льды.

Прошел еще месяц. Участники экспедиции медленно продвигались на юг, минуя торосы и разводья между льдинами. По расчетам Де-Лонга, до Новосибирских островов оставалось около двухсот километров, когда ему сообщили, что виднеется нечто напоминающее землю.

Он не поверил, но, взобравшись на высокий торос и смотря в бинокль, действительно увидел впереди землю.

Известие это придало всем силы, однако только через две недели измученные путники смогли ступить на берег неизвестного острова, не значившегося на географических картах. Они были счастливы, что наконец очутились на твердой земле, где им не угрожает никакое торошение льдов, никакие трещины и разводья.

Остров был назван именем Беннета, владельца газеты «Нью-Йорк геральд», финансировавшего экспедицию.

Пробывание на острове не принесло облегчения путешественникам. Ветер валил их с ног, дожди и снег, перемежаясь, не давали возможности согреться. Запасы пищи удавалось пополнить только охотой на птиц.

6 августа Де-Лонг пригласил в свою палатку инженера Мельвиля и лейтенанта Чиппа.

— Друзья, — сказал он, — в нашем распоряжении два катера и китобойный вельбот. Команду на вельботе я поручаю вам, Мельвиль, а катера поведем мы с Чиппом. На каждом

суденьшке будет по десять человек. В случае если мы разлучимся по какой-либо причине, приказываю продолжать путь к берегам Сибири, а затем следовать к устью реки Лены. Экономьте по возможности провиант, его у нас осталось немного, а путь предстоит не близкий. — Де-Лонг пожал офицерам руки и добавил: — Будьте мужественны. Еще несколько усилий, и мы спасены. Самое страшное позади.

Он ошибался, этот отважный и никогда не терявший надежды человек. Да, он со своими спутниками по катеру достиг берегов Сибири, разлучившись в пути с вельботом Мельвиля и катером Чиппа. Но, попав в безлюдные места и оказавшись без пищи, без крова, даже без обуви, Де-Лонг и горстка людей, его сопровождавших, не смогли выжить, и один за другим погибли от холода и голода.

В дневнике Де-Лонга запечатлена летопись их последних дней:

«14 октября. Есть было нечего. Даже глицерин из походной аптеки был выпит. Отряд продолжал двигаться вперед.

23 октября. Сто тридцать третий день со дня гибели «Жаннетты». Все очень слабы. Спали или лежали целый день. До наступления сумерек собрали немного дров. У нас нет обуви. Ноги болят.

27 октября. Сто тридцать седьмой день. Иверсен свалился с ног.

28 октября. Сто тридцать восьмой день. Иверсен скончался рано утром.

29 октября. Сто тридцать девятый день. Ночью скончался Дресслер.

30 октября. Сто сороковой день. Ночью скончался Бойд и Гертц».

На этом обрывается дневник Де-Лонга, обнаруженный впоследствии Мельвилем, спасшимся со своими спутниками на вельботе и пустившимся на розыски Де-Лонга.

Катер лейтенанта Чиппа также погиб, очевидно во время шторма.

Таков печальный конец экспедиции Джорджа Де-Лонга, одной из многих, пытавшихся достигнуть Северного полюса на корабле.

Отважный моряк, целеустремленный полярный исследователь, Джордж Де-Лонг стремился к новым открытиям. И если ему не удалось достигнуть намеченной цели — Северного полюса, то все же его плавание не было напрасным. Тому свидетельство острова Жаннетта, Генриетта и Беннет

в Восточно-Сибирском море, открытые экспедицией под его руководством.

Вся эта группа островов по справедливости теперь носит имя Джорджа Де-Лонга.

Через хребты сибирские

Петербург. 1891 год.
На квартире зоолога Бианки шумно. Друзья устроили прощальный вечер по случаю скорого отъезда своего товарища Ивана Дементьевича Черского в длительную экспедицию в Сибирь. Отовсюду доносятся оживленные разговоры, смех. Кто-то тихо наигрывает на фортепьяно вторую балладу Шопена.

Хозяйка дома в чем-то убеждает Мавру Павловну Черскую, жену путешественника, которая собирается сопровождать мужа в экспедицию в качестве зоолога.

— Поверьте мне, душенька Мавра Павловна, Сашеньке будет лучше, если он останется у нас. Как можно прерывать его занятия в гимназии! Они очень дружны с нашим Виталиком, и я уверена, что все будет хорошо,— говорит она, поглаживая Черскую по руке.

— Ах, дорогая...— отвечает, вздыхая, Мавра Павловна.— Разве я не понимаю? Но лишь подумаю, что придется расстаться с ним на целых четыре года, сердце ноет... А брать его с собой и подвергать всем тяготам и опасностям сибирского путешествия, ох как боязно!

— Нет, нет! — решительно говорит хозяйка.— Для двенадцатилетнего мальчика это будет не под силу. Пусть он остается в Петербурге.

— Право, не знаю, на что и решиться,— растерянно произносит Мавра Павловна и оглядывается в поисках мужа.— Сегодня надобно сказать вам окончательно... Как Ваня...

Тем временем в другом конце комнаты Иван Дементьевич посвящает Бианки в свои планы.

— Скорее бы в путь,— нетерпеливо говорит он.— Я устал заниматься кабинетными делами. Хочется глотнуть настоящего сибирского воздуха и приступить к исследовани-

ям. Мне кажется, что, как только я окажусь в Сибири, все мои болезни исчезнут, как дурной сон.

— Не переоцениваете ли вы свои силы? — замечает его собеседник. — Вы серьезно больны, а ведь маршрут, вами намеченный, Иван Дементьевич, одолеет не каждый здоровый человек.

— Чепуха, — бодро отвечает Черский. — Я уверен, что справлюсь со всеми трудностями, да и Маша будет со мною всегда рядом.

— Подумайте, пока еще не поздно, — предупреждает дружески Бианки, обнимая Черского за плечи.

— Все уже решено, и окончательно, — смеясь, отвечает тот. — Не могу же я отказаться от возможности, которая предоставлена мне Академией наук. Вопрос слишком важный, чтобы думать о себе. Дорогой друг, — продолжает он проникновенно, — вы не представляете себе, к каким любопытным предположениям о геологической истории Сибири в новейшие периоды пришел я, ознакомившись с материалами покойного Чекановского и экспедиций на Новосибирские острова и в Приянский край! Я должен убедиться сам, правильны ли они, только сам, и никто другой!

Он отходит от Бианки, направляясь к кушетке, на которой сидят хозяйка дома и Мавра Павловна. В это время к Бианки подходит его племянник, приехавший в Петербург по делам.

— Вы знаете, дядя, — говорит он. — Я наблюдал за вашим другом, этим Черским. По-моему, ему не в экспедицию ехать, а в больницу ложиться, такой у него вид.

— Бесполезно его отговаривать, — отвечает Бианки. — Я только что пытался это сделать — и без всякого результата.

— Но что у него за болезнь?

— О, это старая история. Он ее приобрел еще во время ссылки в Сибири. Какое-то нервное заболевание. Однажды он даже чуть не потерял зрение.

— Значит, он из бывших ссыльных? — задумчиво произносит племянник полувопросительно, полуутвердительно.

— Да, его сослали за участие в польском восстании и сдали в солдаты.

— Больших способностей человек?

— Настоящий ученый, — кивает головой Бианки. — Вообрази, будучи солдатом, он не только овладел большим кругом знаний, но уже производил самостоятельные исследования в окрестностях Омска, результатом которых явилась

статья по антропологии. А впоследствии, после освобождения от военной службы, занялся обследованием берегов Байкала и сделал чрезвычайно интересные наблюдения и выводы.

— А сейчас? Каковы его планы? — невольно заинтересовался племянник.

— О, на этот раз он замахнулся на всю Восточную Сибирь...

— Непостижимо! — восклицает в совершеннейшем удивлении юноша. — Какова сила духа в столь слабом теле! — Он украдкой смотрит на Черского, и во взгляде его светится невольное уважение.

Разговор в комнате незаметно становится общим. Хозяйка дома приглашает всех в столовую. Гости гурьбой направляются туда, и вскоре раздается звон бокалов и пожелания доброго пути и счастливого возвращения. Перебивая друг друга, друзья напутствуют Черских.

Мавра Павловна и Иван Дементьевич растроганно отвечают, голоса их взволнованны.

Уже поздно, и они начинают прощаться. Поцелуи, рукопожатия и опять пожелания счастливого пути.

— А где же Саша? — вдруг восклицает хозяйка.

Разговоры замолкают, и в этот момент из соседней комнаты доносятся сдавленные рыдания. Мавра Павловна, встревоженная, распахивает дверь и видит своего плачущего сына.

— Бедный мальчик. Он огорчен расставанием с родителями, — говорит жена Бианки, вытирая глаза платком.

— И совершенно напрасно, — решительно произносит Иван Дементьевич, обнимая сына за плечи. — Мы его берем с собой! Не правда ли, Маша?

Мавра Павловна кивает в знак согласия и прижимает к себе сразу просиявшего Сашу.

Гостеприимные хозяева и все собравшиеся на проводы друзья еще раз прощаются с Черскими, и они покидают уютную квартиру. Впереди далекий путь в Якутск, откуда они начнут свой маршрут.

14 июля 1891 года небольшая экспедиция Черских оставила Якутск и направилась к реке Амге у впадения ее в Алдан. Путешественникам предстояло проплыть по бурным холодным рекам, пройти через горные перевалы, по болотам и топам.

С первых же дней Черский непрерывно вел наблюдения,

сравнивал, сопоставлял, заносил все свои наблюдения в дневник, и постепенно перед ним открывалась картина строения горных хребтов Восточной Сибири, характерные особенности слагающих их горных пород, а также животного и растительного мира здешних мест.

И когда наконец, усталые и измученные, путешественники достигли Верхне-Колымска, где им предстояло в течение долгих месяцев зимовать в ожидании следующего короткого сибирского лета, накопился колоссальный материал, обработав который, Черский смог сделать очень интересные выводы о направлении горных цепей Восточной Сибири.

В своем отчете Академии наук Иван Дементьевич с полной уверенностью сообщал, что пройденные экспедицией горные цепи можно объединить в Индигиро-Колымский отрог Яблонового хребта и что ранее их направления на географических картах обозначались неправильно. Одновременно он подробно пояснял, из каких пород сложены пройденные им хребты: Верхоянский, Тас-Кыстабыт, Улахан-Чистай, Томус-Хая.

Собранные материалы представляли большую ценность, так как до Черского никому из исследователей еще не довелось побывать в этих краях и сделать подробное их описание.

Долго тянулись месяцы зимовки в Верхне-Колымске. С продовольствием было плохо, приходилось сидеть преимущественно на рыбной «диете»,—ничего другого в рационе не было. Не хватало также свечей, мыла.

Но Черские не унывали и часто по вечерам обсуждали планы дальнейшего своего путешествия.

— Вслед за вскрытием Колымы,—говаривал Иван Дементьевич,—мы начнем плавание вниз до Нижне-Колымска, оттуда пройдем сухим путем до побережья Северного Ледовитого океана и обратно в Нижне-Колымск, а затем по Верхоянскому тракту до Индигирки.—Он ни минуты не сомневался в том, что сумеет довести до конца намеченный план.

А между тем сил у него становилось все меньше и меньше. Они таяли буквально каждое мгновение. С приходом весенних дней Иван Дементьевич это особенно остро ощущал.

Весна властно вступала в свои права, растопляя снега и вспарывая льды, сковавшие Колыму, а он чувствовал, что дни его сочтены, но не показывал виду. Он не думал о скорой смерти. Все его помыслы были направлены на то, что-

бы экспедиция, которую он возглавлял, была доведена до конца и ее результаты стали достоянием Академии наук.

И еще одно обстоятельство его очень волновало и не давало покоя: как перенесет его смерть жена, как отразится его кончина на сыне Александре, таком еще юном и беспомощном.

Улучив время, когда Мавра Павловна и Саша ушли из дому по каким-то делам, связанным с подготовкой к плаванью, Черский послал за местным священником Василием Сучковским.

— Друг мой,— обратился он к нему,— я не хочу волновать до времени Мавру Павловну и делаю вид, насколько, конечно, мне это удастся, что чувствую себя лучше. Доверительно вам сообщаю, что я сделал распоряжение, чтобы экспедиция не прерывалась до Нижне-Колымска даже в том случае, если настанут мои последние минуты, и чтобы меня тащили вперед даже в тот момент, когда я буду отходить.

Я радуюсь тому, что успел познакомить жену с целью моих исследований и подготовить ее настолько, чтобы она сама смогла после моей смерти закончить экспедицию. Где бы смерть меня ни застала, экспедиция под руководством моей жены должна все-таки нынешним летом непременно доплыть до Нижне-Колымска, занимаясь главным образом зоологическими и ботаническими сборами и разрешением тех из геологических вопросов, которые доступны Мавре Павловне...— Он закашлялся и вытер выступивший на лбу пот.— Иначе, вы понимаете, если экспедиция 1892 года не состоялась бы в случае моей смерти, Академия наук потерпела бы крупные денежные убытки и ущерб в научных результатах, и на мое имя, до сих пор еще ни чем не запятнанное, легла бы вся тяжесть неудачи.— Черский поднял руку, заметив, что собеседник что-то хочет возразить.

— Выслушайте меня до конца. Мне осталось совсем немного сказать. Да, да, только по возвращении экспедиции в Средне-Колымск она сможет считаться законченной, только тогда должна последовать сдача остатков экспедиционной суммы и экспедиционного имущества...

— Напрасно вы так мрачно смотрите в будущее,— произнес взволнованно Сучковский, потрясенный словами смертельно больного человека.— Бог даст, вы поправитесь...

— Нет, нет! — слабо махнул рукой Черский.— Не утешайте меня, хотя к этому обязывает вас сан священника. Состояние моего здоровья настолько плохо, что нет ни малейшей надежды на какое-либо улучшение.— Черский по-

казал на несколько листов бумаги, исписанных убористым почерком.— Все, что я вам сейчас сказал, написано в этом завещании. И я нисколько не сомневаюсь, что Мавра Павловна исполнит мою последнюю волю...— Он на мгновение задумался, и горестная тень легла на его изможденное страданием лицо.

— Бедная Маша! Каково-то будет ей! А Саша, мой мальчик! Сколько испытаний выпало ему на заре жизни! — Из груди его вырвался тяжкий вздох.— Друг мой,— продолжал он через несколько минут,— вы здесь единственный человек, к которому я могу обратиться с последней просьбой. Я таю скорее, чем свеча, и боюсь, что мне уже не осталось времени подготовить жену к роковому часу. Выдержат ли ее нервы? Вот что больше всего меня тревожит и не дает ни минуты покоя...

— Все, о чем бы вы ни просили, я выполню неукоснительно,— взволнованный до глубины души, ответил Сучковский. Он, не скрывая, дивился этому столь сильному духом человеку, который на краю могилы думал прежде всего о том, чтобы завершить порученное ему дело, и беспокоился о своих близких, совершенно забывая о себе.

— Иного ответа я от вас и не ждал,— с чувством пожал руку Сучковского Иван Дементьевич.— Так дайте же мне слово, что, когда не будет у Саши и матери (вы видите, я предусматриваю самое худшее), вы сами отвезете его в Якутск, хотя бы для этого вам пришлось переехать в Средне-Колымск...

— Я все исполню, как вы того просите,— торжественно сказал Сучковский, и глаза его увлажнились.— Но не дай бог, чтобы вслед за отцом бедный отрок потерял мать и остался круглой сиротой.

— Все может статься,— мрачно заметил Черский.— Я очень за нее опасаюсь.— Он снова закашлялся и долго не мог перевести дух. Потом сказал:

— Вы, разумеется, понимаете, что о нашей беседе Мавра Павловна ничего знать не должна. Прощайте, отец Василий, и помните о нашем уговоре. Я на вас очень и очень надеюсь.

Спустя несколько дней после этого разговора подготовка к очередному маршруту экспедиции закончилась. Ивана Дементьевича перенесли в лодку (сам он уже не в состоянии был дойти до нее), и путешественники, напутствуемые добрыми пожеланиями и советами немногочисленных

обитателей Верхне-Колымска, поплыли вниз по течению реки.

Первое время Черский сам вел записи наблюдений. Но вскоре и на это у него уже не стало хватать сил. Он лежал на носу лодки, задыхаясь от сотрясавшего его исхудавшее тело кашля. Когда спазмы несколько отпускали его, Иван Дементьевич тихо беседовал с сыном, наставляя его, как тот должен себя вести в том случае, если с матерью что-нибудь случится.

25 июня, меньше чем через месяц после отплытия из Верхне-Колымска, Иван Дементьевич Черский скончался на руках у жены.

Похоронив мужа, Мавра Павловна продолжала плавание по Колыме, ведя наблюдения, собирая коллекции горных пород и растений. Теперь она была руководителем этой беспримерной экспедиции. И настолько велика была сила духа этой поистине героической женщины, что ей удалось пройти маршрут, намеченный Черским, до конца, ведя все необходимые наблюдения.

Если кому-нибудь из читателей доведется когда-либо побывать в тех отдаленных краях, где река Омолон впадает в Колыму, они увидят величавый обелиск, на котором высечена надпись:

Выдающемуся исследователю Сибири и Колымы,
Индикирки и Яны, геологу и географу Ивану
Дементьевичу Черскому (1845—1892 гг.)
от благодарных потомков.

Выдающийся исследователь Сибири и Колымы, Индикирки и Яны! Как коротко и в то же время исчерпывающе полно сказано. Заслуги его перед наукой несомненны, путешествие, совершенное им, беспримерно. Беспримерно потому, что совершено смертельно больным человеком, единственными помощниками которого были женщина и двенадцатилетний мальчик.

Обелиск на его могиле будет вечно напоминать потомкам о заслугах Ивана Дементьевича Черского перед отечественной и мировой наукой, но еще более величественным памятником этому замечательному человеку служит громадная горная дуга, параллельная Верхоянскому хребту, исследованная им и названная в его честь — хребтом Черского.

В поисках Земли Санникова

Э то рассказ о мужестве и целеустремленности, о воле и упорстве, о человеке, который интересы науки ставил выше всего в жизни.

Это рассказ о полярном исследователе геологе Эдуарде Васильевиче Толле — начальнике Первой русской полярной экспедиции Академии наук, организованной по его инициативе на паровой яхте «Заря» в 1900 го-

ду для исследования полуострова Таймыр и для поисков таинственной Земли Санникова.

Впервые эту землю увидел в 1811 году с Новосибирских островов промышленник Яков Санников, именем которого она и была названа, а спустя семьдесят пять лет сам Толль, участвуя в геологической экспедиции, исследовавшей Новосибирские острова, увидел с острова Котельный на северо-западе очертания гористой земли. Он тогда записал в своем дневнике:

«Горизонт совершенно ясный. Вскоре после того, как мы снялись с устья реки Могур-урях... ясно увидали контуры четырех гор, которые на востоке соединялись с низменной землей. Таким образом, сообщение Санникова подтвердилось полностью. Мы вправе, следовательно, нанести в соответствующем месте на карту пунктирную линию и надписать на ней: Земля Санникова».

Еще там, на Новосибирских островах, Толль понял, что он не успокоится до тех пор, пока не доберется до этой таинственной то появляющейся, то исчезающей земли, не ступит на ее почву и не докажет всем, что она существует на самом деле, а не только как мираж.

Возвратившись в Петербург, он начал энергично добиваться снаряжения новой специальной экспедиции в Северный Ледовитый океан. Его усилия не были тщетны — Академия наук организовала такую экспедицию и поставила во главе нее Толля.

В борьбе с полярными льдами и суровой природой Арктики прошло два года. Попытки обнаружить Землю Санникова, продвигаясь на север на корабле, не увенчались успехом, и Толль решил после второй зимовки в бухте Нер-

пичьей на острове Котельный отправиться на поиски этой земли на собаках и байдарках.

Это было летом 1902 года.

В каюте было холодно, и Толль сидел за столом, набросив на плечи тулуп. Он быстро записывал свои впечатления в дневник, который вел с первого дня плавания, лишь изредка задумываясь и при этом поглаживая усы. Поглощенный своим занятием, он не расслышал, как отворилась дверь, и, только когда вошедший кашлянул, предупреждая о своем появлении, оторвал от записей взор. В дверях стоял командир яхты «Заря» лейтенант Матисен.

— А, это вы, Федор Андреевич,— приветливо сказал Толль.— Входите и садитесь, друг мой. Ваш приход очень кстати, у меня к вам разговор.

— Я тоже хотел поговорить с вами, Эдуард Васильевич,— неторопливо ответил Матисен, усаживаясь на стул.

— Вот и прекрасно,— Толль отодвинул в сторону бумаги и облокотился на стол.— Говорите прежде вы, а я уж потом.

— Эдуард Васильевич,— тихо начал командир «Зари».— Я пришел доложить, что все приготовления к вашему походу на собаках к острову Беннета закончены, и еще раз вас спросить, не переменяли ли вы своего намерения?

— Нет. Мое решение непреложно,— решительно ответил Толль.— Быть так близко к цели и не воспользоваться возможностью доказать свою правоту? Нет, Федор Андреевич, это не в моих правилах, не в моем характере.

— Но вы утомлены двухлетними тяготами, а для такого рискованного похода по льдам понадобится много сил, да и вообще...— лейтенант замаялся, и Толль, воспользовавшись паузой, иронически досказал:

— И вообще, хотели вы сказать, стоит ли искать Землю Санникова, которой нет в природе.

Матисен запротестовал:

— Я не это имел в виду, Эдуард Васильевич, во всяком случае не так категорично. Но согласитесь, что свидетельство Врангеля, Анжу, наконец, Фритьофа Нансена, совсем недавно дрейфовавшего на «Фраме» через район предполагаемого местоположения Земли Санникова и не обнаружившего ее следов, чего-нибудь да стоят.

Толль отрицательно покачал головой и устало улыбнулся:

— Никак не могу согласиться, друг мой. Я бы мог сослаться на собственный опыт. Вам отлично известно, что я

уже однажды видел эту землю собственными глазами примерно на расстоянии ста — ста сорока миль от острова Котельный, но...

— А не допускаете ли вы, что приняли за остров торосы большой высоты? — перебил его Матисен.

— Допускаю, разумеется, допускаю, — согласился быстро Толль. — Об этом я и хотел сказать. Но при условии, если бы это зрелище видел только я один. Однако мой спутник эвен Джергели тоже подтвердил, что неоднократно видел там землю. Что вы на это возразите? — Толль победоносно взглянул на лейтенанта и с воодушевлением продолжал: — Кстати, об Анжу, имя которого вы только что упомянули среди других имен. Обнаружив следы оленей, ведущие в открытое море, он попытался объяснить это странное явление тем, что животные удалялись от суши для того, чтобы полакомиться «рассолом». Я же глубоко убежден, что эти следы, несомненно, вели к земле до сих пор неизвестной, вероятнее всего к Земле Санникова, которую мы с вами разыскиваем. И Джергели, с которым я недавно свиделся в Айджергайдахе, подтвердил правильность моего суждения, сказав, что незачем оленям искать пропитанный солью лед так далеко, когда его можно легко найти у берега. А кому лучше знать повадки оленей, как не Джергели, всю жизнь проводившему с этими животными. И еще одно должен вам заметить, милый Федор Андреевич, — Толль поежился и подтянул сползший с плеча тулуп, — лучшим доказательством существования Земли Санникова кроме всего прочего служит открытие американской экспедицией Де-Лонга островов Беннета, Жаннетты и Генриетты в недавнее время именно там, где Яков Санников видел вторую землю с острова Фаддеевского.

— Нет, мой друг, я должен отправиться в поход, который задумал. Там, где прошли по льдам олени, пройдем и мы.

Матисен рассмеялся:

— Я знал, что наш разговор кончится примерно так. Если вы меня не убедили в существовании Земли Санникова, Эдуард Васильевич, то покорили своей целеустремленностью и верой в успех наших поисков. Что ж, будем надеяться на удачу. Собаки, нарты, байдары, провиант — все готово к походу. — Лейтенант поднялся со стула. — Я буду ждать ваших дальнейших распоряжений...

— О них я и намерен был с вами потолковать, Федор Андреевич, — остановил Матисена Толль. — Вот все распоря-

жения на время моего отсутствия. — Толль взял лежащие с левой стороны бумаги и протянул их лейтенанту. — Прежде всего я заготовил доверенность на пользование открытым на мое имя кредитом, чтобы вы имели возможность доставить членов экспедиции домой в случае чрезвычайных обстоятельств. А вот это письмо вы вскрыете лишь в том случае, если экспедиция лишится корабля и без меня начнет обратный путь на материк и если я погибну. Да, да! Надлежит предусмотреть все. И наконец, Федор Андреевич, передаю вам инструкцию о пути следования экспедиции на родину. Я ее постарался составить как можно более подробно.

Матисен, не говоря ни слова, бережно спрятал во внутренний карман куртки полученные от начальника экспедиции документы и медленно вышел из каюты.

Толль взял перо и снова склонился над дневником.

На следующий день маленькая партия, состоящая из четырех человек, отправилась в путь, а яхта «Заря» более месяца оставалась в бухте Нерпичьей, скованная льдами. Вплоть до сентября Матисен делал неоднократные попытки продвинуться к северу, чтобы снять с острова Беннета Толля и его спутников. Убедившись в бесплодности этих усилий, он вскрыл конверт, переданный ему перед отъездом начальником экспедиции. Документ, вложенный в конверт, гласил следующее:

«Командиру яхты «Заря» лейтенанту Федору Андреевичу Матисену.

Поручаю Вам весь личный состав Русской Полярной экспедиции, ученый персонал и судовую команду доставить на яхте «Заря» или другим указанным мною в инструкции от 19 мая путем до сибирского берега и дальше на родину и передаю Вам на тот случай, если Вам не удастся снять меня с острова Беннета или в случае моей смерти, все права начальника экспедиции.

Э. Толль.

«Заря», Нерпичья губа, 30 мая 1902 года».

Выполняя волю руководителя экспедиции, командир яхты направился к устью Лены, и 7 сентября «Заря» бросила якорь в бухте Тикси, а в декабре участники экспедиции прибыли в Петербург.

Сообщение Матисена в Комиссии по снаряжению русской полярной экспедиции Академии наук о безуспешности его попыток пробиться к острову Беннета и забрать оттуда Тол-

ля и его товарищей побудило комиссию организовать спасательную экспедицию на вельботах к острову Беннета.

Миновал год. В Академии наук шло заседание Комиссии по снаряжению русской полярной экспедиции.

Председательствующий, нервно теребя листы лежащих перед ним на столе бумаг, сурово произнес:

— Господа! Только что прибыл из Якутска посланец от экспедиции по поискам нашего коллеги Эдуарда Васильевича Толля и его партии. Увы, известия, которые он привез, неутешительны. Поиски партии на острове Беннета оказались безуспешными, хотя следы ее были неоднократно обнаружены в различных местах острова. С нарочным прибыли найденные там документы. Вот они лежат передо мною. С вашего позволения, я зачитаю некоторые из них, чтобы пролить свет на эту, увы, трагическую историю.— Он снял очки, протер их платком и, вновь водрузив на прежнее место, продолжал:

— Первые записки были обнаружены на мысе Эммы в бутылке у воткнутого в землю байдарочного весла. В них сообщалось, что партия благополучно доплыла до острова и собирается направиться по его восточному берегу к северу. К ним был приложен нарисованный от руки план острова с указанием, как найти жилище партии и где находятся документы.

Последовав по указанному на плане маршруту и переехав через два ледника, участники поисковой экспедиции обнаружили четыре ящика с геологическими образцами, а подо льдом и камнями нашли испорченный фотоаппарат, коробку с нетронутыми фотопластинками и обшитый парусиной ящик, в котором лежала последняя записка Толля. Вот ее содержание:

«Прошу представить настоящий документ президенту Академии наук в С.-Петербурге.

В сопровождении астронома Ф. Г. Зееберга и двух промышленников — тунгуса Николая Дьяконова и якута Василия Горохова — я отправился 5/VI из зимней гавани яхты «Заря» губы Нерпичьей о. Котельного. Мы шли по северным берегам островов Котельный и Фаддеевский к мысу Высокому о-ва Новой Сибири. 13/VII взяли курс на остров Беннета. Лед был в довольно разрушенном состоянии. Приготовляясь к плаванию на байдарках, мы убили здесь последних собак. Отсюда нас понесло на льдине нашего лагеря в течение четырех с половиной суток 48 миль по курсу. Заметив затем удаление нашей льдины на 10 миль к югу, оста-

вили ее 31/VII. Проплыв благополучно на двух байдарках оставшиеся 23 мили до острова Беннета, 3/VIII высадились у мыса Эммы.

По съемке астронома Зееберга остров Беннета не более 200 квадратных верст и представляет плоскогорье не выше 1500 футов*. В долинах острова изредка лежат вымытые кости мамонтов и других четвертичных животных.

Ныне живущим обитателем острова Беннета, кроме белого медведя и временного гостя моржа, оказался олень; стадо в 30 голов водилось на скалистых пастбищах острова. Мы питались его мясом и шили себе необходимую для зимнего обратного пути обувь и одежду. Следующие птицы жили на этом острове: два вида гаг, один вид куликов, снегирь, пять видов чаек и среди них розовая.

Пролетными птицами являлись: сокол, летевший с юга на север, сокол — с севера на юг, и гуси, пролетевшие стаями с севера на юг. Вследствие туманов земли, откуда пролетали эти птицы, также не было видно, как и во время прошлой навигации Земли Санникова...

Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы.

Губа Павла Кеппена острова Беннета. 8.XI 1902 г.

Э. Толль»

— Это все, чем мы располагаем, господа,— со вздохом закончил председательствующий,— если не считать дневника Эдуарда Васильевича, привезенного ранее, который нам надлежит передать его безутешной вдове. Такова воля погибшего нашего коллеги. Увы, я говорю со скорбью об Эдуарде Васильевиче как о погибшем и называю его женой вдовою, ибо не вижу более оснований надеяться увидеть участников партии живыми. К прискорбию нашему, мы должны смириться с мыслью, что, пытаясь вернуться с острова Беннета на Новосибирские острова во мраке полярной ночи при температуре, доходящей до сорока градусов ниже нуля, по движущимся льдам, через полыньи и нагромождения торосов, Толль и его три спутника нашли свою смерть на этом тяжелом пути...

— А оставаться на зимовку на острове он, очевидно, не рискнул, зная, что они не смогут прокормиться,— задумчиво заметил кто-то из членов комиссии, горестно вздыхая.

* Фут равен 0,305 метра.

— Да, у них не было иного выхода,— кивнул головой председательствующий.— Ведь, судя по последней записке, у них оставалось провизии всего на две-три недели.

— Из двух зол он выбрал меньшее, казалось бы, и... все же проиграл,— заметил секретарь, самый молодой из всех присутствовавших.— Я бы на его месте поступил точно так же.

— Господа,— сказал председательствующий.— Итак, я ознакомил вас со всеми имеющимися в распоряжении комиссии документами и свидетельствами, связанными с поисками партии Толля. Теперь нам предстоит решить, следует ли продолжать наши поиски в дальнейшем или ввиду полного отсутствия каких-либо указаний о местонахождении пропавших без вести смириться с совершившимся.

— Продолжать далее поиски бессмысленно и бесполезно,— заметил один из членов комиссии.

— Тем более что прошло уже более года с момента написания Толлем последней записки на острове Беннета перед их отправлением на юг,— поддержал его сосед.— Но у меня все же есть предложение назначить премию за нахождение партии Толля или хотя бы ее следов. Кто знает, быть может, кому-нибудь из промышленников удастся что-либо обнаружить.

— Превосходная мысль,— почти в один голос поддержали оратора еще несколько членов комиссии.

Председательствующий тоже одобрительно кивнул головой и поднял руку, призывая к вниманию.

— Я рад, что наши мнения совпали, господа, ибо точно такое же предложение я намерен был представить на ваш суд. Есть уже готовый текст, который, с вашего позволения, зачитает наш уважаемый секретарь.

Секретарь откашлялся и начал читать:

— Ввиду безуспешности подать помощь начальнику русской полярной экспедиции Э. В. Толлю и его спутникам: астроному Ф. Г. Зеебергу и якутам Василию Горохову, по прозвищу Чичаг, и Николаю Дьяконову, по прозвищу Омук, ушедшим с острова Беннета, лежащего к северу от Новой Сибири, 8 ноября 1902 г. по направлению к югу, но отнесенным, по-видимому, льдами, за отыскание всей партии или части ее назначается премия в размере пяти тысяч рублей, а за первое указание несомненных следов ее — премия в размере двух тысяч пятисот рублей.

Академия наук приняла предложение комиссии и установила соответствующие премии. Однако все поиски были

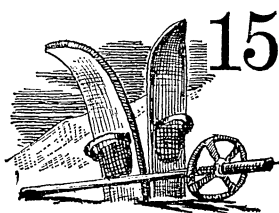
напрасны. Каких-либо следов пропавших обнаружить никому не удалось.

Эдуард Васильевич Толль погиб, так и не найдя Земли Санникова, в существование которой столь горячо верил. Но его научный подвиг остался жить в памяти покорителей Арктики. Его исследования полуострова Таймыр, Новосибирских островов, острова Беннета принесли большую пользу отечественной науке.

Имя этого полярного исследователя можно встретить не только в ученых трудах и популярных книгах, но и на географической карте.

Залив Толля на полуострове Таймыр, плато Толля на Новосибирских островах, гора Толля на острове Беннета, гора Толля на островах Новая Земля — так отметили люди подвиг этого незаурядного человека.

Флаг над полюсом

января 1912 года.

Пять человек лежат в спальных мешках в тесной палатке, затерявшейся среди бесконечной ледяной пустыни Антарктиды. Это участники английской антарктической экспедиции Роберта Скотта: сам Скотт, Уилсон, Эванс, Отс и Боуэрс.

Измученные очередным пешим переходом, трое забылись тяжелым сном, едва согреваемые промокшими спальными мешками. Палатка сотрясается от резких порывов ветра, снег с монотонным шелестом ударяет в ее стены.

Роберт Скотт и доктор Уилсон шепотом, чтобы не разбудить товарищей, переговариваются, делясь впечатлениями.

— Эванс очень сдал за последние дни,— говорит Уилсон.— Я очень беспокоюсь.

— Да, я тоже обратил внимание,— соглашается Скотт.— Это удивительно, ведь он, пожалуй, физически был крепче всех нас. А теперь он храбрится и старается не показать виду, что теряет силы.

— Ужасный путь,— вздыхает Уилсон.— Эти бесконечные заструги, сыпучий кристаллический снег — отврати-

тельная погода. Как она нам мешает... Но цель близка. Если не ошибаюсь, до полюса остается не более тридцати миль?

— Да, Билл,— кивает в ответ Скотт.— Это совсем немного после того, что мы преодолели. Всего два пеших перехода отделяют нас от возжеленной цели. Теперь мы должны дойти! Одна лишь мысль не дает мне покоя: что если...

— Вы опасаетесь, что Амундсен может нас опередить? — с тревогой спрашивает Уилсон сразу охрипшим голосом.

— Я ничего не знаю, ничего не предполагаю,— грустно отвечает Скотт.— Но мы должны быть готовы ко всему. Нельзя скидывать со счетов того, что у норвежцев много собак, благодаря которым они имеют возможность передвигаться быстрее, нежели мы со своими санями за спиной.

— Будем надеяться на лучшее, Роберт,— с надеждой произносит Уилсон.— Было бы высшей несправедливостью, если бы все наши усилия оказались напрасными.

— Почему напрасными?! — голос Скотта крепнет.— Я уже давно, с того самого момента, как получил известие о том, что Руал Амундсен высадился в Китовой бухте и намерен идти к полюсу, думаю, что, если даже ему суждено добраться до Южного полюса прежде нас, нам все равно следует продолжать наше дело совершенно так, как будто Амундсена не существует. Бег с ним наперегонки расстроил бы весь мой план, к тому же не за тем как будто мы сюда пришли. Боюсь только, что наша экспедиция из-за этого много потеряет в глазах публики. Во всяком случае важно то, что будет сделано, а не людская хвала.

— Вы правы, Роберт,— одобрительно подхватил Уилсон.— Разве наши многочисленные наблюдения за рельефом, атмосферой, климатом, собранные геологические образцы ничего не стоят? А сознание исполненного долга?

— Спите, Билл,— растроганно говорит Скотт.— Для завтрашнего перехода надо набраться сил. Спите, дорогой друг, вы — чудесный товарищ, и я счастлив, что судьба свела меня с вами и позволила оценить вас по заслугам.

Уилсон, поворочившись в своем мешке, через некоторое время засыпает, а Скотт достает записную книжку и при тусклом свете коптилки записывает в свой дневник, который он аккуратно ведет с самого начала экспедиции.

«Страшно представить себе,— пишет он,— что два больших перехода должны привести нас к полюсу. Сегодня сложили в склад провизии на 9 дней. Дело, можно сказать, верное, единственная грозная возможность — это если опередил нас норвежский флаг. Боуэрс продолжает усердно делать

наблюдения, и удивительно, как он их обрабатывает, лежа в своем спальном мешке в нашей тесной палатке. Минимальная температура за эту ночь — 33° С. До полюса остается 27 миль. Теперь уже должны дойти».

Дописав эту фразу, он устраивается поудобнее и вскоре, полный тревожных дум, забывается во сне.

Утром все, освеженные отдыхом, отправляются в путь. Путешественники в приподнятом настроении. Ведь до желанной цели рукой подать. Не позднее чем завтра они будут на Южном полюсе. Разве не стоит такая победа всех невзгод и лишений, которые им пришлось претерпеть.

Вот уже пройдено семь с половиной миль, и никто не испытывает усталости. Близость заветной цели прибавляет сил. Встречный ветер затрудняет продвижение вперед, но это не мешает Боуэрсу время от времени бросать шуточные замечания, вызывающие улыбки на лицах товарищей.

Вдруг Боуэрс останавливается и начинает внимательно всматриваться вперед, приложив ладонь ко лбу.

— В чем дело, дружище? — спрашивает Скотт. — Какие-нибудь признаки перемены погоды?

— Нет, нет, капитан, — неуверенно отвечает Боуэрс. — Мне, видно, почудилось...

— Дай-то бог, — думает Скотт и продолжает двигаться вперед, не подавая виду, что он обеспокоен словами Боуэрса.

Проходит еще полчаса, и впереди четко вырисовывается какая-то черная точка. Ее уже видят все, не только зоркий Боуэрс. Этот черный предмет выглядит инородным телом на фоне снежного ландшафта.

Что бы это могло быть? Неужели предчувствие не обмануло Скотта?

Увы, самые худшие его опасения подтверждаются. Предмет становится все явственнее и превращается в флаг, черный норвежский флаг, прикрепленный к полозу саней.

Пятеро англичан останавливаются, тяжело дыша, у флага и обмениваются понимающими взглядами.

Уилсон первый произносит:

— Амундсен нас опередил.

— Да, — кивает головой Скотт. — Норвежцы первыми достигли полюса, все ясно как на ладони...

— Двух мнений быть не может, — подтверждает будничным, казалось бы, голосом Боуэрс, обводя рукой вокруг. — Вот остатки лагеря, следы собак, лыж, саней...

— Какое ужасное разочарование, — грустно и безнадежно произносит Уилсон.

Отс и Эванс молчат, но их молчание красноречивее слов, которые могли бы быть произнесены в подобной ситуации.

— Великий боже,— вырывается у Уилсона.— Что за ужасное место и каково понимать, что за все труды мы не вознаграждены даже сознанием того, что пришли первыми!

— Мы еще не достигли полюса,— мягко поправляет его Скотт.— И пусть мы будем вторыми, но мы должны до него добраться. Вперед, друзья!

17 января. Сильный встречный ветер. На морозе руки и ноги стынут, и каждый шаг дается с трудом.

Вот наконец и полюс. Где-то здесь должны быть опознавательные знаки норвежцев.

Они оказываются примерно в двух милях от разбитого англичанами лагеря. Это палатка, в которой оставлены некоторые измерительные приборы, рукавицы и носки, мешки из оленьих шкур. Здесь же записка, из которой явствует, что на Южном полюсе побывало пять норвежцев: Руал Амундсен, Олаф Бьоланд, Хельмар Хансен, Сверре Хассель и Оскар Вистинг 16 декабря 1911 года. Ровно месяц назад.

Зоркий Боуэрс находит еще одну записку, адресованную Амундсеном Скотту. Скотт, читая записку Амундсена, печально улыбается. У него самые мрачные предчувствия относительно обратного пути к острову Росса. Борьба будет отчаянная. Удастся ли им победить? Хватит ли у него и его товарищей сил, чтобы проделать путь в восемьсот миль туда, откуда они пришли и где их ожидает экспедиционное судно «Терра нова»?

Он проводит рукой по лбу, как бы отгоняя мрачные мысли, и обращается к спутникам:

— Дело сделано. Нам остается оставить здесь свидетельство нашего пребывания и отправляться в обратный путь.

— В полумиле отсюда я видел старый полоз от саней,— говорит Боуэрс.— Можно им воспользоваться, я полагаю.

— Да, да,— кивает головой Скотт.— Водрузим наш бедный обиженный английский флаг и сфотографируемся около него все вместе. А затем повернемся спиной к цели наших честолюбивых вожделений. Прощайте, золотые грезы! Перед нами восемьсот миль пешего хождения с грузом...

И вот начинается обратный марш на север. Милы за миль преодолевают путники в борьбе с суровой и беспощадной природой Антарктиды. Мороз делает свое разрушительное дело, оставляя свои отпечатки на лицах, руках и ногах путешественников,

Медленно тянутся дни и ночи с их удручающим однообразием бесконечной белой пустыни.

Так проходит месяц, второй. Люди уже в последней степени изнурения, но продолжают с упорством, достойным восхищения, двигаться вперед к складу с провизией, предусмотрительно оставленному ими на пути к полюсу, и далее туда, где ждут их товарищи по экспедиции.

Скотт лежит в палатке и окоченевшими пальцами с трудом заносит в дневник все события проведенного дня.

«Несчастье преследует нас, но еще возможен поворот к лучшему. Вчера опять дул ветер и гнал снег нам в лицо; пришлось остановиться. Нет такого человека, который мог бы справиться с ним, а мы изнурены почти до предела».

Потом он пишет прощальные письма жене Уилсона, матери Боуэrsa, своим друзьям и послание обществу.

«Мы помираем в очень безотрадном месте... Мы показываем, что англичане еще умеют умирать отважно, сражаясь до конца. Станет известно, что мы выполнили свое задание, достигнув полюса, и сделали все возможное, вплоть до самопожертвования, чтобы спасти больных товарищей. Я думаю, что это послужит примером для англичан будущего поколения и что родина должна помочь тем, кого мы оставляем оплакивать нас... Я не оказался великим исследователем, но мы совершили величайший поход, когда-либо совершенный, и подошли очень близко к крупному успеху...

Мы ослабели, писать трудно, но я лично не жалею об этом путешествии. Мы шли на риск, мы знали, что идем на риск. Обстоятельства повернулись против нас, и поэтому у нас нет причин жаловаться.

Если бы мы остались в живых, то какую бы я поведал повесть о твердости, выносливости и отваге своих товарищей! Мои неровные строки и наши мертвые тела должны поведать эту повесть».

Скотт закрывает дневник и прячет его в сумку. Там уже лежат две записные книжки с его заметками. Он закрывает глаза и пытается уснуть, но боль в правой ноге не дает ему забыться — все пальцы на ноге отморожены. А в голове продолжают лихорадочно тесниться мысли, горькие, безотрадные: «Вот он, финал их путешествия. Пройти нечеловечески тяжелый путь, достигнуть полюса и в ста милях от ожидающих товарищей погибнуть от голода и холода!»

Рядом со Скоттом лежат, постанывая в тревожном забытьи, Уилсон и Боуэрс.

«Далеко позади, в самой глубине материка, остались вер-

ные друзья Эванс и Отс. Бедняга Эванс первым открыл счет, а ведь казалось, что он крепче других.

А Лоуренс Отс? Как стойко он переносил страдания, и, когда ему стало совсем неважно, он ушел в белое безмолвие, чтобы не обременять товарищей. Какое величие души!

Неужели он повинен в их гибели? Нет. Причины катастрофы не вызваны недостатками организации. Просто невезение. В чем же невезение? Ах, да. Прежде всего потеря конного транспорта в марте 1911 года, из-за чего пришлось двинуться в путь позже, чем это было намечено, и сократить количество груза. Затем непогода на всем пути к полюсу и особенно продолжительная буря на 83° южной широты, надолго приостановившая их продвижение. И, наконец, чрезвычайно низкая температура при почти постоянном встречном ветре, приведшая к болезням и гибели товарищей».

Скотт засыпает под вой ветра, вздрагивая от холода.

Проходит еще несколько дней. Трое англичан по-прежнему в палатке в одиннадцати милях от склада с продовольствием. В дневнике Скотта появляется последняя запись:

«Жаль, но не думаю, чтобы я был в состоянии еще писать. Ради бога, не оставьте наших близких!»

Миновало восемь месяцев. Участники экспедиции Роберта Скотта, не дождавшиеся возвращения с полюса своих товарищей, отправились на поиски пятерых смельчаков и обнаружили палатку, занесенную снегом, с трупами Скотта, Уилсона и Боуэрс. Из дневника Скотта им стало известно о причинах несчастья и о месте гибели Эванса и Отса.

Потрясенные случившимся и воздавая должное отваге и мужеству погибших, они соорудили над палаткой огромный гурий, надежно укрепили его и в металлический цилиндр, подвешенный на бамбуковом шесте, положили записку, извещавшую о том, кто здесь похоронен.

В память отважных исследователей на вершине Наблюдательного холма, неподалеку от которого находилась стоянка судна Скотта «Терра нова», воздвигнут трехметровый крест из австралийского красного дерева и на нем высечены широко известные слова поэта Теннисона:

«Бороться и искать, найти и не сдаваться».

А имя Роберта Фалькона Скотта, руководителя английской экспедиции к Южному полюсу, увековечено в названии острова в море Росса, омывающем берега Антарктиды.

Содержание

Драгоценная находка (Вместо предисловия)	3	Вокруг света на «Надежде» и «Неве»	95
Адмирал моря-океана	12	На подступах к открытию	101
Остров Исцеления	25	Остров, открытый издали	108
К островам Прианостей	32	В поисках Северо-западного прохода	115
Капитан «Золотой лани»	39	Второе открытие Соломоновых островов	122
В поисках Терра инкогнита	47	Загадка Небесных гор	129
По пути Гольфстрима	53	К крыше мира	135
Бунт на корабле	59	Друг человечества	141
Блестящая неудача	66	В ледяных тисках	149
К морю Ламскому	73	Через хребты сибирские	156
К самой северной точке материка	79	В поисках Земли Санникова	163
Пропавшая экспедиция	87	Флаг над полюсом	170

Узин, Семен Владимирович

КАПИТАН «ЗОЛОТОЙ ЛАНИ»

Редактор Л. А. Машарова

Младший редактор З. В. Кирьянова

Оформление художника С. В. Юкина

Художественный редактор В. А. Масленников

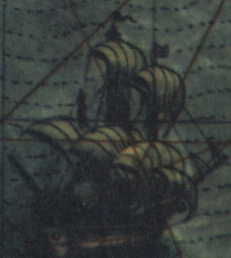
Технический редактор Л. В. Барышева

Корректор Л. Ф. Кирилина

Сдано в набор 11 апреля 1973 г. Подписано в печать 19 июля 1973 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆, № 2. Усл. печатных листов 10,23. Учетно-издательских листов 10,24. Тираж 50 000 экз. А 03823 Заказ № 278. Цена 33 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Орлена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

33 коп.

